

Федеральное агентство по образованию РФ
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

СТРЕЛКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

**ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА
(В ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ)**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
профессор В. К. Кельмаков

Ижевск 2009

Содержание

Введение.....	5
0.1. Общая характеристика исследования	5
0.2. Из истории фиксации и изучения имен числительных удмуртского языка	9
Глава 1. Об этимологии имен числительных удмуртского языка	25
1.1. <i>Одйг</i> 'один'	26
1.2. <i>Кык</i> 'два'	30
1.3. <i>Куинь</i> 'три'	31
1.4. <i>Ньыль</i> 'четыре'	32
1.5. <i>Вить</i> 'пять'	33
1.6. <i>Куать</i> 'шесть'	34
1.7. <i>Сизьым</i> 'семь'	34
1.8. <i>Тямыс</i> 'восемь'	35
1.9. <i>Укмыс</i> 'девять'	37
1.10. <i>Дас</i> 'десять'	38
1.11. <i>-мын</i> и <i>-дон / -тон</i> в значении 'десять'	39
1.12. Способы образования единиц второго и последующего десятков	40
1.13. <i>Кызь</i> 'двадцать'	43
1.14. <i>Куамын</i> 'тридцать'	44
1.15. <i>Ньыльдон</i> 'сорок'	44
1.16. <i>Витьтон</i> 'пятьдесят'	45
1.17. <i>Куатьтон</i> 'шестьдесят'	45
1.18. <i>Сизьымдон</i> 'семьдесят'	45

1.19. <i>Тямыстон</i> 'восемьдесят'	46
1.20. <i>Укмыстон</i> 'девянносто'	46
1.21. <i>Сю</i> 'сто'	46
1.22. <i>Сюрс</i> 'тысяча'	47
1.23. Нулевая множественность	48
Глава 2. Классификация имен числительных	52
2.1. Классификация имен числительных по морфологической структуре	52
2.2. Лексико-грамматическая классификация и морфология имени числительного	57
2.2.1. О лексико-грамматической классификации имен числительных	57
2.2.2. Собственно-количественные числительные	59
2.2.3. Числительные приблизительного значения	69
2.2.4. Дробные числительные	83
2.2.5. Собирательные числительные и счетно-личные местоимения..	90
2.2.6. Порядковые числительные	100
2.2.6.1. О порядковых числительных	100
2.2.6.2. Порядковое числительное 'первый'	102
2.2.6.3. Порядковое числительное 'второй'	105
2.2.6.4. О суффиксах порядковых числительных	106
2.2.6.5. Особенности употребления порядковых числительных в удмуртском языке	108
2.2.7. Неопределенно-количественные слова	114
2.2.7.1. Выделение группы слов с неопределенно-количественным значением	114
2.2.7.2. О лексико-грамматической принадлежности слов с неопределенно-количественным значением	115
2.2.8. Наречия, образованные от имен числительных	122
2.2.8.1. О разделительных числительных	122

2.2.8.2. Другие формы отнумеральных наречий	128
Глава 3. Синтаксис имени числительного	133
3. 1. О синтаксических функциях имен числительных удмуртского языка	133
3.1.1. Числительное в роли подлежащего	133
3.1.2. Числительное в роли сказуемого	135
3.1.3. Числительное в роли определения	136
3.1.4. Числительное в роли дополнения	138
3.1.5. Числительное в роли обстоятельства	139
3.1.6. Вводные слова	140
3.2. Числительное в составе сложного слова	141
3.3. Имя числительное и категория числа	146
3.3.1. О числе имени существительного в сочетании с числительным	147
3.3.2. О реликтах двойственного числа в удмуртском языке	156
3.3.3. Категория числа имен числительных	159
Заключение	164
Условные сокращения	169
Источники исследования	171
Библиографический список	176
Приложения	192

Введение

0.1. Общая характеристика исследования

Актуальность исследования. Из года в год лингвистика как наука претерпевает изменения, пополняется знаниями, выходят в свет труды известных, а также только начинающих свою исследовательскую деятельность ученых. В удмуртском языкознании уделяется должное внимание рассмотрению проблем морфологии, но, к сожалению, среди опубликованных работ до сегодняшнего дня нет исследований, которые комплексно и всесторонне рассматривали бы имя числительное удмуртского языка. В работах зарубежных и отечественных языковедов мы достаточно часто находим вкрапления информации об удмуртских числительных и значительно реже – целые главы и полноценные статьи, посвященные рассмотрению проблем имени числительного (к примеру, можно отметить исследования таких ученых, как В. И. Алатырев, А. С. Бабинцев, В. К. Кельмаков, К. Е. Майтинская, П. Н. Перевощиков, Г. А. Ушаков, Л. Хонти, Р. Бартенс, Г. Орбан, Ф. И. Видеманн). Вместе с тем необходимо отметить, что зачастую авторы изданных трудов не учитывают особенности удмуртского языка как агглютинативного и опираются на традиции русского языкознания.

Язык очень сложен и многогранен. Он представляет собой сложнейшую систему, которая живет и изменяется по своим правилам и законам. И в этой многогранности различных значений существует система выражения количества и числа. Так как каждый язык также представляет собой нечто уникальное, соответственно, в каждом языке, претерпевшем изменения в течение веков, тысячелетий, установилась своя система выражения количественности, в которой можно обнаружить черты, сближающие её с

другими родственными языками, и совершенно новые элементы, существенно отличающие её от других.

Удмуртский язык, как один из представителей пермской группы финно-угорской семьи языков, сохранил нечто общее с общефинно-угорской системой числительных и приобрел много новых черт в самостоятельный период развития.

Числительные зародились в глубокой древности. Они возникли, чтобы удовлетворить потребности людей в числовом представлении. Первоначально круг числовых представлений был очень узок, ограничен, а счет примитивен.

Тот факт, что числительные до 6 в финно-угорских языках имеют достаточно заметные сходства, говорит о том, что данные числительные возникли ещё в прафинно-угорское время, когда финно-угры жили в единстве. По мнению исследователей, финно-угорские языки унаследовали от языка-основы девять числительных, обозначающих '1–6', '10', '20', '100' [Honti 1987: 135]. Однако скудный набор дошедших до нас числительных, как отмечает К. Е. Майтинская [1973: 211], еще не свидетельствует о том, что прафинно-угры не имели точного представления о промежуточных единицах, очевидно, они пользовались вспомогательными средствами для их выражения. Таким образом могли появляться «числительные», образуемые от случая к случаю и поэтому не постоянные по составу. Многие также зависело от того, какую значимость для быта имели промежуточные числовые понятия. Возможно, что число '100' для быта прафинно-угров имело бóльшую значимость, чем '15', '18', '25' и т. д.

Имя числительное удмуртского языка как знаменательная часть речи заслуживает пристального и детального рассмотрения с точки зрения этимологии, определения места в системе частей речи, выявления морфологических и синтаксических особенностей. Все это и предопределяет актуальность данного исследования и необходимость как теоретического, так и практического анализа имени числительного в удмуртском языке.

Объектом исследования являются имена числительные удмуртского языка, представленные как в словарях, грамматиках, так и в художественных, публицистических текстах.

Предметом исследования являются категориальные особенности имен числительных удмуртского языка.

Цель диссертационного исследования заключается в определении особенностей имени числительного удмуртского языка как знаменательной части речи.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

- выяснить историю возникновения и развития имен числительных удмуртского языка;
- классифицировать имена числительные, выделить их разряды с учетом особенностей грамматического строя удмуртского языка;
- проанализировать возможность перехода имени числительного в другие части речи и образование отнумеральных слов;
- рассмотреть синтаксические особенности имени числительного, сочетание с именем существительным;
- определить лексико-грамматическую принадлежность слов типа *уно*, *трос*, *данак* 'много', *ичи*, *ӧжыт* 'мало'.

В соответствии с поставленной целью и задачами работы в диссертации использован комплекс **методов и приемов** анализа фактического материала: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический, а также количественный анализ материалов.

Источниками исследования являются:

- художественные произведения на удмуртском языке;
- периодическая печать;
- словари, памятники письменности удмуртского языка.

Теоретической и методологической основой данного исследования явились труды по общему языкознанию, финно-угроведению, в том числе по

удмуртскому языкознанию, касающиеся проблем морфологии, лексикологии, отдельные работы, посвященные рассмотрению вопросов морфологии удмуртского языка, таких ученых как В. И. Алатырев, В. К. Кельмаков, Б. А. Серебренников, Г. А. Ушаков и др., а также исследования, касающиеся вопросов этимологии числительных, В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, К. Редеи, Л. Хонти и др.

Научная новизна работы заключается в том, что является первым монографическим исследованием, посвященным комплексному изучению лексико-грамматических особенностей имени числительного удмуртского языка (с привлечением материалов как родственных, так и неродственных языков), рассмотрению его характеристик в системе частей речи удмуртского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Классификация имен числительных делает необходимым учет особенностей их употребления в составе предложения и выявление их лексико-грамматических характеристик. На основании этого в удмуртском языке выделяются количественные (собственно-количественные, приблизительные, дробные, собирательные) и порядковые числительные.

2. Классифицируя числительные по морфологической структуре, можно выделить простые, сложные и составные.

3. От собирательных числительных следует отличать сходные по структуре счетно-личные местоимения.

4. От имени числительного с помощью различных средств образуются наречия.

5. Слова с неопределенно-количественным значением типа *уно*, *трос*, *данак* 'много', *ичи*, *ёжыт* 'мало' можно квалифицировать как прилагательные или наречия.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке проблем как удмуртского, так и финно-угорского языкознания в целом; при подготовке

теоретических и практических курсов по удмуртскому языкознанию, для детальной функциональной характеристики имен числительных при разработке курсов, учебников, пособий по удмуртскому языку, сравнительно-сопоставительному, сравнительно-историческому языкознанию. Материалы диссертации также могут быть использованы при проведении спецкурсов по удмуртскому языку.

Апробация исследования. Основное содержание работы получило освещение в 10 статьях. Положения и результаты диссертации в виде докладов обсуждались на научно-практических совещаниях различного уровня, в том числе международных: IFUSCO International Finno-Ugric Students Conferens = Международной финно-угорской студенческой конференции (Ижевск, 2005); XI Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Пермь, 2006); Международной научной конференции «75 лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2006); III международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи» (Кудымкар, 2007); межрегиональных: Межрегиональной научно-практической конференции «Коми-пермяцкий и финно-угорский мир» (Кудымкар, 2005); Межрегиональной научной конференции, посвященной 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка «Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности» (Пермь, 2008); региональных: VII научно-практической конференции преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященной 245-летию г. Ижевска (Ижевск, 2005).

0.2. Из истории фиксации и изучения имен числительных удмуртского языка

Имя числительное – это часть речи, обозначающая отвлеченное число (*куамын* 'тридцать', *вить* 'пять'), количество предметов и явлений (*кык гурт*

’две деревни’, *дас ар* ’десять лет’) или порядок предметов и явлений по счету (*сизьыметй корка* ’седьмой дом’, *тямысэти толэзь* ’восьмой месяц’).

В финно-угорских языках имена числительные рассматриваются как особая знаменательная часть речи. В лексико-семантическом поле количества имен числительных выделяются количественные, дробные, неопределенно-количественные, приблизительного счета, собирательные (совместные, обобщительные), делительные (разделительные, распределительные), множительные (повторительные, кратные), временные (со значением типа ’во второй раз’) числительные [Игнаева 1997: 9].

Несмотря на то, что нет трудов, посвященных всестороннему исследованию особенностей имени числительного удмуртского языка, имеет место быть фрагментарная характеристика этой лексико-семантической группы во многих работах, вышедших в свет еще до XX столетия. Имя числительное не оставалось в стороне от внимания ученых, что подчеркивается исследователями и других финно-угорских языков [Смолькина 2005: 68]. Здесь приводится обзор материалов по числительным удмуртского языка описательного и проблемного характера и оценка вопросов, которые рассматриваются зарубежными и отечественными лингвистами.

Первые сведения об удмуртских числительных относятся к XVIII веку, когда имена числительные появляются в сравнительных словарях и списках слов как зарубежных, так и русских исследователей. Некоторые языковые материалы Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Е. Фишера в сравнении с материалами современного литературного языка и диалектов удмуртского языка опубликовала Т. И. Тепляшина [1965].

Среди удмуртских слов, собранных Ф. И. Страленбергом, мы находим девять числительных, от 1 до 10, кроме лексемы со значением ’восемь’.

В материалах Г. Ф. Миллера представлены числительные от 1 до 12, десятки, сотни и тысячи, всего двадцать восемь числительных. В этих данных уже прослеживаются особенности образования числительных от 11 до 19

(*Дась-Одикъ* 'одиннадцать', *Дась-Кюкь* 'двенадцать'), десятков (*Кюсь* 'двадцать', *Квамюнъ* 'тридцать', *Нилль-Донъ* 'сорок', *Вить-Донъ* 'пятьдесят'...), сочетаний десятков с единицами (*Кюсь Одикъ* 'двадцать один'), сотен (*Кюкь-Ссу* 'двести'), тысяч (*Кюкь-Сурсъ* 'две тысячи').

Словари П. С. Палласа содержат числительные от 1 до 10, сто и тысяча. Эти же числительные представлены и в списках слов И. Е. Фишера.

Самый богатый материал по числительным удмуртского языка в работах исследователей этого периода мы находим в записках Д. Г. Мессершмидта. Им зафиксированы названия единиц от 1 до 10, десятки, сотни, тысячи, миллионы, представлены также и различные комбинации десятков и единиц, сотен и единиц – всего 63 наименования. Наибольший интерес вызывают формы типа *Schuna-dass-oddick* 'сто одиннадцать', *Schuna-dass-ogkmäss* 'сто девятнадцать'. Формант *-na* в этих словах, по-видимому, является союзом 'и', следовательно, эти числительные можно рассматривать как 'сто и одиннадцать', 'сто и девятнадцать'. Названия миллионов, зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом, представляют собой мультипликативные образования: *Schüre-Schürss* 'миллион (букв. тысяча тысяч)', *Ogkmesdan-Ogkmæs-Schüre-S-* 'девятисто девять миллионов (букв. девятисто девять тысяч тысяч)'.

Ни один из вышеперечисленных ученых не дает каких-либо существенных грамматических сведений, характеризующих имя числительное, но ценность их материалов, конечно же, заключается в фиксации лексики, в том числе и числительных, удмуртского языка в том состоянии, в каком они были представлены в ту эпоху, что означает также и то, что мы имеем (хоть и неполный) материал для диахронического исследования имени числительного.

В первой грамматике удмуртского языка [Сочиненія 1775: 40–41] уже дана небольшая характеристика удмуртских числительных: «Имена числительныя въ вотскомъ разговорѣ чрезъ падежи не склоняются». Вероятно, этот вывод сделан из наблюдений сочетания числительных с существительными, связь между которыми осуществляется путем примыкания. В грамматику вошли числительные от 1 до 22, десятки, сотни и тысяча. Автор

данной работы десятки, десятки с единицами достаточно последовательно, без исключений пишет слитно (*висьтѡнь* 'пятьдесят', *дасквѣнь* 'тринадцать', *кызьодыкъ* 'двадцать один'), а сотни – отдельно (*кык сю* 'двести', *квинь сю* 'триста').

Интересные сведения о числительных можно найти в словаре З. Кротова [1785], где представлены как количественные, так и порядковые числительные (*одыгѣти* 'первый', *одыгъ* или *одыкъ* 'одинъ', *нилѣтѣи* 'четвертый', *ниль* 'четыре'). Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что некоторые порядковые числительные зафиксированы автором с выделительным суффиксом (*кыктетѣезъ* 'второй, другій', *вистетѣезъ* 'пятый', *тямысѣтѣезъ* 'восмый'). В то же время форма *кыкътетѣи* (без выделительного суффикса) отмечена со значением 'в другой разъ'. Некоторые числительные в словаре приведены с показателем родительного падежа (*укмысь. лѣнь, сюрсь. лѣнь*), что свидетельствует о том, что автор отмечал возможность имени числительного принимать формы косвенных падежей. Примечательно, что такие образования, как *квиньмо* 'натри части', *квинь поль* 'трижды', *ниль поль* 'четырежды', Захарий Кротов относит к наречиям.

Анализируя особенности правописания, можем отметить, что в рассматриваемом словаре зафиксировано раздельное написание числительного с послелогоми (*одыгъ бере кыктетѣезъ* 'единъ после другого', *ниль поль* 'четырежды', но *кватъ сюпѡль* 'шестьсот раз'), десятков с единицами (*дасъ одыкъ* 'одиннадцать', *дасъ вись* 'пятнадцать'), но в то же время *кызьодыкъ* 'двадцать один', *кызь-кыкъ* 'двадцать два'; названий сотен (*квинь сю* 'триста', *ниль сю* 'четыреста').

Таким образом, мы не можем проследить единообразия в принципах написания числительных ни в словаре З. Кротова, ни в первой грамматике удмуртского языка.

Достаточно подробный материал о грамматических свойствах числительных дан в грамматике М. Могилына [1786: 73–75]. В этой работе мы находим информацию о склонении числительных по пяти падежам (даны

формы именительного, родительного, дательного, винительного и творительного падежей). В форме винительного падежа числительные *кыкъ* 'два', *квинь* 'три', *вить* 'пять' представлены с выделительным суффиксом (*кыкъсэ́, квиньзэ́, витьсэ́*).

Интересно то, что к именам числительным кроме слов, выражающих семантику точного количества, автор относит слова *воцягъ* или *вицягъ* 'весь', *воцякъиос* 'все' и здесь же знакомит с их склонением. По своим семантическим и грамматическим признакам данные словоформы являются местоимениями. Впоследствии эти слова к именам числительным относит и Ф. И. Видеманн, называя группу подобных слов неопределенными числительными [Wiedemann 1851: 102].

В грамматике М. Могилына принято написание сочетания десятков с единицами через дефис (*дас-одыкъ* 'одиннадцать', *кызь-одыкъ* 'двадцать один'). Название тысячи дается как *дасънуи* и *сюрсь*, а ста тысяч – *сюрсь сю* 'букв. тысяча сто'. В каких-либо других работах и источниках форма *дасънуи* не отмечена, хотя Ф. И. Видеманн также дает варианты числительных, содержащих лексему *пуј* 'сто': *кык s'u (кык пуј)* 'двести', *күйн' s'u (күйн' пуј)* 'триста', *wit' s'urs (wit'don пуј)* 'пять тысяч' [Wiedemann 1851: 97].

Согласно представленному в грамматике М. Могилына материалу, количественные и порядковые числительные в удмуртском языке выражаются одинаково, какой-либо грамматический показатель порядкового числительного не прописан:

<i>одыкъ</i>	одинь, первый
<i>укмысь</i>	девять, девятый.

Из работ XIX века наиболее ценным для исследователей удмуртского языка является глава об удмуртских числительных в грамматике Ф. И. Видеманна [Wiedemann 1851]. В целом, нужно отметить, что Ф. И. Видеманн дает достаточно глубокую характеристику удмуртским числительным, описывая каждую из восьми выделенных им групп. Классификация удмуртских числительных, состоящая из следующих разрядов: количественные,

порядковые, дистрибутивные, собирательные, адвербиальные (или кратные, образованные с помощью послелога *pol* 'раз' от количественного числительного и со значением в 'такой-то раз' от порядковых числительных: *kyktäti*Щä 'во второй раз'), мультипликативные (с послелогами *полэс*, *мында*), дробные, неопределенные – напоминает предложенную им классификацию числительных марийского языка [Wiedemann 1847: 88–95]. Автор грамматики отмечает возможность употребления существительного с именем числительным как в форме единственного, так и в форме множественного числа: *отын со ulyz nil'don nunal* 'там он прожил сорок дней'; *das odyg dyschets'kys'jos mynyzy Galilejaä* 'одиннадцать учеников пошли в Галилею' [Wiedemann 1851: 96].

Другая группа источников XIX века, предоставляющих нам материалы о числительных, – это различные издания, служащие руководством к изучению удмуртского языка: азбуки, переводные евангелия. Как раз из них мы можем почерпнуть сведения о различных случаях употребления имен числительных того времени. Ценность таких памятников заключается в том, что имя числительное не фиксируется изолированно, а в составе полных предложений. Например, нами отмечен один из способов выражения приблизительного значения – с помощью суффикса *-ос* (*-ёс*), который присоединяется к числительному (т. е. имя числительное стоит в форме множественного числа): *квамынъюсь* 'около тридцати' [АзбукаГ 1847: 83]. В подобных изданиях также можно встретить довольно своеобразные формы употребления, например: *вить сю сюрс* 'пять тысяч' ('букв. пятьсот тысяч'); *увазнырысь* 'первый, букв. раннепервый' [АзбукаГ 1847: 17, 112] или *азьнырысь* 'букв. переднепервый' [ЕвангелиеС 1847: 165].

Подробные грамматические сведения об удмуртских числительных представлены в школьных грамматиках и учебниках удмуртского языка начала XX века. Как и в русском языке, авторы подразделяют удмуртские

числительные на количественные и порядковые, выражающие количество и порядок предметов при их счете. При рассмотрении материалов учебных пособий очевидным оказывается тот факт, что исследователи задумываются об иной возможности классификации удмуртских числительных.

П. Глезденев в «Краткой грамматике языка народа удмурт» [Глезденев 1921: 26–27] выделяет среди количественных числительных дробные (*жыны* 'половина', *черик* 'четверть', *осьмука* 'осьмуха'), собирательные (*куиньнамы* 'трое мы', *куиньнады* 'трое вы', *куиньназы* 'трое они', или со словом *кузя*: *кык кузя* 'двое', *куинь кузя* 'трое' и т. д.). Такую же классификацию дают в своих работах И. В. Яковлев [1927: 32–33], П. Н. Перевошиков [1948: 423].

П. Глезденев отмечает употребление слов *мын*, *дон*, *тон* вместо *дас* 'десять' при образовании названий десятков и дает им этимологическое объяснение: «*Мын* слово коми-морт (зырян), означает плату, цену; *дун* (дон, тон) – слово удмурт, означает оно – тоже плату или цену» [Глезденев 1921: 27].

Достаточно ценным в этой работе оказывается замечание, что имена числительные склоняются только тогда, когда при них нет имен существительных, а при именах существительных, как и прилагательные, не склоняются. Эта мысль в дальнейшем повторяется в ряде учебников этого периода [Яковлев 1927: 33; Жуйков 1933: 74; Поздеева 1939: 66].

В грамматике П. Глезденева также отмечено присоединение числительными притяжательного суффикса (*оди́ге* 'один мой', *оди́гед* 'один твой', *оди́гез* 'один его'), таким образом, в исследованиях по удмуртскому языку выделяется еще одна категория имени числительного – притяжательность.

Несколько иную и достаточно своеобразную классификацию числительным дает Г. Е. Верещагин в «Руководстве к изучению Вотского языка» [Удмурт 1924: 50–54]. Кроме количественных и порядковых имен числительных, в данной работе выделены еще две группы: местные и товарищеские числительные. Указано, что «местные числительные показывают число мест предметов» [Удмурт 1924: 51] и то, что в отличие от порядковых

числительных, которые образуются с помощью «послесловий *-етйез* или *-этйез*», местные образуются с помощью «окончаний *-тэти* и *-метй*» (*Бусыын кыктэти анаэ*. 'В поле в двух местах полосы (у меня)'. *Юэд киземын дасэти*. 'Хлеба посеяно (у тебя) в десяти местах'. *Пудоз ветлэ кыктэти*. 'Скот (у меня) ходит в двух (местах)'). Здесь нужно отметить неверное определение «окончания», т. к. употребление *-тэти* и *-метй* наблюдается только с *кык* 'два' и *куинь* 'три'. Местные числительные выделены отдельной группой также С. П. Жуйковым [1933: 75].

В разряд товарищеских Г. Верещагиным определены числительные, обозначающие «общее число лиц в товариществе, или часть участников. При них всегда подразумеваются лица и оканчиваются на *намы* (1 лицо), *нады* (2 лица) и *назы* (3 лица) множественное число» [Удморт 1924: 51]. Указано, что «товарищеские числительные принимают еще формы количественных-товарищеских» (*одйгез* 'один (из товарищества)', *кыкез* 'двое (из товарищества)', *квинез* 'трое (из товарищества)' и т. д.). Таким образом, проанализировав информацию, мы можем отметить, что предыдущие исследователи группу «товарищеских» числительных лишь называли по-другому – собирательными. А вторая группа рассмотренных Г. Верещагиным числительных представляет собой количественные числительные с выделительно-указательным суффиксом.

Особенно следует отметить замечание Г. Верещагина об образовании наречий от числительных с помощью «частичек *ёй, ой, той*»: *одйгой* 'в продолжение одного дня', *кыктой* 'в продолжение двух дней'.

В работе Г. Верещагина представлено склонение порядковых числительных, продемонстрировано двадцать четыре падежные формы сочетания *кыктэтиэз (витетйэз) пиэ* 'второй (пятый) сын (мой)'. При этом во всех падежах изменяются лишь формы существительного, а числительное остается неизменным (*кыктэтиэз пиэлэн* 'второго сына (моего)'), кроме винительного и ценительного падежей (*витетйэз пиме* 'пятого сына (моего)', *витетйэз пиме вылти карисько* 'пятого сына (моего) ценю выше'). Неточности

в склонении числительных исходят, как отмечает В. К. Кельмаков [2004: 51], из неверного подхода Г. Верещагина к определению падежей – смешении морфологического уровня системы языка с синтаксическим и лексическим уровнями. Действительно, большинство падежных форм представляют собой сочетание существительных с послелогом, числительное же выступает в качестве определения, связь с определяемым словом осуществляется путем примыкания.

В грамматике А. И. Емельянова отражены и диалектные варианты некоторых числительных: *odig*, *og*, *oik* – наречие бесермян, наречие Слободского уезда – *один* [1927: 153–157].

В грамматике И. В. Яковлева (а затем в учебнике П. Д. Горохова [1929: 141]) мы находим информацию о возможности образования прилагательных от имен числительных с помощью суффикса *-o*: *укмыс-о кутэ пöсьтйз*, *сизьым-о кут кутано луиз*, *ог дас-о эше вань* [Яковлев 1927: 32–37]. Особенно нужно отметить последнее сочетание, так как оно представляет собой числительное приблизительного счета, образованное с помощью омонимичного суффикса, а не прилагательное.

Ценным для нас оказывается примечание И. В. Яковлева о том, что числительные не употребляются во множественном числе, таким образом, он отрицает наличие категории числа имен числительных. И здесь же автор отмечает, что лишь при счете десятками, сотнями, тысячами возможно использование форм *дас'ёс*, *сюос*, *сюрс'ёс*.

Центральное место числительные и меры измерения занимают в работе «Öжыт дышетскем'ёслы лыд'яськыны дышетскон книга» [Анцыферов, Корольков 1931]. Конечно, в ней не рассматриваются грамматические особенности имени числительного как знаменательной части речи, но в этом пособии представлен богатый материал о возможностях выражения числовых значений различными средствами удмуртского языка. Для обозначения дробей авторы вводят термин *векчиям лыд'ёс*, который не укрепился в удмуртском языкознании.

С. П. Жуйков [1933; 1937] в учебниках по удмуртскому языку впервые отмечает возможность числительного выступать в роли всех членов предложения: подлежащее (*дас кыклы люкиське* 'десять делится на два'), сказуемое (*кыкпол кык – ньыль* 'дважды два – четыре'), определение (*туннэ дас кыкетй число* 'сегодня двенадцатое число'), дополнение (*дасэз кыклы люконо* 'десять нужно разделить на два'), обстоятельство (*мон туннэ ичи ужай* 'я сегодня мало поработал').

А. С. Бабинцев в статье «Морфология сярысь» [1937: 27–28] предлагает внести некоторые поправки в изучение имен числительных удмуртского языка. По мнению автора, не следует выделять в отдельную группу местные числительные, как это делалось раньше. Для этого, утверждает А. С. Бабинцев, существуют местные падежи. Таким образом, выдвигается предложение разделения числительных на четыре группы: количественные, порядковые, собирательные и личные. Впоследствии этой классификации достаточно последовательно придерживаются составители учебных пособий по удмуртскому языку [Поздеева 1939: 65; УКДЮ 1938: 48; Горбушин 1941:59].

Особое внимание А. С. Бабинцев уделяет правописанию числительных, указывая, что при написании порядковых числительных цифрами необходимо добавление через дефис окончания, так как в противном случае при чтении допускается ошибка – озвучивание без окончания (*17 октябре – дас сизьым октябре*). Последующие работы [Поздеева 1951: 116; Правила 1954:43], к сожалению, игнорируют данное предложение. Этот вопрос остается актуальным и на современном этапе развития правил правописания удмуртского языка, в частности, В. К. Кельмаков, рассматривая новые орфографические правила, выделяет ряд спорных положений, касающихся правописания имен числительных [Кельмаков 2008: 41–44].

В следующих рассматриваемых работах – грамматических очерках удмуртского языка, включенных в «Удмуртско-русский словарь» и «Русско-удмуртский словарь» [Первошиков 1948: 422–425; Первошиков 1956: 1312] – собирательные и личные числительные объединены в одну общую группу –

собирательно-личные (*кыкнамы* 'мы вдвоем', *ныльнады* 'вы вчетвером', *вить кузя* 'впятером'), но в отдельную группу вынесены дробные числительные. Следует отметить, что *вить кузя* 'впятером' является сочетанием числительного с послелогом и выражает значение собирательности. Включение автором этих форм в разряд собирательно-личных, на наш взгляд, является ошибкой, т. к. они не выражают лица.

В грамматических очерках П. Н. Перевошикова кроме лексико-грамматической классификации также представлено деление числительных на простые (*одйг* 'один', *дас* 'десять', *укмыстон* 'девяносто', *сюрс* 'тысяча'), состоящие из одного корня, и составные (*дас кык* 'двенадцать', *сю дас кык* 'сто двенадцать'), состоящие из нескольких слов.

А. А. Поздеева в учебниках удмуртского языка выделяет уже три группы числительных по составу, добавляя группу сложных (*ныльдон* 'сорок', *укмыстон* 'девяносто') [1951: 109]. Такая же классификация впоследствии дана и в научной грамматике удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 152], и в грамматическом очерке удмуртского языка В. И. Алатырева [1983: 573], в современных же школьных учебниках вновь выделены лишь простые и составные [Никольская, Тараканов 1992: 91; Журавлева 2005: 76].

В учебнике удмуртского языка (который претерпел большое количество переизданий и долгое время был основным школьным учебным пособием) А. А. Поздеева дает полное склонение имен числительных: добавляются соответственный и направительный падежи, которых не было в предыдущих работах. Отдельным параграфом рассматривается сочетание числительного с послелогом: *кузя*, *ёшен* употребляются для образования собирательных числительных, *ёрос* – числительных приблизительного счета. Нужно отметить, что в данной работе числительные приблизительного счета, дробные и собирательные отнесены к разновидностям количественных (как и в [ГСУЯ 1962: 148]). Кроме того, автор указывает на употребление имен числительных с предлогами: *быдэн вить тетрадь* 'по пять тетрадей', *котыр кык яблок* 'по два яблока'.

Впервые отдельной главой А. А. Поздеевой рассматривается образование числительных. Выделено несколько способов образования числительных приблизительного счета: а) путем употребления двух числительных (*кык-куинь нунал* 'два-три дня', *сизьым-тямыс килограмм* 'семь-восемь килограммов'); б) с помощью суффиксов *-о (-ё)* (*дасо нунал* 'около десяти дней', *тямыстоно пуд* 'около восьмидесяти пудов'); в) с помощью слова *ог* и путем присоединения формообразующего суффикса *-о (-ё)* (*ог дасо уй* 'около десяти ночей', *ог кызё мурт* 'около двадцати человек'); г) с помощью послелога *ёрос* (*кык сю ёрос* 'около двухсот').

В «Грамматике современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962: 158], в которой раздел о числительных написан В. И. Алатыревым, представлен еще один, не отмечаемый ранее способ образования числительных приблизительного счета: *ог витьтоно ёрос* 'около пятидесяти', *ог кызё мында* 'около двадцати' – сочетание числительного, обладающего суффиксом *-о (-ё)*, со словами *ог* (препозитивно), *ёрос*, *мында* (постпозитивно).

Среди количественных числительных в научной грамматике выделена еще одна группа – собирательно-разделительные числительные. В эту группу внесены повторно и парно употребленные количественные числительные в форме творительного падежа: *кыкен-кыкен кошкизы* 'по двое ушли', *оген-кыкен потйзы* 'по одному-по двое вышли'. По грамматическим признакам, на наш взгляд, эти формы числительных относятся к наречиям. Такого мнения придерживается и Г. А. Ушаков [1988: 69].

Рассматривая собирательно-личные числительные, авторы грамматики отмечают, что «количественные числительные, употребляясь с аффиксом *-на-* и притяжательными суффиксами, одновременно выражают количество и лицо, т. е. прономинализуются. Однако <...> семантика числительных в них весьма весома» [ГСУЯ 1962: 159]. Действительно, в них выражается конкретное количество лиц: *куиньнамы* – три лица, *витьнады* – пять лиц, *сизьымназы* – семь лиц.

Составители «Грамматики современного удмуртского языка» также обращают внимание на такие слова, как *трос, уно, данак, ёжыт* 'много' и по аналогии с русским языком называют их неопределенно-количественными словами (в отличие от них, числительные приблизительного счета обозначают более или менее определенное количество).

Как уже было сказано выше, в грамматике по составу выделено три группы числительных. В примечании рассматриваются числительные *тямыс* 'восемь', *укмыс* 'девять', *кызь* 'двадцать', *куамын* 'тридцать', которые в современном сознании говорящих осмысливаются как простые, но исторически являются сложными образованиями [ГСУЯ 1962: 152].

Г. А. Ушаков рассматривает удмуртские числительные в сравнении с русскими [1982: 72–79]. Следует отметить, что основной грамматический материал о числительных удмуртского языка, представленный Г. А. Ушаковым, не противоречит положениям научной грамматики [ГСУЯ 1962]. В сравнительном аспекте исследователь приходит к выводу, что «русские и удмуртские числительные аналогичны по семантике, но различны по морфологическим характеристикам», например: удмуртские числительные могут приобретать лично-притяжательные суффиксы и иметь выделительно-указательные суффиксы (*витед* 'твой пять', *куинетйез* 'тот третий'). Сходными являются классификации русских и удмуртских числительных по семантике: количественные, собирательные и порядковые, а среди количественных автор еще выделяет собственно-количественные, дробные, неопределенно-количественные и числительные приблизительного счета. Но, по мнению исследователя, в отличие от русского, в удмуртском языке не представлены сложные имена числительные. Ранее относимые к сложным *ньыльдон, витьтон...* *укмыстон* Г. А. Ушаков считает целесообразным рассматривать как простые, т. к. в настоящее время семантическая связь между *дон (тон)* и *дун* 'цена' утеряна. В. И. Алатырев в «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка» к «Удмуртско-русскому словарю» [1983: 573] называет эту

группу числительных диахронически сложными (этот термин сохранен и в грамматическом очерке нового «Удмуртско-русского словаря» [2008: 844]).

В. И. Алатырев [1983: 573–575] исключает одну из групп числительных, выделяемую в предшествующих работах. Исследователь отрицает существование собирательно-личных числительных, а формы с аффиксом *-на-* и лично-притяжательным суффиксом рассматривает в разделе «Местоимение».

В. К. Кельмаков [1984: 18–23] подробно рассматривает вопрос о структуре числительных, начиная с обзора материалов первой грамматики удмуртского языка (1775). Анализ орфографии числительных, по мнению ученого, показывает, что составитель грамматики выделял простые (*одыкъ* 'один', *ниль* 'четыре', *кіамысь* 'восемь', *сюрсь* 'тысяча'), составные (*кыкъ сю* 'двести', *квинь сю* 'триста'), также и группу сложных, куда им отнесены числительные типа «название десятка + название единицы»: *дасьодыкъ* 'одиннадцать', *дасьвить* 'пятнадцать', *кызьодыкъ* 'двадцать один'. В. К. Кельмаков отмечает, что автор грамматики считает названия десятков простыми (судя по написанию, т. к. после предполагаемых первых компонентов сложных слов *кіамыс-* 'восемь' и *укмыс-* 'девять' отсутствует *ъ*: *кіамустонь* 'восемьдесят', *укмыстонь* 'девяносто').

Рассматривая классификацию имен числительных по структуре, В. К. Кельмаков предлагает рассматривать в качестве сложных числительные со значением приблизительного счета, образованные путем сочетания двух числительных: *куинь-нбыль* 'три-четыре', *кызь-куамын* 'двадцать-тридцать'. (По мнению М. К. Каракуловой, Б. И. Каракулова [2001: 99], в удмуртском языке в группе сложных числительных можно рассматривать только числительные приблизительного счета этого типа). По орфографическим правилам удмуртского языка эти формы, как сложные слова сочинительного типа, пишутся через дефис. Но в рассматриваемом случае сложным словом могут оказываться лишь части числительных приблизительного счета – сочетание конечного члена первого составного числительного с начальным членом второго составного числительного: *витьтон вить-витьтон куать*

’пятьдесят пять-пятьдесят шесть’, *сизьымдон куинь-сизьымдон ньыль* ’семьдесят три-семьдесят четыре’... Также, по мнению В. К. Кельмакова, сложными, возможно, являются названия сотен (*кыксю* ’двести’, *куиньсю* ’триста’, *тямыссю* ’восемьсот’) и тысячей (*витьсюрс* ’пять тысяч’, *кыксюрс* ’две тысячи’). Таким образом, вопрос о структуре имен числительных остается недостаточно разработанным и неразрешенным и на сегодняшний день, требующим более глубокого и детального изучения.

Если рассмотреть работы, которые используются в качестве учебников удмуртского языка по морфологии в школьной практике в настоящее время [Никольская, Тараканов 1992; Журавлева 2005], то можно отметить, что в них среди количественных числительных выделены группы собственно-количественных, дробных, числительных приблизительного значения, собирательных, хотя в последнее время принято говорить о счетно-личных местоимениях (*кыкнамы ужаськом* ’мы оба работаем’, *куиньназы кошкизы* ’они все трое ушли’). Вероятно, это сделано с целью упрощения восприятия материала школьниками, ведь в данных словоформах семантика числительных весьма ярко выражена. Непонятной является причина отсутствия образцов и особенностей склонения числительных в новом учебнике «Анай кыл» [Журавлева 2005]. Не отмечено здесь также и использование числительного с предлогом и послелогом, хотя в упражнениях даны случаи их употребления как пример сочетания предлога и послелога с существительным.

В «Кратком грамматическом очерке удмуртского языка», включенном в новый «Удмуртско-русский словарь» [2008], в качестве собирательных числительных отмечены формы *кык кузя* ’вдвоём’, *ньыльнаяз коркан* ’во всех четырёх домах’, и отдельным параграфом рассматриваются счётно-личные местоимения, образованные от числительных.

Среди работ зарубежных исследователей последних десятилетий нельзя оставить вне внимания труды Л. Хонти, который рассматривает имена числительные уральских языков, их этимологию, историю. В особенности следует отметить монографию «Die Grundzahlwörter der Uralischen Sprachen»

[Honti 1993], в которой ведется анализ возникновения и развития различных форм числительных в языках уральской семьи. В работах Л. Хонти представлен богатый материал и по удмуртскому языку.

Таким образом, анализ работ, представленных на сегодняшний день, делает очевидным, что спорными и требующими более полного и глубокого осмысления являются следующие вопросы:

- 1) классификация имен числительных, выделение их разрядов с учетом особенностей грамматического строя удмуртского языка;
- 2) структура числительных удмуртского языка;
- 3) употребление числительных в сочетании с существительными;
- 4) случаи употребления количественных числительных вместо порядковых;
- 5) лексико-грамматическая принадлежность слов типа *уно*, *трос*, *данак* 'много', *ичи*, *ӧжыт* 'мало'; и др.

Глава 1. Об этимологии имен числительных удмуртского языка

Развитие числительных в каждом языке проходит свой собственный путь. Как отмечает Л. И. Кочеткова [2003: 31], из-за частого употребления или быстрого счета звуковая форма числительных может сокращаться: чем чаще слово встречается, тем легче оно подвергается незакономерному сокращению. У тех числительных, которые употребляются чаще, более короткая форма.

В истории финно-угроведения на основе этимологии общих числительных, их строения, высказывались мнения о возможности существования в праязыках шестиричной, семиричной, двадцатиричной и т. п. систем. В последнее время этот спор разрешился в пользу десятичной системы финно-угорских числительных, что подтверждается формами, реконструируемыми для финно-угорского и самодийского языка-основ [Хонти 2003: 176; Honti 1990: 108].

Охарактеризуем каждое числительное до десяти удмуртского и других финно-угорских языков, ибо они являются базовыми для образования других форм числительных и единиц более высокого порядка. Именно числительные до десяти оказываются наиболее часто употребляемыми. Если рассмотреть современные финно-угорские языки, распространенные на территории Российской Федерации, то картина в использовании числительных оказывается такой, что, к примеру, лишь до десяти считают на родном языке носители современного коми-пермяцкого языка [Кривошекова-Гантман 1956 (по: Кривошекова-Гантман 2006: 32)], такая же тенденция наблюдается, к примеру, и в вепском [Зайцева 1981: 165]. Начиная с десяти, счет в этих языках ведется уже с помощью числительных, заимствованных из русского языка.

Удмуртский язык обладает полным набором собственных лексических единиц, но нельзя не отметить, что в последнее время довольно часто идет употребление русских числительных и различных счетных конструкций не только в речи молодого, но и старшего поколения, к примеру, в случаях выражения даты, возраста человека и т. д., особенно это заметно в северных диалектах удмуртского языка, например: сч. *два-цэт' трэт'т'эй мартэ* 'двадцать третьего марта'; *мынам вал акэ д'эвэт'сот фторо-ва го-да.* 'У меня была тетьа [тысяча] девятьсот второго года [рождения]' [Карпова 2005: 71].

1.1. *Одйг* 'один'

Одйг, ог 'один' – *Oddick* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 46, 156)]; *Attik* [Strahlenberg 1730]; *Одыкъ* [Сочинения 1775: 40]; *одыгъ, одыкъ* [Кротов 1785: 153]; *одыкъ* [Могилин 1786: 60]; *Отыкъ* [Паллас 1789: 476–477]; *одикъ* [Миллер 1791: 99]; *одыгъ* [ЕвангелиеГ 1847: 24]; *одигъ, одыгъ* [АзбукаС 1847: 23]; *одыгъ* [ЕвангелиеС 1847: 17]; *ог, одуг* [Wiedemann 1851: 97]; *одыкъ* [Лыдзонь 1867: 15]; *ог, одиг, одик* [Священная история 1877: 3]; *одик, ок, одиг, ог* [Гаврилов 1880: 7, 8]; *одик* [Букварь 1882: 30]; *ог, одиг J; ок, одик K* [Aminoff 1896: 38]; *ог, ок, одйг* (Sar., Mal.), Jel. *odig*, Kaz. *odik* [Munkccsi 1896: 66]; *ог G J MU U; одиг G M J MU U; одиG, од4g G; одик MU U; оиг B* [Wichmann 1987: 181] – кп. *ōmik*, кз. *ōmi, ōmik* < общеперм. **atik* < раннепермск. **8tik* || мар. *ik, iktə(t)* | фин. *yksi ~ yhte-* | саам. *ok'tâ, âk'tâ* | эрз. *v'e, v'ejk'e* | мокш. *ifk'e* | хант. *it* | манс. *äâkwə, äk* = доперм. **ükte* > *8tk-* > *8tik* [КЭСК 1970: 212]; **FP**, ? **FU** **ikte* (*ükte*) [Rédei 1988a: 81]; **FU** **ike, *üke* [Honti 1993: 75].

Таким образом, числительное *одйг* 'один' находит лексические соответствия во многих финно-угорских языках и относится к группе слов финно-угорского происхождения.

Числительное 'один' во многих языках обнаруживает возможность перехода в другие части речи, семантически выражая при этом некоторую неопределенность, как отмечают исследователи, «the numeral 'one' becomes a

marker for singular-indefinite nouns»¹ [Givón 1981: 35]. С одной стороны, оно может квалифицироваться как артикль, как, к примеру, в английском языке неопределенный артикль имеет отнумеральное происхождение: *a (an) < *one* [Givón 1981: 35]. Если же рассмотреть финно-угорские языки, то числительное 'один' переходит в функцию артикля в венгерском языке: «The indefinite article *egy* is identical with the numeral 'one'»² [Kenesei 1998: 94].

В других языках уральской семьи в некоторых случаях 'один' может рассматриваться как неопределенное местоимение, такого мнения, к примеру, придерживаются исследователи мордовских языков: *вейке ломань ёвтнесь / фкя ломань азондсь* 'один (какой-то) человек рассказывал' [ГМЯ 1980: 247]. Возможность перехода числительного *yksi* 'один' в неопределенное местоимение отмечается в финском языке, где в подобных случаях его можно заменить эквивалентным по значению неопределенным местоимением *eräs* 'некто, некий, один' [Leino 1993: 249]. Одним из числа неопределенных местоимений является *üks* 'один' в эстонском языке: *Üks käis sind siin otsimas*. 'Один [некто] ходил тебя искать' [Pajusalu 2004: 15]; в разговорном финском языке: *Gunilla, yks tyhmä akka joka on äidin entisiä kavereita, haki mut koulusta* [ISK 2005: 732]. 'Гунилла, одна глуповатая тетка, старая знакомая мамы, забрала меня из школы'. Так же и в селькупском языке в аналогичных ситуациях рассматривают выполнение числительным 'один' роли неопределенного артикля или неопределенного местоимения: *Okk2r qup ella mad'ona kβajamba akoček kβatpad tab'ek*. 'Один человек жил, в лес ходил, белок немного убивал' [Беккер 1995: 145]. Франц. *un ~ une*, нем. *ein ~ eine* также используются в качестве неопределенного артикля, числительного и местоимения [Эрнитс 1973: 169].

В тюркологии среди количественных определительных сочетаний особую группу «занимают сочетания, в которых определение выражено числительным *bir* 'один'. Кроме обычной семантики этого определения единичности предмета

¹ Числительное 'один' становится определением к неопределенным именам в единственном числе.

² Неопределенный артикль *egy* является идентичным числительному 'один'.

или явления определение *bir* 'один' носит оттенок неопределенности. Таким образом, содержание, например, такого сочетания, как каракалп. *bir kisi*, заключается в том, что здесь подчеркивается не только единичность предмета 'один человек', но и его неопределенность 'один какой-то человек', 'некто', ср. следующие примеры: *bir qarry* 'какой-то старик', *bir sandyq* 'какой-то сундук' (*soñnan qajtyp baratyrsa bir qarry nahan bir sandyqty arqalaj barajatqanyn kördi* 'затем, когда он возвращался обратно, то увидел, что какой-то старик несет какой-то большой сундук')» [Баскаков 2006: 143]. Или же, к примеру, в мунджанском языке: *Šän da yū jāy kə yū josp da yū mırğa äläf jāhón xūt, fərbá čiyi, zahmi*. 'Пошел в одно место, а там одна лошадь на лугу; травы ест много, а не поправляется, вся в ранах'. *Žə qati žə yū žinkikin da yū jāy nyóstyəm viyá*. 'Сидел я в одном месте с одной женщиной' [Грюнберг 1987: 188]. В данном случае исследователями также подчеркивается выполнение числительным 'один' функции артикля.

В современном удмуртском языке форма *odüg* 'один' также может быть одинаково использована для выражения как числа предметов мысли в количестве одного, так и для указания на неопределенный предмет, явление, субъект действия. Например, рассмотрим ряд предложений: *Odüg tუსьтысь сиськыны но odüg липет улын улыны быгато шат соос* (Р. Валишин. Төл гурезь. 58). 'Из одной миски есть и под одной крышей жить разве могут они'. *Odüg ыж басьтымон укё люкано* (Р. Валишин. Төл гурезь. 42). 'Нужно собрать денег достаточно на покупку одной овцы'. *Отысь odüg ниосмурт, кык нылкышноос потйзы* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 21). 'Оттуда вышли один мужчина, две женщины'. В приведенных выше примерах *odüg* выражает конкретное количество – один, это количество может быть противопоставлено двум, трем, множеству себе подобных предметов, таким образом, в данных случаях идет указание именно на единичность, и эта **количественная характеристика** оказывается **важной** в рассматриваемом контексте.

Проанализируем следующий ряд примеров, имеющих данную форму: *Odüg адями мыным туж бадзым йыркурен кошкиз улонысь* (Р. Валишин. Төл

гурезь. 37). 'Один человек ушел из жизни с большой обидой на меня'. *Соку тодмоез шуиз, алигес, пе, одйг коммерческой фирма кылдйз но отчы, офисазы, утялскись кулэ шуыса кyllй вал* (Г. Перовошиков. Сюлэмтэм дунне. 33). 'Тогда знакомая сказала, недавно-де одна коммерческая фирма образовалась, и слышала о том, что туда, в офис, требовалась уборщица'. *Одйг воргорон кияз подносэн коньдон бичаз* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 105). 'Один мужчина с подносом в руках собирал деньги'. В этих случаях важно не количество предметов, явлений, действующих лиц, а именно то, что речь идет о неопределенной единице из множества подобных, в частности, весьма свободно можно осуществить замену на слова со значением 'некий', 'какой-то'. Хотя можно отметить небольшую разницу в семантике: неопределенные местоимения *кыче ке* 'какой-то', *кудйз ке* 'некоторый' выражают совершенно незнакомый предмет, явление, тогда как *одйг* может быть использовано в таких случаях, когда говорящий знает, но намеренно не сообщает о них. Подобное же отличие исследователи отмечают и в финском языке: «Kun nimetään jostakin joukosta yksilö, joka ei jää kuulijalle tuntemattomaksi, voidaan käyttää joko *yksi-* tai *eräs-* sanaa»³ [Ikola 2000: 52].

Исходя из этого, на наш взгляд, можно и в удмуртском языке в аналогичных случаях квалифицировать форму *одйг* 'один, некий, какой-то' как неопределенное местоимение, таким образом, наблюдается переход: имя числительное – местоимение.

Путь перехода числительного 'один' в функцию неопределенного артикля / неопределенного местоимения Т. Гивон рассматривает следующим образом: «The gradual scale aside, what one sees here is a progression that may be summarized as:

quantification > referentiality/ denotation > genericity/ connotation»⁴ [Givón 1981: 49].

³ Когда называется из какой-то группы лицо, которое не остается неизвестным собеседнику, можно использовать слова *yksi* 'один' или *eräs* 'некий'.

⁴ Постепенное изменение может быть обозначено как последовательность: количественность > относительность > коннотация.

Энн Эрнитс [1973: 172], рассматривая этот вопрос, придерживается того мнения, что функция неопределенности у числительного 'один' вторична, т. е. она развивалась из понятия 'один', а не наоборот.

В русистике исследователями также отмечается значение 'какой-то, некий' и слово *один* называется счетно-местоименным в конструкциях типа в *один прекрасный день, один из гостей* [РЯ 1997: 627].

В целом, рассматривая явление перехода в типологическом аспекте, Т. Гивон отмечает этот процесс в языках различных семей: «Such a development is attested independently in Germanic, Romance, Mandarin, Sherpa, Hungarian, Neo-Aramaic, Persian, Turkish and various Amerindian and Austronesian languages»⁵ [Givón 1981: 35].

1.2. *Кык* 'два'

Кык 'два' – *Kyik* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кук* [Strahlenberg 1730]; *kük* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 166)]; *Кыкъ* [Сочинения 1775: 40]; *кыкъ* [Кротов 1785: 109]; *кыкъ* [Могилин 1786: 60]; *Кыкъ* [Паллас 1789: 476–477]; *кюкъ* [Миллер 1791: 99]; *кыкъ* [ЕвангелиеГ 1847: 29]; *кыкъ* [АзбукаС 1847: 50]; *кыкъ* [ЕвангелиеС 1847: 9]; *кук* [Wiedemann 1851: 97]; *кыкъ* [Льдзонь 1867: 15]; *кык* [Священная история 1877: 8]; *кык* [Гаврилов 1880: 6]; *кык* [Букварь 1882: 30]; *кук* J; *kök* K [Aminoff 1896: 38]; *ki3k*, Kaz. *ke3k* (*ki3kt-*, *ki3k-*) [Munkccsi 1896: 147]; *k4k* G B U; *k2k* M J MU; *k4kt-* U; *k2kt-* M J; *k2k-* J [Wichmann 1987: 109] – к. *кык* < позднее общеп. **k8k* || мар. *кок* | эрз. *кавто* | мокш. *кафта* | фин. *kaksi* ~ *kahte-* | манс. *kit* | хант. *kzt* | венг. *két* ~ *kettő* = доперм. **käktə-* > раннеобщеп. **kakt-* (этот гласный *a* сохранился в **kakjamis* > *kykja-m2s* 'восемь', первоначально обозначавшем 'два до десяти') >

⁵ Такое развитие засвидетельствовано независимо в германских, романских, мандаринском, венгерском, новоарамейском, персидском, турецком и в разных американо-индейских и австронезийских языках.

позднеобщеп. *k8k [КЭСК 1970: 151]; FU *kakta ~ kaktä [Rédei 1988a: 118]; U *kaktä [Honti 1993: 84].

Числительное *кык* 'два' финно-угорского происхождения в пермских языках выступает с узким гласным *ы*. Сужение широких нелабиализованных гласных 1-го слога финно-угорского корня, по мнению ученых, обусловлено отпадением конечных гласных основы [Кельмаков 2003а: 203].

При образовании порядкового числительного 'второй', наречия со значением 'в течение двух дней', формы переходного падежа от числительного 'два' и других его производных в современном удмуртском языке обнаруживается утраченный ранее согласный *-т-*: **Кыктой** *чөже озьы зорыны турттыса улйз, куазь төлоен-а, мар-а өз зоры* (М. Петров. Зардон азын. 117). 'В течение двух дней была такая погода, что собирается дождь, но, видимо, из-за ветра дождя не было'. **Нырысь спектаклязы мынй – кельшиз гинэ. Кыктэтийз ветлй – сюлэмме бордаз кыскиз** (Е. Самсонов. Зор бере. 3). 'Пошел на первый спектакль – довольно понравился. Сходил на второй – мое сердце притянуло к себе'. **Тодйсько на, кызы со [Володя] спортфакысь Лаишевский кыктоослэн Валераенызы керетйз, керетэм гинэ өвёл, бордаз жугиськыны но мерске вал** (С. Матвеев. Шузи. 63). 'Помню еще, как он [Володя] поссорился с Валерой [одним] из двойни Лаишевских со спортфака, не только поссорился, но и драться к нему лез'. **Кыктоос сое [Лелиез] воксё пачкатйзы** (Л. Нянькина. Ваёбыж кар. 64). 'Двойняшки ее [Лели] совсем зажали'.

1.3. Куинь 'три'

Куинь 'три' – *Qvyn* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куп* [Strahlenberg 1730]; *Квинь* [Сочинения 1775: 40]; *квинь* [Кротов 1785: 81]; *квинь* [Могилин 1786: 60]; *Квинь* [Паллас 1789: 476–477]; *квинь* [Миллер 1791: 99]; *квинь* [ЕвангелиеГ 1847: 88]; *квинь* [АзбукаС 1847: 30]; *квинь* [ЕвангелиеС 1847: 88]; *куjn* [Wiedemann 1851: 97]; *квинь* [Лыдзонь 1867: 15]; *кюу* [Священная история 1877: 9]; *кюу* [Гаврилов 1880:3]; *кюу* [Букварь 1882: 30]; *küin, küin* [Aminoff 1896: 38]; *kwiń, Kaz. küń (kwińm-, küńm-)* [Munkccsi 1896: 236]; *kuixiń G*

В М J MU U; *kuN* J; *kuⁱN* U [Wichmann 1987: 142] – к. *куим* < общеп. **kʙlʃm* и **kʀn'm-* < **kʀl'm-* || мар. *кум, кумыт* | эрз. *колмо* | фин. *kolme* | саам. *golb'mâ* | манс. *kūr^əm* | хант. *χōləm* | венг. *három* = доперм. **kolme-* [КЭСК 1970: 128]; FU **kolme* (*kulme*) [Rédei 1988a: 174]; FU **kolme* [Honti 1993: 90].

Числительное финно-угорского происхождения **kolme* в результате отпадения конечного гласного и упрощения консонантной группы в пермских языках приобрело односложную структуру.

В некоторых производных формах числительного *куинь* 'три' в современном удмуртском языке также обнаруживается сочетание *-н'м-*: *Нюлэскы пырон дорын ик сюрес куинь пала вайяське: оgez нюлэс дуртйй кошке, мукетыз, нюлэскы пырем берегес ик, паллянэ коже, куиньметйез шонерак мынэ* (М. Петров. *Зардон азын. 32*). 'У входа в лес дорога расходится на три стороны: одна идёт вдоль леса, другая почти сразу после входа в лес сворачивает налево, третья идёт прямо'. *Оgez – конюх, кыкетйез – учётчик, куиньметйез – кладовщик, ньылетйез – фермалэн заведующиез* (Т. Архипов. *Лудзи шур дурын. 120*). 'Один – конюх, второй – учётчик, третий – кладовщик, четвертый – заведующий фермой'. *Куинь тракторъёс куиньмой чожже дас тямьс гектар гыриллям* (Т. Архипов. *Лудзи шур дурын. 257*). 'Три трактора за три дня вспахали, оказывается, восемнадцать гектаров'.

1.4. *Ньыль* 'четыре'

Ньыль 'четыре' – *Nyil* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Nell* [Strahlenberg 1730]; *nill* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 167)]; *Ниль* [Сочинения 1775: 40]; *ниль* [Кротов 1785: 146]; *ниль* [Могилин 1786: 60]; *ниль* [Паллас 1789: 476–477]; *ниль* [Миллер 1791: 99]; *ниль* [ЕвангелиеГ 1847: 119]; *ниль* [АзбукаС 1847: 71]; *ниль* [ЕвангелиеС 1847: 119]; *nil'* [Wiedemann 1851: 97]; *ниль* [Лыдзонь 1867: 15]; *нюк* [Священная история 1877: 9]; *нюл* [Гаврилов 1880: 22]; *нюк* [Букварь 1882: 30]; *ñuL* J; *ñüL* K [Aminoff 1896: 38]; *ñi3L*, Jel. *ñiL*; Kaz. *ñüL* [Munkccsi 1896: 528]; *ñuuL* G MU U; *ñuòL* G; *ñ2L* M J MU; *ñiL* U [Wichmann 1987: 179] – кз. *нель*, кя. *н'ул'* < общеп. **n'ol'* || мар. *ныл*, эрз. *n'il'e* |

мокш. *n'il'n* | фин. *neljä* | кар. *n'ellä* | саам. *njael'lje* | венг. *négy* | манс. *n'ila* | хант. *n'alä* = доперм. **nel'ä* > **n'el'ä* (эта фаза развития сохранилась в коми слове *нелямын* 'сорок') > праперм. **n'ьll'* [КЭСК 1970: 189]; FU **ñelja (neljä)* [Rédei 1988a: 315]; FU **neljä (?*ñeljä)* [Honti 1993: 92].

Числительное финно-угорского происхождения в результате отпадения конечного гласного основы в пермских языках также приобрело односложную структуру.

1.5. *Вить* 'пять'

Вить 'пять' – *Huit* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Witt* [Strahlenberg 1730]; *wît* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 168)]; *Вить* [Сочинения 1775: 40]; *вить* [Кротов 1785: 26]; *вить* [Могилин 1786: 60]; *вить* [Паллас 1789: 476–477]; *вить* [Миллер 1791: 99]; *вить* [ЕвангелиеГ 1847: 107]; *вить* [АзбукаС 1847: 120]; *вить* [ЕвангелиеС 1847: 107]; *wit'* [Wiedemann 1851: 97]; *вить* [Льдзонь 1867: 15]; *вum* [Священная история 1877: 30]; *виҭ* [Гаврилов 1880: 23]; *вum* [Букварь 1882: 30]; *viT* [Aminoff 1896: 38]; *viT* [Munkccsi 1896: 669]; *viT G B M J MU U* [Wichmann 1987: 317] – к. *vum* < **vit* (*t'* из *t* под влиянием предшествующего *i*) < общеперм. **vit-* || мар. *вич*, морд. *веме* | фин. *viisi (viite-)* | эст. *viis* | саам. *viotta* | манс. *nt* | хант. *&ét* | венг. *öt* = доперм. **witte-* или **wīte-* [КЭСК 1970: 58]; FU **witte* [Rédei 1988a: 577]; FU **wite, *witte* [Honti 1993: 93].

Числительное *вить* 'пять' также находит лексические соответствия во многих финно-угорских языках и относится к группе слов финно-угорского происхождения. Утратив конечный гласный основы, в пермских языках числительное оказалось односложным.

1.6. *Куать* 'шесть'

Куать 'шесть' – *Qââdt* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Katt* [Strahlenberg 1730]; *kwat* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 169)]; *Куать* [Сочинения 1775: 40]; *кватъ, куать* [Кротов 1785: 80]; *кватъ* [Могилин 1786: 60]; *куать* [Паллас 1789: 476–477]; *кватъ* [Миллер 1791: 99]; *кватъ* [ЕвангелиеГ 1847: 64]; *кватъ* [АзбукаС 1847: 17]; *кватъ* [ЕвангелиеС 1847: 126]; *kwat'* [Wiedemann 1851: 97]; *кватъ* [Лыдзонь 1867: 15]; *куат* [Священная история 1877: 13]; *куаҭ* [Гаврилов 1880: 41]; *куат* [Букварь 1882: 30]; *kwaT* [Aminoff 1896: 38]; *kwaT* [Munkccsi 1896: 232]; *k&aT G B M MU U* [Wichmann 1987: 142] – к. *квайт* < общеперм. **kwat'* || мар. *куд* | эрз. *кото* | мокш. *кота* | фин. *kuusi* (*kuute-*) | саам. *guttâ* | манс. *kat* | хант. *χот* | венг. *hat* = доперм. **kūte-*.

В общепермском языке после *k-* выработалось лабиализованное *w (&)*, под влиянием которого гласный звук расширился: **kute-* > **kwute-* > **kwat'* [КЭСК 1970: 119]; **FU** **kutte* [Rédei 1988a: 225]; **FU** **kutte, *kute* [Honti 1993: 99].

1.7. Сизьым 'семь'

Сизьым 'семь' – *Schishim* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Zfefem* [Strahlenberg 1730]; *sisim* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 169)]; *Сизимъ* [Сочинения 1775: 40]; *сизимъ* [Кротов 1785: 197]; *сизимъ* [Могилин 1786: 60]; *Сизимъ* [Паллас 1789: 476–477]; *сисимъ* [Миллер 1791: 99]; *сизимъ* [ЕвангелиеГ 1847: 118]; *сизимъ* [АзбукаС 1847: 28]; *сизимъ* [ЕвангелиеС 1847: 118]; *siЩim* [Wiedemann 1851: 97]; *сизимъ* [Лыдзонь 1867: 15]; *сижыым* [Священная история 1877: 9]; *сижыым* [Гаврилов 1880: 61]; *сижём* [Букварь 1882: 30]; *sížym J; sížõm K* [Aminoff 1896: 38]; *síži3m, Jel., Mal. sížim; Kaz. síže3m, sížem* [Munkccsi 1896: 456]; *síž4m G B U; síž2m M J MU* [Wichmann 1987: 236] – к. *сизим* < общеп. *s'iz'im* || мар. *шым* | морд. *сисем* | фин. *seitsemän* | саам. *čiečča, čieWâ* = доперм. **s'eŋč'emä*; общеп. **i* < доперм. **e* под влиянием соседних палатальных согласных.

Заимствовано из индо-европейского языка славяно-балтийского типа в общефинно-пермкий период [КЭСК 1970: 255]; **FP** **še|ćemä* [Rédei 19886: 773]; **FP** **še|ććem* [Honti 1993: 100].

1.8. Тямыс 'восемь'

Тямыс 'восемь' – *Tjætess* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Ssemet* [Strahlenberg 1730]⁶; *kikjamas* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 170)]; *Кіамысь* [Сочиненія 1775: 40]; *тямысь* [Кротов 1785: 229]; *тямысь* [Могилин 1786: 60]; *тямысь* [АзбукаС 1847: 125]; *Кіямісь* [Паллас 1789: 476–477]; *кикьямась* [Миллер 1791: 99]; *t'amys* [Wiedemann 1851: 97]; *тямысь* [Лыздзонь 1867: 15]; *җамыс, тямыс* [Священная история 1877: 113, 149]; *җамыс* [Букварь 1882: 30]; *t'amys* J; *t'amōs* K [Aminoff 1896: 38]; *Tamı3s*, *Kaz. Tame3s* [Munkccsi 1896: 409]; *Tàm4s*, *T@am4s* G; *Tòàm2s* M MU; *Tòam2s* J; *Tòam4s* U (< **k2kjà-m2s*) [Wichmann 1987: 271] < **kjam2s* < **k2kjam2s* – к. *көкьямыс* < общеп. **k8kjamis* [КЭСК 1970: 140].

Слово состоит из двух частей, первая из которых представляет числительное *кык* 'два', второе – *-мыс* 'десять', вытесненное впоследствии иранским заимствованием *дас*. Таким образом, рассматриваемая форма означает 'два до десяти'. Палатализованное *m'* в начале слова в удмуртском языке, по утверждению Б. А. Серебренникова [1963: 222], могло возникнуть из сочетания *t'j*, чему предшествовала форма *k'jamys*, возникшая в быстрой речи.

Исследователями выделяется в данном числительном и три компонента: *кык-ja-mys*. Б. А. Серебренников [1963: 221] отмечает, что происхождение *-ja* не ясно, возможно, это окончание какого-то местного падежа. Р. Бартенс рассматривает данный формант как показатель соответственного падежа («*ja voi olla adverbialisijan pääte*»⁷) [Bartens 2000: 143], Л. Хонти склонен считать, что это словообразовательный суффикс, с помощью которого образуются

⁶ Как отмечает Т. И. Тепляшина [1965: 26], слово по ошибке перенесено в удмуртскую колонку из марийского языка, в котором оно обозначает 'семь'.

⁷ *ja* может быть показателем соответственного падежа.

существительные от имен числительных [Honti 1993: 158]. Он же отмечает, что в общепермскую эпоху данное числительное имело вид **k2kja-m2n(z)ś* 'два [отсутствует] из десяти' [Honti 1988: 174]. Здесь последний компонент представляет суффикс элатива, который после заимствования числительного *das* 'десять', по аналогии с ним, утрачивает палатальность, т. к. числительные представляют весьма замкнутую, упорядоченную систему. Этот же период в пермских языках характеризуется достаточно последовательной деназализацией, что могло коснуться и рассматриваемого элемента: **m2ns > m2s* [Honti 1988: 173].

Субтрактивная (вычитающая) конструкция для выражения числительного 'восемь' оказывается весьма распространенной моделью: манс. *ńalālow* < праманс. **ńalā-low* < праоб.-уг. **ńělz-lǝγ*; хант. *ńīwə*; *ńīləγ* < прахант. **ńīləγ* < праоб.-уг. **ńělz-lǝγ*; венг. *nyolc* < правенг. **ńol-tizē* [Хонти 2003: 177]; селькуп. *Ait'tatköt* < *Aitty taty köt* 'два отсутствует десять' [Быконя 1995а: 66].

К. Е. Майтинская [1973: 213] отметила типологическое сходство числительных 'восемь' и 'девять' в финно-угорских языках, которое заключается в том, что: а) в качестве второго компонента в них используются слова, выражающие числовое понятие '10'; однако по ветвям финно-угорских языков употребляются слова разного происхождения, не имеющие тождественную прафинно-угорскую этимологию; б) в качестве первого компонента выступают слова общепермского происхождения: у числительных, выражающих '8' – это слово со значением '2', у числительных, выражающих '9' – это слово со значением '1'. Исходя из этого, можно признать справедливость замечания Габора Орбана о том, что понятие числа '10' у финно-угров формировалась раньше, чем понятие '8' и '9' [Orbán 1932: 52].

Фин. *kahdeksan* | кар. *kaheksa(n)* | лив. *kaheksa* | вепс. *kahtsa(n)* | эст. *kaheksa* | саам. *gavce*, *gak'ce* | морд. *kavkso*, *kavksa* | мар. *kändäkA(ə)* рассматриваются как соединение **kakta* (>**kakte* >*kahte* 'два') + **e-k-sä-n* (форма, присутствующая также в числительном 'девять'), где *e-* – основа отрицательного глагола, *-k-* – модальный суффикс, *-sä* – показатель третьего

лица единственного числа, *-n* – формант двойственного числа. Отсюда первоначальное значение – ‘два отсутствуют’ [SSA1 1992: 271]. Исходя из другой точки зрения, этимологию числительного ‘восемь’ можно связать с числительным ‘десять’: **kakta* + **deksam* (< индо-евр. **dek'Ю*) [Koivulehto 1999: 224; Parola 2002: 138].

В ненецком языке числительное ‘восемь’ образуется мультипликативным путем, по схеме «дважды четыре»: *сидндет* (*сидя* ‘два’, *тет* ‘четыре’) [Куприянова 1961: 89].

Рассматривая происхождение числительного ‘восемь’ в тюркских языках, исследователи также приходят к заключению, что древняя форма **s-äki-z* оказывается сложной по структуре, состоящей из элементов *s* (ср. монг. *ese* ‘нет’) и обозначения числительного ‘два’ [СИГТЯ 1988: 170].

Субтрактивная конструкция оказывается весьма распространенной в языках различных типов, так, к примеру, Д. Хурфорд отмечает эту особенность, характеризуя числительные ‘восемь’ и ‘девять’ и в языках Папуа Новой Гвинеи [Hurford 1987: 87].

1.9. Укмыс ‘девять’

Укмыс ‘девять’ – *Ogkmæs, Odkmes, Ogkmäss* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Alnmans* [Strahlenberg 1730]; *Укмысь* [Сочинения 1775: 40]; *укмысь* [Кротов 1785: 238]; *укмысь* [Могилин 1786: 60]; *Укмысь* [Паллас 1789: 476–477]; *укмюсь* [Миллер 1791: 99]; *укмысь* [ЕвангелиеГ 1847: 136]; *укмысь* [АзбукаС 1847: 46]; *укмысь* [ЕвангелиеС 1847: 136]; *uktus* [Wiedemann 1851: 97]; *укмысь* [Лыдзонь 1867: 15]; *укмыс* [Священная история 1877: 84]; *укмыс* [Гаврилов 1880: 15]; *укмыс* [Букварь 1882: 30]; *uktus* J; *uktõs* K [Aminoff 1896: 38]; *uktı3s, Kaz. ukte3s* [Munkccsi 1896: 83]; *uk-m4s* G U; *2k-m2s* M; *uk-m2s* J MU; *uk'-m2s, ug'-m2s, uG-m2s* MU [Wichmann 1987: 181] – к. *ökmыс* < общеп. **Ē⁰kmδs* < **akmδs* < раннеобщеп. **8kmδs* [КЭСК 1970: 211]. Так же, как и числительное ‘восемь’, состоит из двух частей, в целом полученное

значение трактуется как 'один до десяти, десять без одного'. Хонти Ласло реконструирует для общепермского периода следующую форму: **ak-m2n(з)ś* 'один [отсутствует] из десяти' [Honti 1988: 174] (см. 1.8.).

Субтрактивная конструкция для выражения числительного 'девять' представлена и в других языках: манс. *antālow* < праманс. **Ynttāl-loγ* < **Ynt-tāl-loγ* 'десять без стороны (= без крайнего пальца, т. е. мизинца)'; венг. *kilenc* < правенг. **kilen-tizĕ* [Хонти 2003: 177]; селькуп. *ukkyr-ca-köt* 'один отсутствует десять' [Кузнецова 1980: 285].

Фин. *yhdeksän* | кар. *yheksän* | лив. *üheksä(n)* | вепс. *ühtsan* | эст. *üheksa* | саам. *ovce* | морд. *vejkse* | мар. *әндекАә* рассматриваются как соединение **iiktä* (>**iikte* > *ühte* 'один') + **e-k-sä-n* [SSA3 2000: 488] (см. 1.8.).

В энецком и ненецком языках подобные конструкции числительного 'девять' потеряли в своем составе числительное 'один': нен. *kāšemju* 'девять' состоит из причастия отрицательного глагола *kašā-* 'едва не..., чуть не...' и числительного *ju* 'десять' и первоначально означало 'едва не десять, чуть не десять'; в основе энецкого числительного *ésâ*, *nésâ* 'девять' лежит отрицательный глагол уральского происхождения *несь*, первоначальное значение его могло быть 'одного не хватает, одного нет' [Honti 1996: 126].

С выражением значения 'один (палец) не загнут, один палец остался, один (палец) до пяти на другой руке' связывают этимологию числительного 'девять' и в тюркских языках [СИГТЯ 1988: 171], в современном киргизском, к примеру, *biri kām on* (букв. 'без одного десять') 'девять'.

1.10. Дас 'десять'

Дас 'десять' – *Dass* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Däs* [Strahlenberg 1730]; *doss* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 171)]; *Дасъ* [Сочиненія 1775: 40]; *дасъ* [Кротов 1785: 45]; *дасъ* [Могилин 1786: 60]; *Дасъ* [Паллас 1789: 476–477]; *дассъ* [Миллер 1791: 99]; *дасъ* [ЕвангелиеГ 1847: 4]; *дасъ* [АзбукаС 1847: 157]; *дасъ* [ЕвангелиеС 1847: 20]; *das* [Wiedemann 1851: 97]; *дасъ* [Льдзонь 1867: 15]; *дас* [Священная история 1877: 12]; *дас* [Букварь 1882: 30];

das [Aminoff 1896: 38]; *das* [Munkccsi 1896: 388]; *das* G B SI M J MU U [Wichmann 1987: 30] – к. *ḍac* < общеп. **das*. Перм. < ир., ср. осет. *däs*, авест. *dasa* [КЭСК 1970: 87].

Числительное *das* для обозначения десятка заимствовано пермскими языками относительно поздно. В финно-угорском языке-основе имелись и другие слова, называющие десяток. Они сохранили свои рефлексy в современных пермских языках.

1.11. *-мын и -дон / -тон* в значении 'десять'

FU **mɛnɛ*

Удм. *-m2n*: *kwam2n* 'тридцать' | к. *-m2n*: *kom2n* 'тридцать' < общеп. **m2n(ɛ)* [Honti 1988: 172] | манс. *-тән, -рән, -тан, -пан*: *nälmән, naliman* 'сорок'; *ätrән, atran* 'пятьдесят' | венг. *-van, -ven*: *ötven* 'пятьдесят', *hatvan* 'шестьдесят' [Honti 1993: 117].

Габор Орбан рассматривает образование данного компонента от *gemen, kemen, kymmen*: "A felsorok rokon nyelvekben tehát szintén összetétel a *negyven, ötven, hatvan* stb.; az összetétel előtagja itt is a 4, 5, 6... 9, a tizet jelentő elem pedig a *mән, рән, m2n*. S aligha csalódunk, ha a vogul összetételeknek *mән, рән, zürjén* votják *m2n* tagjait a magyar *ven, van* szóval, ezt pedig a *gemen, kemen, kymmen*-nel azonosnak tartjuk"⁸ [Orbán 1932: 56]. Современные же формы в венгерском языке, по его мнению, возникли вследствие следующих изменений: **negy-gemen* > **negy-geven* > **negy-gven* > *negy-ven*.

Кроме этого в удмуртском языке для выражения десятка в числительных 'сорок – девяносто' в сочетании с названием единицы используется форма *-дон / -тон*: *ныльдон* 'сорок', *витьтон* 'пятьдесят', *куатьтон* 'шестьдесят', *сизьымдон* 'семьдесят', *тямыстон* 'восемьдесят', *укмыстон* 'девяносто'.

⁸ В перечисленных родственных языках, следовательно, также сложные слова 'сорок', 'пятьдесят', 'шестьдесят' и др.; первая часть сложного слова здесь 4, 5, 6... 9, 'десять' означает элемент *тән, рән, m2n*. И едва ли ошибемся, что части сложных слов вогульского *тән, рән*, зырянского и удмуртского *m2n* с венгерским словом *ven, van* идентичны с *gemen, kemen, kymmen*.

Вероятно, происходит от слова *дун* (к. *дон*) 'цена, стоимость' < общеп. **dōn* || манс. *tin* | хант. *tin* 'цена' [КЭСК 1970: 95; Wichmann 1914: 91].

1.12. Способы образования единиц второго и следующих десятков

Единицы второго десятка в пермских языках образуются по схеме "дас 'десять' + единица" – это так называемый регредиентный способ, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей степени: удм. *дас одӱг* 'одиннадцать', *дас кык* 'двенадцать', *дас куинь* 'тринадцать'; коми *дас ӧтик* 'одиннадцать', *дас кык* 'двенадцать', *дас куим* 'тринадцать' [СКЯ 1955: 186]. Этот же способ используется и в образовании единиц высшего порядка: удм. *кызь куинь* 'двадцать три', *ныльдон куать* 'сорок шесть', *сизьымдон тямьс* 'семьдесят восемь'; коми *кызь куим* 'двадцать три', *комьн кык* 'тридцать два'.

В диалектах возможно соединение посредством сочинительного союза *но* 'и': нч. *дас но кык* 'двенадцать', *сиз'ымдас но укмыс* 'семьдесят и девять' [Тепляшина 1970: 176]; такие случаи отмечены и в памятниках письменности: *Schuna-dass-oddick* 'сто одиннадцать', *Schúna-Kÿishe-oddick* 'сто двадцать один' [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 157)]. Такое же явление характерно и коми диалектам, к примеру, в печорском диалекте исследователи отмечают образование составных числительных больше семидесяти по подобной модели, когда «между десятками и единицами, а также между сотнями и десятками вставляется союз *да*»: *с'из'имдас да ӧт'ик* 'семьдесят один', *с'из'имдас да вит* 'семьдесят пять', *с'о да комьн* 'сто тридцать' [Сахарова, Сельков, Колегова 1976: 31]; в ижемском диалекте: *кыкс'о да н'ол'* 'двести четыре' [Сахарова, Сельков 1976: 63]; в вымском диалекте: *Ӧни мэным с'из'имдас да вит ар.* 'Теперь мне семьдесят пять лет' [Жилина 1998: 89].

Если рассмотреть систему выражения единиц второго десятка в других финно-угорских языках, то можно отметить, что здесь представлены различные

способы. Так, к примеру, в венгерском языке представлен так называемый **локативный** способ оформления числительных внутри десятка: *tizenegy* 'одиннадцать' (десяток + падежный суффикс + единица) [Хонти 2003: 178]; подобное же образование встречается в мансийском языке: *cām-xuyñ-лов* 'семнадцать (букв. семь, лежащее на десяти)' [Дмитриева 2005: 51].

Нечто подобное можно отметить и в селькупском языке, где возможно вовлечение в словообразовательный процесс послелогов *tat* 'около, рядом', *qöigen* 'около': *sett'atket* 'двенадцать' с внутренней формой 'два около десять', *tetti qöigen köt* 'четырнадцать'. Предполагается, что в селькупском языке эта модель появилась под влиянием структуры русского языка, в котором этот тип представляет систему числительных второго десятка с предлогом 'на' [Быконя 1995б: 296].

Для образования единиц второго и следующих десятков финно-угорские языки используют в основном **аддитивный** способ (сложение), который бывает трех типов:

а) регрессиентный, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей ступени: мар. *луатиктымт* 'одиннадцать, букв. десять и один', [СМЯ 1961: 122]; манс. *хус ја ака* 'двадцать один'; хант. *хос й* 'двадцать один' [Хонти 2003: 178]; селькуп. *Aittsar ej ukkyr* 'двадцать один', *muktsar ej muktyt* 'шестьдесят шесть', в этой конструкции *ej* – соединительный союз 'и' [Кузнецова 1980: 286].

Этот тип, как было отмечено выше, представлен и в пермских языках. В мордовских языках названия единиц выступают с суффиксом древнего мордовского суффикса совместного падежа, или комитатива, который имел вид *γo [Серебренников 1967: 115]. Соответственно, числительные от одиннадцати до девятнадцати в мордовских языках образуются по схеме «десять с одним», «десять с двумя» и т. д.: эрз. *kevejeje*, мокш. *kefkija* 'одиннадцать', эрз. *kemgavtovo*, мокш. *kemgavtəva* 'двенадцать';

б) ингредиентный, называющий целый десяток, содержащий единицу: манс. *mōt low ḥalow ~ mōt lowən ḥalow* 'восемнадцать (восемь второго десятка ~

восемь во второй десятке)'; хант. *kimət joŋ ñitə* 'восемнадцать (восемь второго десятка)' [Хонти 2003: 178]; фин. *kaksitoista* 'двенадцать' [Honti 1987: 141]; этот способ ранее был более распространенным в финском языке: *yksikolmatta* 'двадцать один (один третьего десятка)' [ISK 2005: 757]. Такая система счета, судя по памятникам письменности, была характерна тюркскому праязыку: **bir jägirmi* 'одиннадцать', **äki jägirmi* 'двенадцать' и т. п. [СИГТЯ 1988: 179]. Данная система постепенно подверглась перестройке;

в) прогредиентный, сочленяющий названия единиц с названием десятка следующей ступени: манс. *vāt nuɣyl аква* 'двадцать один' (букв. 'один в направлении тридцати') [Дмитриева 2005: 51].

Выделяется еще **субтрактивный** (вычитающий) способ, который, к примеру, представлен в восточно-хантыйских диалектах: *ějzr-kolzmoŋ* 'двадцать девять (30 без 1)' [Хонти 2003: 178].

Субтрактивный способ в хантыйском языке используется и для номинации последнего круглого десятка перед сотнями – девяноста, и последней круглой сотни перед тысячами – девятиста: *ějzr-sat* 'девяносто (100 без 1 [десятка])', *ějzr-t'örzs* 'девятьсот (1000 без 1 [сотни])' [Хонти 2003: 178].

Данный способ представлен в некоторых тюркских языках, к примеру: киргиз. *biri kām toqson* (букв. 'без одного девяноста') 'восемьдесят девять'; туркмен. *bir ket qurq* (букв. 'без одного сорок') 'тридцать девять'; узб. *uĉ kām jetmuA* ('без трех семьдесят') 'шестьдесят семь' [СИГТЯ 1988: 182].

Для выражения круглых десятков (так же как и сотен) в финно-угорских языках в основном используется мультипликативная (умножающая) конструкция: мар. *шымлу* 'семьдесят', *вичиүддө* 'пятьсот' [СМЯ 1961: 122]; морд. м. *niLgemañ* 'сорок', *kodgemañ* 'шестьдесят' (в эрзянском языке при мультипликации первый компонент выступает в инструктивной форме: *nileŋgemeñ* 'сорок', *kavksoŋgemeñ* 'восемьдесят') [Серебренников 1967: 118]; манс. *naliman* 'сорок', *atpan* 'пятьдесят', *atsāt* 'пятьсот' [Ромбандеева 1973: 92]; нен. *тет ю'* 'сорок', *сидя юр'* 'двести' [Куприянова 1961: 90]; хант. *вэтjöу* 'пятьдесят', *вэтсат* 'пятьсот' [Терешкин 1961: 60].

Своеобразные принципы образования названий круглых десятков выявляются в памятниках письменности и современных диалектах селькупского языка – по схеме 'название единицы + название двадцати': *nakt-Atar* 'тридцать', *oqərčangwel-Ataru* 'девяносто' ('двадцать' в подобных случаях выступает в значении десяти) [Быконя 1996: 205].

1.13. *Кызь* 'двадцать'

Кызь 'двадцать' – *Kyjšhe* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кызь* [Сочинения 1775: 40]; *кызь* [Кротов 1785: 108]; *кызь* [Могилин 1786: 60]; *кюсь* [Миллер 1791: 99]; *кызь* [АзбукаС 1847: 126]; *kijЦ* [Wiedemann 1851: 97]; *кызь* [Лыдзонь 1867: 15]; *кыж* [Священная история 1877: 16]; *кыж* [Букварь 1882: 30]; *күз* J; *кӧз* K [Aminoff 1896: 38]; *kižž*, Kaz. *kežž* [Munkccsi 1896: 156]; *k4ž* G; *k2ž* M J MU; *kuž* U [Wichmann 1987: 118] – к. *кызь* < общеп. **k8z'* [КЭСК 1970: 150] || морд. *комсь* | хант. *kos*, *χus*, *χos* | манс. *kos*, *χos*, *χus* | венг. *húsz* < FU **kuśz* [Honti 1993: 127]; FU **kuśz* (*koje-ćz*) [Rédei 1988a: 224].

Исследователи высказывают различные мнения относительно происхождения финно-угорского числительного 'двадцать'. Так, в основном опираясь на морд. *комсь* (*koms'*, *koməs'*), современную форму можно расчленить на два элемента *кы-зь* < **ко-мысь*, что должно было обозначать 'два десятка'. Первая часть (*ко-*), по данному предположению, представляла собой усеченную форму от числительного 'два', а вторая усеченная форма *-зь* (*s'* < **ms'* < **mēs'*) обозначала 'десять' [КЭСК 1970: 150; Серебренников 1963: 223].

Согласно другой точке зрения, рассматриваемая форма числительного происходит от слова со значением 'человек, мужчина', что первоначально выражало количество пальцев на руках и ногах, ср. селькуп. *kāsa* 'мужчина', кам. *k'uza* 'человек' [Майтинская 1979: 174].

Третья точка зрения на проблему происхождения числительного 'двадцать' принадлежит К. Редее и свидетельствует в пользу его восприятия как круглого числа. Сегодняшнее значение, по мнению исследователя, могло

возникнуть в современных языках через значение 'ein Packen aus zwanzig Stück, Bündel, z.B. zwanzig Eichhörnchenfelle oder Fische' в поздний финно-угорский период [Rédei 1988a: 224].

1.14. *Куамын* 'тридцать'

Куамын 'тридцать' – *Qvâten* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куамынъ* [Сочинения 1775: 40]; *квамынъ*, *куамынъ* [Кротов 1785: 79]; *квамынъ* [Могилин 1786: 61]; *квамюнь* [Миллер 1791: 99]; *квамынъ* [ЕвангелиеГ 1847: 92]; *квамынъ* [АзбукаС 1847: 105]; *квамынъ* [ЕвангелиеС 1847: 92]; *kwatun* [Wiedemann 1851: 97]; *квамынъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *куамын* [Священная история 1877: 24]; *куамын* [Гаврилов 1880: 72]; *куамын* [Букварь 1882: 30]; *kwatun* J; *kwatõn* K [Aminoff 1896: 39]; *kwatı3n*, Kaz. *kwate3n* [Munkccsi 1896: 234]; *k&am4n* [Wichmann 1987: 142] – к. *комын* < общеп. **квЫmin* (*кЫ-min* 'три десятка', где *кЫ-* выступает в усеченной форме названия числа 'три'), ср. к. *коймод* и *мында* [КЭСК 1970: 132] (см. 1.11.).

1.15. *Ньыльдон* 'сорок'

Ньыльдон 'сорок' – *Nyıldan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Нильдонъ* [Сочинения 1775: 40]; *ниль дасъ*, *нилдонъ* [Кротов 1785: 146]; *нильдонъ* [Могилин 1786: 61]; *ниль-донъ* [Миллер 1791: 99]; *нильдонъ* [ЕвангелиеГ 1847: 15]; *нильдонъ* [АзбукаС 1847: 55]; *нильдонъ* [ЕвангелиеС 1847: 15]; *nil'don* [Wiedemann 1851: 97]; *нильдонъ* [Лыздонъ 1867: 15]; *нюкдон* [Священная история 1877: 9]; *нюлдон* [Гаврилов 1880: 54]; *нюкдон* [Букварь 1882: 30]; *ñül'don* [Aminoff 1896: 39]; *ñı3Ldon*, *ñıLdon*, *ñüLdon* [Munkccsi 1896: 528]; *ñuuL-don* G B MU; *ñuòL-don* G; *ñ2L-don* M J MU; *ñiL-don* U [Wichmann 1987: 179] (см. 1.11.).

1.16. *Витътон* 'пятьдесят'

Витътон 'пятьдесят' – *Huit-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Витътонъ* [Сочиненія 1775: 40]; *виттонъ* [Кротов 1785: 26]; *виттонъ* [Могилин 1786: 61]; *вить-донъ* [Миллер 1791: 99]; *витьтонъ* [ЕвангеліеГ 1847: 46]; *wit'don* [Wiedemann 1851: 97]; *витьтонъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *виѣтон* [Священная история 1877: 88]; *виѣтон* [Букварь 1882: 30]; *vit'ton* [Aminoff 1896: 39]; *viTton* [Munkccsi 1896: 669]; *viTton* В М J MU U; *viTTON* MU [Wichmann 1987: 317] (см. 1.11.).

1.17. *Куатьтон* 'шестьдесят'

Куатьтон 'шестьдесят' – *Qâât-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Куатьтонъ* [Сочиненія 1775: 40]; *кваттонъ*, *кватъдасъ* [Кротов 1785: 80]; *кваттонъ* [Могилин 1786: 61]; *кватъ-донъ* [Миллер 1791: 99]; *кваттонъ*, *кватътонъ* [ЕвангеліеГ 1847: 92]; *кватътонъ* [ЕвангеліеС 1847: 92]; *kwat'don* [Wiedemann 1851: 97]; *кватъ тонъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *куаѣтон* [Гаврилов 1880: 72]; *куаѣтон* [Букварь 1882: 30]; *kwat'ton* [Aminoff 1896: 39]; *kwaTton* [Munkccsi 1896: 232]; *k&aTTON* G MU; *k&aTton* M U [Wichmann 1987: 142] (см. 1.11.).

1.18. *Сизымдон* 'семьдесят'

Сизымдон 'семьдесят' – *Schishim-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Сизимъдонъ* [Сочиненія 1775: 40]; *сизимъдонъ* [Кротов 1785: 80]; *сизимъдонъ* [Могилин 1786: 61]; *сизимъ донъ* [Миллер 1791: 99]; *сизимдонъ* [ЕвангеліеГ 1847: 139]; *сизимдонъ* [АзбукаС 1847: 73]; *siЩimdon* [Wiedemann 1851: 97]; *сизимъ тонъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *џижымдон* [Священная история 1877: 52]; *џижымдон*, *џижёмдон* [Гаврилов 1880: 24, 68]; *џижёмдон* [Букварь 1882: 30]; *śizymdon* Vj.; *śizōmdon* K [Aminoff 1896: 39]; *śizi3mdon*, *śizimdon*, *śizim-das* [Munkccsi 1896: 456]; *śiz4m-don* G U; *śiz2m-don* M J MU [Wichmann 1987: 236] (см. 1.11.).

1.19. Тямыстон 'восемьдесят'

Тямыстон 'восемьдесят' – *Tjætæss-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Кіамустонъ* [Сочиненія 1775: 41]; *тямысуись, тямыстонъ* [Кротов 1785: 229]; *тямысьтонъ* [Могилин 1786: 61]; *кикъямасъ-донъ* [Миллер 1791: 99]; *t'amysdon* [Wiedemann 1851: 97]; *тямысь тонъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *җамыстон, тямыстон* [Священная история 1877: 73]; *тямыстон* [Букварь 1882: 30]; *t'amyston Vj.; t'amõston K* [Aminoff 1896: 39]; *Tami3ston, Tame3ston* [Munkccsi 1896: 409]; *T@am4s-ton G; Tòam2s-ton M; Tòamis-ton MU; Tòam4s-ton U* [Wichmann 1987: 271] (см. 1.8.; 1.11.).

1.20. Укмыстон 'девятисто'

Укмыстон 'девятисто' – *Ogkætæss-dan* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Укмыстонъ* [Сочиненія 1775: 41]; *укмыстонъ* [Кротов 1785: 238]; *укмысьтонъ* [Могилин 1786: 61]; *укмюссь-донъ* [Миллер 1791: 99]; *укмыстонъ* [АзбукаС 1847: 73]; *укмыстонъ* [ЕвангеліеГ 1847: 136]; *укмыстонъ* [ЕвангеліеС 1847: 136]; *ukmysdon* [Wiedemann 1851: 97]; *укмысь тонъ* [Лыдзонъ 1867: 15]; *укмыстон* [Букварь 1882: 30]; *ukmyston V.; ukmõston K* [Aminoff 1896: 39]; *ukmi3ston, Kaz. ukme3ston* [Munkccsi 1896: 83]; *uk-m4s-ton G U; 2k-m2s-ton M; uk-m2s-ton, uG-m2s-ton MU* [Wichmann 1987: 181] (см. 1.9.; 1.11.).

1.21. Сю 'сто'

Сю 'сто' – *Schú* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 156)]; *Сю* [Сочиненія 1775: 41]; *сю* [Кротов 1785: 209]; *сю* [Могилин 1786: 61]; *Сью* [Паллас 1789: 476–477]; *ссу* [Миллер 1791: 99]; *сю* [АзбукаС 1847: 73]; *сіо, сю* [ЕвангеліеГ 1847: 92]; *сю* [ЕвангеліеС 1847: 92]; *s'u* [Wiedemann 1851: 97]; *сю* [Лыдзонъ 1867: 15]; *сү, су* [Священная история 1877: 19, 89]; *су* [Гаврилов 1880: 51]; *су* [Букварь 1882: 30]; *су* [Aminoff 1896: 39]; *су, Kaz. sü* [Munkccsi 1896:

468]; *śu* G M JI; *śu* B M J MU U [Wichmann 1987: 238] – к. *cě* < общеп. **s'BI* || мар. *шүдө* | мокш. *сяда* | эрз. *сядо* | фин. *sata* | саам. *čuohte* | венг. *száz* | хант. *sôt*, *sât* | манс. *sāt* = доперм. **s'ata* [КЭСК 1970: 252]; FU **śata* [Honti 1993: 124; Redei 1988: 467]. Ф.-у. < арийск. ср. др.-инд. *Satá-m*, авест. *satəm* < праарийск. **A'atá-m* < индо-евр. **kЮtó-m* 'сто'.

Значение числа 'сто' может быть передано и другими способами, например: селькуп. *köduṅgöt* 'десять раз десять' [Беккер 1995: 140].

Остальные названия сотен образуются последовательно путем сочетания названия чисел первого десятка с *сю* 'сто' – мультипликативным способом: *кык сю* 'двести', *куинь сю* 'триста', *нбыль сю* 'четыреста', *вить сю* 'пятьсот', *куать сю* 'шестьсот', *сизьым сю* 'семьсот', *тямыс сю* 'восемьсот', *укмыс сю* 'девятьсот'.

В современном удмуртском языке никаких отклонений в способе образования при обозначении названий сотен не наблюдается, но если обратиться к письменным источникам XVIII–XIX веков, то мы обнаруживаем употребление лексемы *пуй* со значением 'сто': *кык пуй* 'двести', *küjn' пуй* 'триста', *wit'don пуй* 'пять тысяч, букв. пятьдесят сотен' [Wiedemann 1851: 97]; *дасъпуй* 'тысяча, букв. десять сотен' [Могилин 1786: 61].

1.22. Сюрс 'тысяча'

Сюрс 'тысяча' – *Schüürss* [Мессершмидт 1726 (по: Напольских 2001: 157)]; *surss* [Fischer 1747 (по: Gulya 1995: 171)]; *Сюрсь* [Сочинения 1775: 41]; *сюрсь* [Кротов 1785: 209]; *дасъпуй, сМрсъ* [Могилин 1786: 61]; *сурсъ* [Миллер 1791: 99]; *сюрсь* [АзбукаС 1847: 50]; *сюрсь* [ЕвангелиеГ 1847: 108]; *сюрсь* [ЕвангелиеС 1847: 121]; *Сьюрсь* [Паллас 1789: 476–477]; *s'urs* [Wiedemann 1851: 97]; *сюрсь* [Лыдзонь 1867: 15]; *сұрыс* [Священная история 1877: 38]; *сұрыс* [Гаврилов 1880: 23]; *сұрыс* [Букварь 1882: 30]; *śuryś Vj.*; *śurōś K* [Aminoff 1896: 39]; *śurs* [Munkccsi 1896: 475]; *śurs* G M J U; *śurs* G B M MU; *śur2s* MU [Wichmann 1987: 142] – к. *сюрс* < общеп. **s'urs* | хант. *t'ōrās*, *t'ārās*, *śōrās* | манс. *Aatārā*, *Aotār*, *sōtāre*, *sōtāra* < ?FU **śasra* > **śarsa* [Honti 1993: 126].

< арийск., ср. др.-инд. *sahásra*, авест. *hazanra-*, среднеперс. *hazār* 'тысяча'; праарийская форма **ǵhasra-* [КЭСК 1970: 275].

В материалах Д. Г. Мессершмидта формы числительных 'тысяча сто' – 'тысяча девятьсот' образованы мультипликативным способом, обозначающим количество сотен: *Dass-oddick-Schu* 'тысяча сто (букв. одиннадцать сотен)', *Dass-Kyik-Schú* 'тысяча двести (букв. двенадцать сотен)', *Dass-ogkmæss-Schu* 'тысяча девятьсот (букв. девятнадцать тысяч)'. Это, безусловно, свидетельствует о более позднем заимствовании числительного *сюрс* 'тысяча' по сравнению с числительным *сю* 'сто', таким образом, в языке шло выражение больших количеств уже имеющимися лексическими средствами. Зафиксированные Д. Г. Мессершмидтом формы можно считать рефлексамии такого использования.

Для обозначения миллиона, миллиарда в финно-угорских языках используются заимствования, хотя изредка можно встретить и собственные формы: хант. *нэмлку тэрэс* 'букв. безымянная тысяча' [Терешкин 1961: 61]. В удмуртском языке используются русские заимствования, но в тех же материалах Д. Г. Мессершмидта вновь зафиксирована мультипликативная форма *Schúre-Schúrss* 'миллион (букв. тысяча тысяч)'.

1. 23. Нулевая множественность

Рассматривая поле количественности, исследователи выделяют среди всего прочего нулевую множественность, которая обозначает полное отсутствие чего-либо [Игнаева 2005: 72]. "... the numeral system is based on counting, and counting begins with 'one', we do not count a set without members.

However, it is worth starting since a linguistic extension of the numeral system to include 'zero' is not logically excluded"⁹ [Greenberg 1978: 255].

Как именно выражение полного отсутствия реализуется в современном удмуртском языке?

Прежде всего, необходимо отметить, что чаще всего отсутствие чего-либо, кого-либо, какого-либо признака в удмуртском языке выражается посредством отрицательных местоимений *нокин (но)* 'никто', *номыр (но)* 'ничто', *нокыче (но)* 'никакой', глагол-сказуемое в составе таких предложений выступает в отрицательной форме: *Эстыны нокыче гуръёс кулэ овёл: пось ву шунтэ* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 9). 'Топить никакие печи не нужно: горячая вода греет'. *Бен мазэ тон тодйськод солэсь? Номырзэ но уд тодйськы.* *Симфонической произведениос гожъяз, дыр* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 6). 'А что ты у него знаешь? Ничего не знаешь. Симфонические произведения писал, наверное'. *Кема учкид мон шоры, номыр өд вазыы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 95). 'Долго смотрел [ты] на меня, ничего не сказал'. Наряду с ними широкое распространение получили конструкции, содержащие числительное *одйг* 'один' + частица *но*, глагол-сказуемое в таких предложениях также приобретает отрицательную форму: *Кыкетй нуналзэ ни одйг гучык но ымаз уг поны* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 48). 'Уже второй день ни одного глотка в рот не берет'. *Мытэмъясыз [ужъяс] трос но, оgez но йылаз-пумаз вуттымтэ на* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 17). 'Начатых [дел] много, но ни одно еще не доведено до конца'. *Озыы ке но, одйgez но пыдес йылысьтыз уг султы* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 55). 'Несмотря на это, ни один не встает с колен'.

Выражение нулевого множества, отсутствия какого-либо предмета, признака с использованием числительного 'один' – весьма распространенное явление в различных языках: мар. *Ик удыржат уке*. 'Ни одной дочери нет'. *Ик мутымат ок пелеште*. 'Ни одного слова не промолвит' [Игнаева 2005: 72]; тат.

⁹ Система числительных базируется на счете, и счет начинается с 'одного', мы не считаем без членов [системы]. Однако следовало бы начать с лингвистического включения 'нуля' в нумеральную систему, что не является лишним логики.

Әнкәсенәң җавапларлы анны **бер дә** канәгатъләндерми. 'Ответы матери ее нисколько (ничуть, совсем) не удовлетворяют' [СТЛЯ 1969: 179].

Со значением 'один' в удмуртском языке в подобных случаях также используется слово *пал* 'непарный, одинокий, один из пары', вся структура предложения при этом остается такой же, как если бы использовалось числительное *одйг* 'один': *Пал кыл но уг верало – басьто* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 64). 'Ни одного слова не говорят – покупают'. *Кема гинэ соос өс борды мыд-мыд пал ласянь кутйськыса сылйзы, пал кыл но поттылытэк, ог-огзы шорысь синъёссэс вошьятэк* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 63). 'Довольно долго стояли они, держась за дверь с обеих сторон, ни слова не говоря, не сводя друг с друга глаз'. *Писарьлэн пал кыл но верамез уг луы, сокем кышказ* (М. Петров. Вуж Мултан. 54). 'Писарь ни слова не в состоянии сказать, настолько испугался'. *Гожто ай шуиз но, пал чур но өз ысты покчи Королед* (С. Самсонов. Агбай. 360). 'Сказал, что напишет, и ни строчки не отправил младший Король'.

В то же время отсутствие объектов, их нулевое количество может и в удмуртском языке выражаться посредством русских заимствований *ноль*, *нуль*, глагол-сказуемое в таком случае не выступает в отрицательной форме: *Коллективамы вить Лена, нбыль Оля, куинь Таня, кык Сергей, одйг Васса, ноль Сидор* (Удмурт дунне, 27-тй март, 2009, 14). 'В нашем коллективе пять Лен, четыре Оли, три Тани, два Сергея, одна Васса, ноль Сидоров'. *Валамон ини, юисъёслы, уже потасътэмъёслы соку ик нуль пуктйськом* (С. Самсонов. Агбай. 328). 'Понятно уже, пьяницам, не выходящим на работу, сразу же ставим нуль'. *Малы люкетын дасоос интыын нуль пуктэмын* [Анцыферов, Корольков 1931: 57]. 'Почему в частном вместо десятков поставлен нуль'. *Иське, отчы вуэмдылэн КПД-эз – ноль* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 86). 'Таким образом, КПД вашей поездки туда – ноль'. *Иське, обкомлэн нырысетй секретарезлэн малпанэз тон понна – ноль* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 35). 'Значит, мнение первого секретаря обкома для тебя – ноль'.

В последнее время *ноль / нуль* наряду с удмуртскими числительными достаточно широко используется средствами массовой информации, рекламодателями – при обозначении адреса, индексов, телефонных номеров, в прогнозах синоптиков.

Ноль / нуль – в русский язык, вероятно, проникло через нем. *Null* из ит. *nulla* 'ничто': лат. *nullus*. Форма на *-o* скорее всего отражает краткое нем. *u* [Фасмер 1971: 81].

Выражение нулевого множества с помощью лексемы *ноль/нуль* – уже довольно позднее явление в финно-угорских языках, происходит независимо друг от друга заимствование из индо-европейских языков, и слово практически не меняет своего фонетического оформления, например, в финском языке: “Sanaa *nolla* käytetään numeraalin tapaan lähinnä lämpöasteita, prosentteja ja hintoja ilmaistaessa, joskus leikillisesti: *Lämpötila oli nolla astetta*”¹⁰ [ISK 2005: 754].

Таким образом, в удмуртском языке нулевое множество выражается как с помощью собственных лексических средств (местоимений, числительного *odüg* 'один'), так и посредством заимствования из русского *ноль/нуль*.

¹⁰ Слово *ноль* используется подобно числительным при обозначении температуры, процентов, цен и иногда шутливо: *Температура была ноль градусов*.

Глава 2. Классификация имен числительных

2.1. Классификация имен числительных по морфологической структуре

К классификации имен числительных можно подойти с разных точек зрения: определения их частеречевой принадлежности и рассмотрения состава каждого числительного.

Вопрос о морфологической структуре числительных современного удмуртского языка, как уже отмечалось, представляет интерес для исследователей (в частности, здесь можно отметить работы В. И. Алатырева, В. К. Кельмакова, Г. А. Ушакова), и до сегодняшнего дня идут разночтения в классификации числительных по их составу (см. подробнее 0.2.).

Рассматривая числительные уральских языков по их структуре, Л. Хонти выделяет среди них три группы [Honti 1987: 133]¹¹: **kantasanat** – основные числительные, состоящие из одного корня, служащие базой для образования числительных разного порядка; **johdokset** – производные, образованные от числительных первой группы с помощью какого-либо словообразовательного показателя (но в целом они являются простыми, ибо содержат в себе лишь один корень с вещественным (точнее, количественным) значением); **yhdyssanat** – сложные слова, образованные от числительных первой и второй групп, но их структура и компоненты оказываются вполне ясными.

¹¹ Jo ensi silmäyksellä on selvä, että nykykielissä jotkut lukusanat – tosin harvat – sisältävät vain yhden morfeemin, esim. sm. *kolme*, unk. *három* '3', *húsz* '20'. Toiseen ryhmään kuuluvissa sanoissa vartalon perässä on johdin, esim. unk. *öt-ven* '50', *hat-van* '60' tai ainakin johtimeksi tulkittava aines, esim. -c lukusanassa unk. *nyol-c* '8'. Kolmannen ja suurimman ryhmän muodostavat lukusanayhdistelmät, joiden rakenne ja komponentit ovat useimmiten selvät, esim. sm. *sata yksi*, unk. *száz-egy* '101' [Honti 1987: 136].

Опираясь на точку зрения Л. Хонти [1987: 133] и учитывая особенности удмуртских числительных, на наш взгляд, было бы правильным и в удмуртском языке числительные по составу разделить на три группы:

I. Простые числительные (основные, служащие основой для образования других имен числительных, состоящие из одного корня с количественной семантикой). Среди простых числительных могут быть производные, образованные от простых с помощью какого-либо словообразовательного суффикса. В качестве таковых аффиксов в современном удмуртском языке можно рассматривать *-мын*, *-дон* / *-тон*, некогда выступавшие в самостоятельном лексическом значении как отдельное слово 'десять', но уже утратившие эту функцию, употребляющиеся с числительными, обозначающими десятки – *куамын* 'тридцать', *ныльдон* 'сорок', *витьтон* 'пятьдесят'; суффикс *-мос*, служащий для образования дробных числительных: *дасмос* '(одна) десятая', *куиньмос* '(одна) третья'; суффикс *-о (-ё)* числительных приблизительного значения: *дасо* 'около десяти'; производными по своей структуре являются и числительные *тямыс* 'восемь' и *укмыс* 'девять' (см. 1.8. и 1.9.), но в современном удмуртском языке значения частей данных слов оказываются размытыми и представляется целесообразным рассматривать эти слова как простые.

II. Сложные числительные, образованные путем сочетания простых и производных лексических единиц: *дас куать* 'шестнадцать', *тямыстон вить* 'восемьдесят пять', *вить-куать* 'пять-шесть'.

Данные числительные рассматривались исследователями удмуртского языка как составные, выделение такой группы, на наш взгляд, идет под воздействием традиций русского языкознания, где составными называют числительные, которые «состоят из нескольких слов (двух или более), каждое из которых само является простым или сложным числительным: *двадцать пять*, *восемьсот тридцать восемь*» [РГ 1980: 574].

Рассматриваемые числительные обладают всеми чертами, характеризующими сложные слова – композиты:

1. Элементы каждого числительного представляют собой одно целостное лексическое значение – какое-либо конкретное количество: *кызь вить* 'двадцать пять', *сю кык* 'сто два'.

2. Сложным словам характерен «фиксированный порядок компонентов, изменение которого ведет к изменению значения сложного слова» [ЯЗ 1998: 469], невозможно также и отсутствие какого-либо из элементов, эта черта весьма наглядна: *сю куинь* 'сто три' и *куинь сю* 'триста'; *сюрс вить* 'тысяча пять' и *вить сюрс* 'пять тысяч'.

3. В сложных словах выделяется одно главное ударение, что, в принципе, также характерно рассматриваемым числительным, в которых последний компонент произносится с большей силой (обладает главным ударением), нежели другие, имеющие вспомогательное ударение: *сизьымдон тямь* 'с семьдесят восемь', *кык сю укмыстон ви* 'ть двести девяносто пять'.

4. Числительные, рассматриваемые ранее как составные, при склонении, образовании новых форм и новых слов ведут себя как одно слово, суффиксации подвергается лишь последний компонент, это также характерно сложным словам, которые, «как и простые, имеют единственный грамматический показатель при словоизменении» [ЯЗ 1998: 469], так, к примеру: *дас вить* 'пятнадцать', *дас витетii* 'пятнадцатый', *дас витьёс* 'примерно пятнадцать', *дас витьысь* 'из пятнадцати' и т. п. В данном случае, безусловно, следует отметить, что подобные конструкции можно рассматривать и как словосочетания, в которых связь между компонентами осуществляется путём примыкания, как, к примеру, в сочетаниях *выль книга* 'новая книга', *выль книгаос* 'новые книги', *выль книгаысь* 'из новой книги' и т. п. Здесь суффиксации также подвергается только последний компонент, но отношения можно охарактеризовать как «определитель + определяемое», кроме того, в подобных случаях возможна перестановка слов, определитель может принять выделительно-указательный суффикс, таким образом, спаянность между такими компонентами оказывается менее устойчивой, по сравнению с составляющими имен числительных. В отличие от словосочетаний, связь в

которых осуществляется путем примыкания, в числительном не выделяется главное и зависимое слово, нельзя поставить вопрос от одного слова к другому.

5. Каждое числительное целостно выступает в предложении в качестве одного члена предложения, компоненты не могут выступать самостоятельно, выражая количество по отдельности: *Татын кызы вить адыми*. 'Здесь двадцать пять человек'.

Такие формы числительных рассматриваются как сложные и в тюркских языках, исследователями в особенности подчеркивается та черта, что при склонении данных числительных, образовании новых форм изменениям подвергается только последняя часть, например, в башкирском языке: *бер мең тугыл й|л кырк биш* 'тысяча девятьсот сорок пять', *бер мең тугыл й|л кырк биштең* 'тысяча девятьсот сорока пяти', *бер мең тугыл й|л кырк бишкк* 'тысяча девятьсот сорока пяти' и т. д. [Дмитриев 1948: 92].

В финском языке числительные, имеющие традиционно слитное правописание, менее похожи на сложные, чем так называемые составные числительные удмуртского языка. Числительные в финском языке имеют обыкновение полностью изменяться, согласовываться с определяемым существительным – при этом каждая часть сложного слова принимает необходимые формообразующие (и словообразующие) суффиксы: *kolmetuhatta kaksisataaviisikymmentäneljä* 'три тысячи двести пятьдесят четыре', *kolmentuhannen kahdensadanviidenkymmenenneljän* 'трех тысяч двухсот пятидесяти четырех' [Ikola 2000: 44]. Таким же типом склонения обладают и числительные русского языка, где «в составных количественных числительных при склонении изменяется каждое слово» [РЯ 1997: 627]: *двумстам сорока восьми, четырехсот двадцати семи* и т. п. В удмуртском же языке, как уже отмечалось, лишь последнее слово приобретает падежные, притяжательные суффиксы, при образовании порядковых числительных, дробных числительных, наречий наблюдается такая же картина.

Компоненты сложного числительного могут находиться в разных отношениях по отношению друг к другу. Среди сложносочиненных числительных в удмуртском языке можно выделить несколько видов:

1) аддитивное соединение десятков и единиц, сотен и десятков и т. д.: *дас вить* 'пятнадцать', *сизьымдон куать* 'семьдесят шесть', *сю куинь* 'сто три';

2) мультипликативное образование названий сотен, тысяч: *кык сю* 'двести', *куать сюрс* 'шесть тысяч';

3) комбинация равноправных компонентов аппроксимативных конструкций: *вить-куать* 'пять-шесть', *сизьымдон-тямыстон* 'семьдесят-восемьдесят', *нбыль-вить* 'около пяти-шести';

4) особые случаи сочетания существительного с числительным: *нунал-кык* 'день-два, несколько дней', *ар-кык* 'год-два, несколько лет'. Подобные конструкции рассматриваются в качестве сложных слов и в коми языке: *кыв-мөд* 'несколько слов', *лун-мөд* 'несколько дней' [Зимин 1981: 28].

III. Составные числительные. Такую группу также вполне можно выделить, но в качестве составных рассматривать числительные, состоящие из слов разных категорий. К примеру, дробные числительные, типа *кык но куинь дасмос* 'две и три десятых' – целая часть дроби присоединяется к десятичной посредством союза *но* 'и'. В целом, в единстве данная конструкция выражает конкретное количество. В этой же группе можно рассматривать числительные приблизительного счета, которые в своем составе могут содержать предлог *ог* 'примерно', а также послелого с аппроксимативным значением: *ог дасо* 'около десяти', *куамын пала* 'около тридцати'.

Таким образом, классифицируя числительные удмуртского языка по их морфологической структуре, можно выделить три группы: 1) простые, состоящие из одного корня или имеющие какой-либо суффикс: *кык* 'два', *куинь* 'три', *нбыльдон* 'сорок', *куатетий* 'шестой'; 2) сложные, состоящие из двух и более основ: *куамын нбыль* 'тридцать четыре', *кык сю укмыстон куать* 'двести девяносто шесть', *вить-куать* 'пять-шесть'; 3) составные, содержащие в своей

структуре слова разных категорий: *куать но эсыны* 'шесть с половиной', *витьтон ёрос* 'около пятидесяти'.

2.2. Лексико-грамматическая классификация и морфология имен числительных

2.2.1. О лексико-грамматической классификации имен числительных

Проблеме идентификации частей речи в различных языках посвящено немало лингвистических работ, и все же очень многие вопросы, касающиеся выделения тех или иных лексико-грамматических групп слов, до сих пор остаются спорными. Не является исключением и удмуртский язык, в котором до сегодняшнего дня остается масса неразрешенных, требующих более детального и тщательного изучения вопросов, касающихся классификации частей речи. Имя числительное как знаменательная часть речи, имеющая весьма яркую особенность – семантическое выражение числа, не должна вызывать каких-либо сомнений и противоречий, но тем не менее ставит перед исследователями ряд вопросов о принадлежности различных словоформ к той или иной лексико-грамматической группе.

Вопрос об отнесении слова к соответствующей части речи представляет трудности хотя бы потому, что, выполняя различные функции в предложении, некоторые слова оказываются способными переходить из одной части речи в другую. Так, для удмуртского языка характерен, к примеру, переход прилагательное – наречие, прилагательное – существительное: *Жёк вылын чебер* (прил.) *сяськаос*. 'На столе красивые цветы'. *Љужектэм куарьёс чебер* (нар.) *бергаса усё*. 'Пожелтевшие листья падают, красиво кружась'. *Тулыс* (сущ.) *вуиз*. 'Пришла весна'. *Тулыс* (прил.) *нуналъёс шуньт ваизы*. 'Весенние дни принесли тепло'.

Удмуртские языковеды, как и исследователи многих других языков народов России, подверглись достаточно сильному влиянию традиций русского языкознания, что во многом сказалось и в подходах к классификации частей речи национальных языков. Что касается числительных, то о наличии подобной проблемы можно судить и по тюркским языкам, где «предметно-количественные имена, т. е. имена числительные, <...> в некоторых грамматиках по заимствованной, утвердившейся в русской грамматике, традиции часто разносятся по различным именным частям речи» [Баскаков 1979: 51]. Таким образом, особенности каждого языка, его внутренняя структура, история не всегда учитывались языковедами.

К классификации слов по частям речи следует подходить с трех точек зрения: 1) семантической (учитывая основное лексическое значение); 2) морфологической, словообразовательной (рассматривая систему грамматических значений, их выражение, возможность образования новых словоформ); 3) синтаксической (принимая во внимание роль в предложении и словосочетании). Как подчеркивают исследователи, «в каждой из частей речи, которые следует рассматривать как сложные лексико-грамматические ряды слов, характеризующиеся специфическими морфологическими признаками, кроме лексико-грамматических категорий существуют категории, связанные с реализацией данной части речи в словосочетании или предложении, т. е. с функцией каждого слова в предложении или словосочетании, также обладающие особыми специфическими для каждой категории формами» [Баскаков 1979: 55].

Опираясь на перечисленные принципы выделения частей речи, мы попытаемся проанализировать систему слов, выражающих количественное значение, а также отнумеральные слова, и определим их место в классификации частей речи удмуртского языка.

2.2.2. Собственно-количественные числительные

Выделяя разряд собственно-количественных числительных в отдельную группу, мы руководствуемся тем, что формы данной группы в семантическом отношении не несут в себе каких-либо дополнительных значений, кроме количественных. Это числительные, которые служат основой для образования других разрядов как количественных, так и порядковых числительных, а также от них с помощью различных средств формируются и слова, относящиеся к другим частям речи.

В удмуртском языке собственно-количественные числительные имеют достаточно интересные грамматические особенности и признаки, которые могут, с одной стороны, сближать их с именем прилагательным, с другой стороны, с именем существительным. Это исходит из того, что в одних случаях имена числительные могут употребляться как слова абстрактного счета, в отвлечении от конкретного счета, иначе говоря, вне своего сочетания с существительным, или замещая его (*одӱг* 'один', *кык* 'два', *дас* 'десять', *сю* 'сто'), в других случаях они могут употребляться как слова конкретного счета в связи с определяемым именем существительным (*кык уй* 'две ночи', *дас копейка* 'десять копеек', *сю адями* 'сто человек'). Эта же особенность отмечается исследователями и в отношении коми языков, подчеркивающими, что «числительные в коми языке по своим грамматическим признакам могут обнаруживать некое сплетение особенностей имен существительных и имен прилагательных» [Бубрих 1949: 95; Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 34)]. Таким образом, среди основных признаков имени числительного удмуртского языка мы можем выделить несколько ведущих черт.

1. Числительные, как и имена прилагательные, сочетаются с именем существительным (являясь к нему определением) путем примыкания, например: *Дас тямьс егит куараос нуназе пӧсен чалмытскем урамъёсыз сайкатӱзы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 20). 'Восемнадцать молодых голосов разбудили притихшие от дневной жары улицы'. *Кӧня ке улыса, кык*

бадзым чемоданъёсын пыриз Ямаев (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 151). 'Немного спустя, с двумя большими чемоданами вошел Ямаев (букв. с два большой чемоданами)'. *Капка ёс вёлак усътйськыз но, ульчае, юр-яр карыса, куинь пичи пиос потйзы* (Г. Перевощиков. Ёыбыртты музъемлы. 10). 'Ворота распахнулись настезь, и на улицу с гомоном вышли три маленьких мальчика'. *Надежда Алексеевнаны горд сэреге куинь жёкжесты огинэ карыса пуктыны юрттйзы, пуконъёс дасязы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 165). 'Помогли Надежде Алексеевне поставить вместе в красном уголке три стола, приготовили стулья'.

2. Имена числительные, как и прилагательные, в определительной функции могут употребляться с выделительными суффиксами -эз (-ез). В этом случае они согласуются с определяемыми существительными в падеже, согласования в числе не наблюдается, несмотря на то, что имя существительное может приобретать показатель множественного числа: *Одйгаз гужем нуналэ Саша институтлэн азбараз пуктэм скамья вылын татчы лыктэм врачъесты возьмаса пукыз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 97). 'В один из летних дней Саша сидел на поставленной во дворе института скамейке, ожидая приехавших сюда врачей'. *Куинез укноез ульчае, шунды жэужан пала учке, кыкез лымшор пала, кыкез азбаре, пуксись шунды шоры* (Г. Перевощиков. Ёыбыртты музъемлы. 27). 'Три его окна смотрят на улицу, на восток, два на юг, два во двор, на заходящее солнце'. *Кыказ ик интыосы быдэн кык кузя партизанъесты келязы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 74). 'В оба места отправили по два партизана'. *Романов ыль бетонэ лёгиськыз но соку ик выиз. Одйгзэ пыдзэ кыске, мукетсэ – сир кадь лякиське* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 163). 'Романов наступил в сырой бетон и сразу утонул. Одну ногу тянет, другую – прилипает, как смола'.

3. Количественные числительные, обозначающие отвлеченные числа, употребляющиеся вне сочетания с именем существительным, склоняются по падежам, как имена существительные, принимая формы как субъектно-объектных, так и местных падежей, а формы с выделительно-указательным суффиксом – как прилагательное, оформленное соответствующим показателем:

Им.	<i>дас кык</i>	<i>дас кыкез</i>
Вин.	<i>дас кыкез</i>	<i>дас кыксэ</i>
Род.	<i>дас кыклэн</i>	<i>дас кыкезлэн</i>
Раздел.	<i>дас кыклэсь</i>	<i>дас кыкезлэсь</i>
Дат.	<i>дас кыклы</i>	<i>дас кыкезлы</i>
Лиш.	<i>дас кыктэк</i>	<i>дас кыкезтэк</i>
Твор.	<i>дас кыкен</i>	<i>дас кыкеныз</i>
Соотв.	<i>дас кыкъя</i>	<i>дас кыкезъя</i>
Местн.	<i>дас кыкын</i>	<i>дас кыказ</i>
Входн.	<i>дас кыке</i>	<i>дас кыказ</i>
Исходн.	<i>дас кыкысь</i>	<i>дас кыкысьтыз</i>
Отдал.	<i>дас кыкысен</i>	<i>дас кыкысеныз</i>
Перех.	<i>дас кыкетй</i>	<i>дас кыкезтй</i>
Предельн.	<i>дас кыкозь</i>	<i>дас кыкезозь</i>
Направ.	<i>дас кыклань</i>	<i>дас кыкезлань</i>

В сложных числительных по падежам изменяется только последний компонент.

Данная особенность – употребление вне какой-либо связи с именем существительным и изменение по падежам – ещё не означает субстантивации имен числительных, ибо они своим содержанием количественной семантики сохраняют своё собственное самостоятельное значение слова. Существенным является и то, что, выступая изолированно, числительное подразумевает наличие какого-либо предмета, явления.

Возможность имени числительного выступать во всех формах падежной системы удмуртского языка продемонстрируем на примерах, извлеченных из художественных произведений:

Именительный: *Музъем одйг ук, ваньмы одйг музъем вылын улйськомы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 153). 'Земля же одна, все на одной земле живем'. *Отйяз сюресэз [Сазоновлэн] одйг – выльысь Сибире* (Е. Самсонов. Уй

пал симфония. 146). 'Дальше у него [Сазонова] дорога одна – снова в Сибирь'. *Пересьёслэн верамзы кадь ик: одйгез герыен, сизымеz пуньен* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 193). 'Как сказанное предками: один с сошкой, семеро с ложкой'. *Куд-огезлэн сюлэмез оло кык, лэся: одйгез палэнысь адямиосын вераськон но чеберьяськон понна, нош мукетыз – гуртын, семья куспын улон понна* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 182). 'У некоторых, видимо, сердца два: одно для разговоров и красноречия с посторонними людьми, а другое – для жизни дома, в семье'. Именительный падеж числительного (основная форма) – это тот вариант числительного, который выступает в качестве подлежащего, сказуемого и, учитывая то, что связь между числительным и существительным в большинстве случаев осуществляется путём примыкания, это также и словоформа числительного-определения;

Винительный: *Ачиз со таза воргорон, куатьтон арес луоз-а, уз-а, нош учкид ке шораз, тямыстон но сётод* (Г. Красильников. Пыртос. 370). 'Сам он здоровый мужчина, шестьдесят лет ему уже есть или нет, но если посмотришь на него, и восемьдесят дашь'. *Мон вылысьтыз вылаз куиньзэ ик укноосыз эскери* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 15). 'Я друг за другом обследовал все три окна'. *Одйгэз вераса ум быдтйське, мукетаз тэтчиськом* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 334). 'Не договариваем одно, перескакиваем на другое'; *Нош Эля куатьтон поттйз* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 45). 'А Эля получила шестьдесят'. *Чапак соин ик эшио огзэ тузйзы на* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 11). 'Именно поэтому выдворили еще одного'. *Армие кошкыкум, кыксэ мертто* (Е. Загребин. Тулыс зор. 9). 'Уходя в армию, посажу два'. Винительный падеж числительного может быть как маркированным, так и без показателя. Падежный формант чаще присутствует у числительного, имеющего выделительно-указательный суффикс;

Родительный: *Куинезлэн-а, ньылезлэн-а сяна, Лысо Гурезь ёросысь колхозьёслэн кынарзы со выллемгес ик* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 103). 'Состояние колхозов района Лысо Гурезь, кроме как у трех или четырех, примерно такое же'. *Озыен, кыклэн огез: яке ваньмыз яратйсь адямиос ог-*

огзэс кыдѣкысен шѳдо, яке, уг ке, мыным сыѳе шѳдон анаелэсь выжиз, луоз (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 69). 'Таким образом, одно из двух: или все любящие люди друг друга чувствуют издалека, или, если нет, мне такое чувство, вероятно, перешло от матери';

Разделительный: *Куамынлэсь уно арѳѳс ортчизы ни со дырысен, нош синмыз [Тутыгышлэн] лэчыт на вылэм* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 90). 'Больше тридцати лет уже прошло с тех пор, а глаз у нее [Павлины] еще, оказывается, зоркий'. *Кыкезлэсь пумѳѳсэ вѳлыса, йылсаса музѳеме мертчыто* (Р. Валишин. Тѳл гурезь. 54). 'Концы двух, подточив и заострив, забивают в землю'. *Ну, эшишо куатѳтонлэсь ортчем кѳня ке мѳйыос вань на* (Р. Валишин. Тѳл гурезь. 94). 'Ну, есть еще несколько стариков старше шестидесяти'. *Нош горд йыр Славкалэн сочинениосѳя отеткаосыз ноку но «куиньлэсь» вылѳе ѳз ѳсутѳськылэ* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 59). 'А у рыжего Славки отметки за сочинения никогда не поднимались выше «тройки»';

Дательный: *Куамынэз дас витѳлы уноям ке, со луэ нбыль но ѳсыны манет* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 110). 'Если умножим тридцать на пятнадцать, это будет четыре с половиной рубля'. *Коркалэн пушкыз висѳетэн кыклы люкемын* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 19). 'Дом разделен перегородкой на два'. *Бѳрысь кыклы пилиськоно, кесяськоно мылкыдын кошкиз [Ондѳ]* (Г. Медведев. Бадѳым нунал. 15). 'Затем ушел [Андрей] с желанием разорваться надвое и покричать'. *Бератаз Пильын шуэ со лыктэм муртѳѳс пѳлысь одѳгезлы* (Р. Валишин. Тѳл гурезь. 15). 'Позднее Филипп говорит одному из пришедших';

Творительный: *Тулыс экзаменѳѳсэ Коля мырдэм-мырдэм «куиньѳсын» быдтѳз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 131). 'Весенние экзамены Коля еле-еле закончил с «тройками»'. *Улэп адями уз дырты коросэ выдыны, котѳкуд нуналыз борды кыкеныз ик киосыныз ѳсабырскоз* (Е. Афонин. Йырмурт. 32). 'Живой человек не поторопится ложиться в гроб, за каждый свой день схватится обеими руками'. *Заводэ кариськемез бере, ар но ортчытэк, куатеныз интые, сизѳыменыз станокен ужаны кутскем [Паля]* (П. Чернов.

Дор. 132). 'После того, как устроился [Паша] на завод, не прошел и год, начал работать вместо шести, на семи станках'. *Мон огеныз но кыкеныз вераськыны кутски* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 226). 'Я начал разговаривать с одним и со вторым'. В удмуртском языке форма числительного в творительном падеже является достаточно широко распространенной, но по своим лексико-семантическим признакам, а также учитывая синтаксическую роль в предложении, целесообразным является квалифицировать такие формы в качестве наречий (см. 2.2.8.1.);

Лишительный: *Часме учки но – осто, дастэк дас* (Е. В. Панфилова. Мумы. 34). 'Посмотрела на часы – боже, без десяти десять'. *Асьме сямен со луэ: одйг ньыльмостэк дас* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 20). 'По-нашему, это получается: без одной четверти десять'. *Кык ни будэтыса вылысь, огеztэк но кылёмы-а, мар-а ини* (В. Садовников. Кошкизы но – өз берытске. 11). 'Вырастив двух сыновей, видимо, останемся уж без единого';

Соответственный: *Мынам куинь экзаменэ вал, кыкезъя «вить» басьтйй*. 'У меня было три экзамена, по двум получила «пятерки»';

Местный: *Вазьниме нош август пумын, ньыльдон куиньын, нокыче ивортэк быриз [Михаил Антонович] шуыса, бумага вуиз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 124). 'А в Вазьним в конце августа, в сорок третьем, пришла бумага о том, что пропал [Михаил Антонович] без вести'. *Куиняз ик скал гидын паспортизация лэсьтйзы, буяллызы-тупатъязы, липетьёссэ выльдйзы* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). 'Во всех трех коровниках провели паспортизацию, покрасили-отремонтировали, крыши обновили';

Входный: *Вож аллеяостй кема ик өм мынэ, улыно-вылыно из коркаос пöлысь одйгаз пырим* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 153). 'Недолго шли по зеленым аллеям, зашли в один из двухэтажных каменных домов'. *Огаз гинэ пыраме өвёл – пересь Парок доры* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 217). 'Только в один я не заходил – к старику Паримону'. *Отын куать часэ собрание отиськод ке, куате ик люкасько, нош татын тямьсэ ке кулэ, куате шуыса отча* (Т. Архипов. Лудйи шур дурын-2. 73). 'Если там приглашаешь на

собрание в шесть, в шесть и приходят, а здесь, если нужно в восемь, приглашай, что к шести'. *Борддоре ошем часлэсь дас кыке вуись стрелказэ адземез бере, егит кышномурт черсэмысь дугдүйз* (Р. Валишин. Төл гурезь. 106). 'После того, как увидела подходящую к двенадцати стрелку настенных часов, молодая женщина перестала прясть';

Исходный: *Экономика удысын йыружъёсын нюръяськонъя ёзын ужасьёс туэ февраль толэзе одйгысьтыз гаражысь бадзым ватос шедьтйзы* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). 'Работники отдела по борьбе с экономическими преступлениями в феврале этого года в одном гараже нашли большой клад'. *Ведь чисто пöсьтэмын-шальтырамын [тракторъёс], кык-куиньысь одйг каремын* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 118). 'Ведь все [трактора] развалившиеся, из двух-трех сделан один'. *Час кыкысь выжем ни вылэм* (П. Чернов. Дор. 225). 'Время, оказывается, уже было больше двух (букв. перешло из двух)'. *Нош Павел Игнатъевич тодэ – куатътонысь кемалась потэмын ини [Савелий Никифорович]* (П. Чернов. Тулысысен сйзыбылозь. 13). 'Но Павел Игнатъевич знает – давно перевалило за шестьдесят [Савелию Никифоровичу]';

Отдалительный: *Выль микрорайонысь коркалэн квадрат метр дуныз али куамын сюрсысен куамын сизыым сюрс манетозь* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007). 'Стоимость одного квадратного метра в доме в новом микрорайоне сейчас от тридцати тысяч до тридцати семи тысяч рублей'. *Тон кадь инспекторъёс милемлы лыдъязы гектарлы быдэ дас вить центнер ю октыны – ми дасысен дас кыкозь кутсамы* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 68). 'Такие инспекторы, как ты, нам насчитали собрать с гектара по пятнадцать центнеров зерна – мы сжали от десяти до двенадцати';

Переходный: *Трос лыдзи ни, нош тонэ кызы валаны кулэ, одйгетй но гожтэмын өвёл ук* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 52). 'Много уже читал, но как тебя понимать, ведь ни в одном месте не написано'. *Витетй-куатетй бугыръяз [Прозоров]* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 126). 'В пяти-шести местах порылся [Прозоров]'. *Тьфу, алама адями, одйг ымыныз*

кыкетii куртчыны турттэ (Г. Красильников. Вуж юрт. 262). 'Тьфу, плохой человек, одним ртом пытается откусить в двух местах'. *Фронтысь вуэм туж дуно бумагаез Шабалин, одйгетii* но куасалтытэк (патрет погмаськыны медам шедьы мара), пуш кисыяз укыр жсыкытэн понйз (Р. Валишин. Тёл гурезь. 137). 'Прибывшую с фронта очень дорогую бумагу Шабалин, не согнув ни в одном месте (кабы портрет не помялся), очень аккуратно положил во внутренний карман'. Необходимо проводить грань между формой имени числительного в переходном падеже и являющейся омонимичной с ней формой порядкового числительного (см. подробнее 2.2.6.5.);

Направительный: *Омыр малы ке кыче ке кырыжамын // Вот потод йырыныд одйглань // Но луод малы ке мукетаз палдурын* (Инвожо, 5-6, 2007). 'Что-то воздух какой-то кривой // Так вот выйдешь в одном направлении // А уходишь в другом направлении';

Предельный: *Дасозь лыдзисько но берлань берытскисько. Собере озьы вуисько кызёзь, куамынозь* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). 'Считаю до десяти и возвращаюсь назад. Затем так дохожу до двадцати, до тридцати'. *Гурын куинь зонаез: котькудаз температураез но пёртэм – нырысяз, кылсярысь, тямыс сю градус, нош куинетйяз зонаын сюрс ньыль сюозь но вуэ* (Н. Самсонов. Агбай. 243). 'В печке три зоны: в каждой и температура разная – в первой, например, восемьсот градусов, а в третьей зоне и до тысячи четырехсот доходит'. *Крестьян нылпиос, пе, сё одно приказчик уз луэ, сюозь лыдьяны дышизы ке, тырмоз* (М. Петров. Вуж Мултан. 12). 'Крестьянские дети-де все равно не станут приказчиками, научатся считать до ста, и достаточно'.

4. Подобно существительным, имена числительные могут выступать в сочетании с послелогоми: *Ма но уг шуо, огез бёрсы мукетыз секытэсь кыльёс кисьтйсько* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 71). 'Чего только не говорят, один за другим сыплются тяжелые слова'. *Пырон баллмы ньыльдон пёлысь куамын куинь ке вал, мынам куамын куать люкаськиз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 190). 'Если наш проходной балл был тридцать три из сорока, то у меня набралось тридцать шесть'.

С другой стороны, свойством считаемости, подобно предметам, обладают и действия (считаемость действия может подтверждаться наличием однократных и многократных глаголов), а конкретизация количества путем указания на действие (при счете действий) как раз и может передаваться сочетаниями типа числительное + послелог [Игнаева 1996б: 80]. В удмуртском языке для этого используется послелог *пол* 'раз': *Смена бырытозь, соос кык пол вис каризы, кык пол тамак кыскизы* (Т. А. Архипов. Адямилэн чеберез. 34). 'До окончания смены они дважды делали перерыв, дважды курили'. *Зэм, арняяз кык-куинь пол солы, юри Нюраезлы шуыса, мамаез одйг зенелик йёл басьяляз на* (Г. Перевощиков. Сюлэмтэм дунне. 17). 'Правда, в неделю два-три раза ей, специально для своей Нюры, мама еще покупала одну бутылку молока'.

Имена числительные в удмуртском языке могут выступать также и с предлогами *быдэн, котыр* 'по': *Нош али солэн [Кималэн] погонъёсыз вылын – пичиесь гинэ быдэн куинь кизилиос* (М. Петров. Зардон азын. 14). 'А сейчас на его [Тимофея] погонах – по три маленьких звездочки'. *Чуказеяз кыкысьтыз ик бригадаосысь сезыы бусые быдэн дасо мурт кусоосын потйзы* (М. Петров. Зардон азын. 105). 'На завтрашний день из обеих бригад на овсяное поле вышли примерно по десятку человек с косами'. *Вай-ко, кайгырыса пукытозь, быдэн одйг-кык чарка кымалтом но, оло, капчигес луоз* (Н. Васильев. Кин тон, атай. 48). 'Давай-ка, вместо того, чтобы сидеть страдая, опрокинем по одной-две стопки, и, быть может, легче станет'.

5. Числительные *миллион, миллиард, триллион...* вошли в удмуртский язык из русского, не претерпев каких-либо внешних изменений: – *Лида, тодйськод на-а инмысь кизилиосты лыдъяммес? – Тодйсько. Дас триллион, куинь сю сюрс миллиард, укмыс сю миллион, куать сю сюрс но куинь сю дас* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 181). '– Лида, а ты еще помнишь, как мы считали звезды на небе? – Помню. Десять триллионов, триста тысяч миллиардов, девятьсот миллионов, шестьсот тысяч триста десять'. *Алёна сю, сюрс, миллион, миллиард, триллион, триллиард... шокчылэмгёсын*

тырмытыса ёсокатэм вагонысь тэтчоз но калыклэн солань-талань тулкымъяськись образ сылмоз (С. Матвеев. Шузи. 269). 'Алёна выскочит из задущенного сотней, миллионом, миллиардом, триллионом, триллиардом... выдохом вагона и растворится в волнуемом туда-сюда людском потоке'.

В речи данные числительные подчиняются законам грамматики удмуртского языка, имея формы косвенных падежей, формы с выделительно-указательным суффиксом, от них образуются порядковые числительные, а также формы множественного числа: *Но ведь мон али тынад чебередлэсь ог миллионэти* люкетсэ гинэ адзисько. *Мон со миллионлэсь ёсынызэ ке но адзысал вылэм* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 83). 'Но ведь я сейчас вижу только миллионную часть твоей красоты. Если бы я видел хоть половину этого миллиона'. *Куинь миллионьем Горд Армия кылдытон борды, пе, кутскем, шуо* (М. Лямин. Шудбур понна. 106). 'Говорят, приступил-де к созданию трехмиллионной Красной Армии'. *Паймымон асьмелэн дуннемы: одйгез уно миллиардъёсты бергатэ, зарезь съорысь ваем сиён-юонэн гусьяське, нош кин ке уен-нуналэн копаське пичи бакчаяз, вань узырлыкез – киосыз* (Удмурт дунне, 20-тй июль, 2007. 3). 'Удивителен наш мир: один крутит многими миллиардами, лакомится заморскими яствами, а кто-то днями и ночами копается на своем маленьком огороде, все его богатство – его руки'. *Государстволы изъянмы озьы миллионъёсын люкаське* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 180). 'Наш вред государству таким образом накапливается миллионами'.

Числительные, таким образом, с одной стороны, имеют общие черты с именем прилагательным, с другой стороны, у них достаточно много общего с именем существительным. Ко всему вышесказанному необходимо добавить следующее: как самостоятельная часть речи, числительное характеризуется специфичностью словарного состава и словообразования. Имена числительные представляют собой замкнутую, не пополняемую группу слов, они образуются только от собственных основ (иногда с помощью вспомогательных частей речи), но никогда не нарушается та системность, которую они составляют.

Другие части речи не могут быть словообразовательной базой для них, хотя сами имена числительные при определенных условиях могли стать основой для образования других частей речи.

Основной словарный фонд числительных современного удмуртского языка небольшой, он состоит из 20 самостоятельных неделимых слов (*одйг* '1', *кык* '2', *куинь* '3', *ныль* '4', *вить* '5', *куать* '6', *сизьым* '7', *тямыс* '8', *укмыс* '9', *дас* '10', *кызь* '20', *куамын* '30', *ныльдон* '40', *витьтон* '50', *куатьтон* '60', *сизьымдон* '70', *тямыстон* '80', *укмыстон* '90', *сю* '100', *сюрс* '1000'), если же включить сюда международные названия, вошедшие через русский язык, *миллион*, *миллиард*, *биллион*, то их состав окажется лишь на несколько единиц больше.

Числительным всех языков мира весьма характерно наличие скудного лексического состава – числительные высшего порядка выражаются различными морфолого-синтаксическими комбинациями числительных низшего порядка. Так, Дж. Хурфорд отмечал: «Numeral systems express the lowest numbers by purely lexical means and may then resort to syntax to express higher numbers. In the typical case there are single words for all the numbers up to and including 10, after which morphosyntactic combinations are used, although, of course, bases other than 10 do occur. A language may have only a primitive numeral lexicon, giving its speakers the facility to express small numbers»¹² [Hurford 1987: 86].

2.2.3. Числительные приблизительного значения

Числительные приблизительного счета отличаются от других разрядов количественных числительных тем, что обозначают примерное количество предметов и явлений. Но это примерное количество имеет свои рамки, так как

¹² Нумеральные системы выражают числительные низшего порядка скудным набором лексических средств и прибегают к синтаксису для выражения числительных высшего порядка. Типично, что существуют единичные слова для всех чисел до 10 и включая 10, после чего используются морфолого-синтаксические комбинации, базирующиеся на 10. Язык может иметь примитивный состав нумеративной лексики, дающий возможность говорящим выразить небольшие числа.

числительное приблизительного счета обозначает более или менее определенное количество (в пределах данных чисел, в районе обозначенного количества), чего нельзя сказать о таких словах с неопределенно-количественным значением как *данак, трос, уно* 'много', *ичи, ёжыт* 'немного, мало', сравним: *Їуказе ёукнаяз Алексей Кириллович вить-куать муртэ валэн нюлэскы лэзиз: колхозникъёслы пу ворттоно, пе* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 269). 'На следующее утро Алексей Кириллович отправил пять-шесть человек в лес на лошадях: колхозникам-де дрова нужно возить'. *Трос тодэ ваёнъёс, кемалась учыръёс ортчизы ныллэн син азьтйз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 66). 'Много воспоминаний, давних случаев прошли перед глазами девушки'.

Первое числительное (*вить-куать*) обозначает приблизительное число ('около пяти-шести'); количество, обозначенное им, ограничено в пределах пяти и шести. Второе слово (*трос* 'много') обозначает неопределенное количество, т. е. воспоминаний может быть и два, и три, и семь и т. д.

При выражении приблизительности, как подчеркивают исследователи, сохраняется выход на натуральный ряд чисел, всегда указывается предположительное число или интервал, между которым колеблется количество предметов и явлений [Гаврилова 2005: 37]. Приблизительная номинация – широкое явление, которое не может одинаково трактоваться применительно к предметам, качествам, количествам и процессам. «В сфере количественности аппроксимация, по сути, означает квазиточность, так как здесь указывается конкретный пункт или интервал в натуральном числовом ряду, хотя и с оговоркой типа 'предположительное указание на число', 'верхний предел', 'нижний предел', 'предположительный интервал'», – отмечают исследователи при рассмотрении категории количества [ККСЕЯ 1990: 21].

Понятие приблизительного счета в удмуртском языке может выражаться различными (как синтетическими, так и аналитическими) способами, и среди них можно выделить следующие:

1. Сочетание двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую, например: *Тани **вить-куать** вамыш гинэ кылиз на* (М. Петров. Вуж Мултан. 125). 'Вот осталось уже только пять-шесть шагов'. *Куке но та адями солэн [Логиновлэн] син аяз **дас вить-дас куать** аресъем пияш вал* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 101). 'Когда-то этот человек перед его [Логинова] глазами был пятнадцати-шестнадцатилетним мальчиком'. *Собере уни трибуна вылэ **кык-куинь** солдатъёс тубизы но ораторез донгизы* (М. Лямин. Шудбур понна. 40). 'Уже потом двое-трое солдат поднялись на трибуну и вытолкали оратора'. *Колхоз парткомын ужамын ке жсык, **куинь-нбыль** толэзьскын гинэ ваньзэ тодыса-валаса вуод-а* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 6). 'Если даже и работал в колхозном парткоме, разве успеешь только за три-четыре месяца все распознать'. *Больницае приёме ветлэмзы вань, луоз, нош Фаина кытын ваньзэ тодаз ваёз, нуналлы быдэ ки пыртйіз **куамын-нбыльдон** мурт ортче бере* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 9). 'Вероятно, приходили на приём в больницу, но как же Фаина всех припомнит, коли каждый день через ее руки проходит тридцать-сорок человек'. *Тымет уллапалан **кык-куинь** интыосын ошмесъёс пöзё, синкыли кадь чылкыт вуэн, сюэз нясь-нясь юзматйсен* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 165). 'Ниже пруда в двух-трех местах бьют ключи, с водой чистой, как слеза, хорошо утоляющей жажду'.

Этот способ широко распространен и в других языках: коми *куим-нэль* 'три-четыре', *вит-квайт* 'пять-шесть' [ÖКК 2000: 143]; *Понныс увтчас, аддзасны öти пуысь ур **комын-нелямын*** (Коми легенды и предания. 116). 'Их собаки облаяли белок, увидели на одном дереве белок тридцать-сорок'; мар. *кок-кум* 'два-три', *куд-шым* 'шесть-семь' [СМЯ 1961: 128]; морд. мокш. *кафта-колма* 'два-три', *колма-ниле* 'три-четыре' [МК 2000: 96]; хант. *кйт-хулам хйтл рупитты питлум*. 'Два-три дня работать буду' [Соловар, Спирякова 2000: 67]; в башкирском *ике-|ç* 'два-три', *|ç-дурт* 'три-четыре' [ГСБЛЯ 1981: 166] и в других тюркских языках этот способ также является достаточно распространенным [Серебренников, Гаджиева 1986: 127; СИГТЯ 1988: 197].

2. Сочетание слова *ог* со значением 'примерно, около, приблизительно' с соответствующим числительным, например: *Гуртэз [Дашалэн] бадžым өвөл: ог витьтон корка луоз* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 14). 'Её [Даши] деревня небольшая: около пятидесяти домов будет'. *Зэм но, больницаысь ог куатьтон аресъем кышномурт потйз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 35). 'Действительно, из больницы вышла женщина примерно шестидесяти лет'. *Пислэг – ог куамын вить аресъем егит воргорон* (В. Ар-Серги. Тулкымьёс вылын – пыжед. 166). 'Пислэг – молодой человек лет тридцати пяти'. *Со, пе, вордскем гуртэлэсь ог куинь иськеме интыяськем Тылойысь* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 66). 'Она-де из Тыло, расположенной примерно в трех километрах от моей родной деревни'.

Подобный способ выражения приблизительного значения встречается также и в марийском языке: числительные приблизительного счета образуются «путем сочетания количественных числительных с частицей *иктаж*» [СМЯ 1961: 128; Гаврилова 2003: 11], например: *иктаж кумыт* 'около трех'; в эстонском с помощью *üks* 'один', который также в данной ситуации выступает со значением 'около, примерно': *Mis on siis üks kaheksakümmend kilo liha süüa siis suure perega*. 'Большой семьей легко съесть около восемнадцати килограммов мяса' [Rajusalu 2004: 17]; в татарском языке с помощью *бер* 'один': *Мин бер жегерме жыл эшлкдем тракторда*. 'Я примерно лет двадцать работал на тракторе' [ТГ2 1993: 277].

3. Значение приблизительности может выражаться исключительно морфологически – числительным, имеющим суффикс *-о (-ё)*, например: *Ну вот, дасо метрез ми куинь часлэсь кема потыны вырим* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 307). 'Ну вот, метров десять мы пытались проехать более трех часов'. *Генка чиньыеныз возматйз: ваньмыз-өвөлэз дасо чур* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 329). 'Генка показал пальцем: всего-навсего около десяти строк'. *Ай, дасо ар улыса, нянь но киземысь дугдом ни-а* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 52). 'Или, лет десять спустя, перестанем и хлеб сеять'.

Морфологический способ выражения приблизительности характерно хантыйскому языку (с помощью суффикса *-кем*): *веткем* 'около пяти', *яукем* 'около десяти' [Соловар, Спирякова 2000: 67]; мансийскому языку (суффиксы *-ах*, *-ау*): *kitax* 'приблизительно два', *xūrmax* 'приблизительно три' [Ромбандеева 1973: 96]; ненецкому языку (суффиксы *-мян'*, *-сян'*): *Си'ивсян' хабэвком' хада*. 'Добыл около семи куропаток'. *Юдмян' хасава то*. 'Пришло около десяти мужчин' [Куприянова 1961: 96]; а также многим тюркским языкам: кирг. *бешче* 'около пяти'; узб. *онтача* 'около десяти'; хак. *чүсче* 'около ста'; азерб. *онларча* 'десятками' [Серебренников, Гаджиева 1986: 127].

4. Приблизительная семантика высказывания приобретается с помощью послелогов *мында*, *ёрос*, *пала*, *котыр*, *эсэп*, выступающих со значением 'примерно, приблизительно', при этом рассматриваемые послелогии в подобных конструкциях обычно размещаются после сочетания числительного с существительным: ***Кык час ёрос мынйз штыкен но прикладэн жугиськон*** (М. Лямин. Шудбур понна. 127). 'Около двух часов шла драка штыком и прикладом'. *Озы уз луы, Валерий Константинович, асьмеос кык сю час пала сылймы ке, мукет цехъёслэн но ужзы кезегъяськыны кутскоз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 41). 'Так не пойдет, Валерий Константинович, если мы будем простаивать около двухсот часов, работа других цехов тоже начнёт страдать'. ***Собере кык арня ёрос ми кытчы пырон инты шедьтытэк возьмаса улйм: ку гинэ өтёзы ни?*** (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 202). 'Потом около двух недель мы не могли найти себе места, ожидая, когда же, наконец, позовут'. ***Кык час ёрос мынйз штыкен но прикладэн жугиськон*** (М. Лямин. Шудбур понна. 127). 'Около двух часов шел бой штыком и прикладом'. *Озы Володяен кык ар пала эшьяськыса улйм* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 54). 'Так мы с Володей примерно два года дружили'. ***Пияшлы дас тямыс котырын, нош тусын быдэ вуымтэ пинал*** (В. Е. Смирнов. Будо бадяръёс. 181). 'Юноше около восемнадцати, а лицом несовершеннолетний ребенок'. ***Олимпиада Севастьяновна Лёнька понна ошиськыны дась: капка азьысьтыз кык машина мында пузэ ваньзэ вандылйз, пильылйз, артанае люказ*** (Н. Самсонов. Агбай.

235). 'Олимпиада Севастьяновна за Лёньку готова удавиться: примерно две машины дров перед ее воротами напилил, наколол, сложил в поленницу'.

Финно-угорские языки в целом отличаются обилием употребления послелогов для выражения различных значений и отношений. Использование послелога с именем числительным для обозначения приблизительного счета отмечается и в других как родственных, так и неродственных языках: мар. *кумыт чоло* 'около трех', *кумыт наре* 'около трех' [СМЯ 1961: 128]; коми *ар комынъяс гӧгӧр* 'около тридцати лет', *воськов сё кымын* 'около ста шагов' [СКЯ 1955: 190]; манс. *һалә Аиш, һалә wat'i* 'около четырех' [Кузакова 1990: 110]; казах. *жыӊьрма шақты* 'около двадцати' [Серебренников, Гаджиева 1986: 127]; азерб. *7с mine jaxun* 'около трех тысяч'; узб. *ottus cämäli* 'около тридцати' [СИГТЯ 1988: 197].

Обратим внимание на тот факт, что в коми языке существительное занимает препозитивное и постпозитивное по отношению к числительному положение: *Недыр соберитчасны да бӧрсяныс и катӧны Юаныбӧдзыс морт 40 кымын* (Коми легенды и предания. 84). 'Вот однажды собрались и поехали в Юаныб человек 40'. *Сэни двадцать третьей воясын куим во кымын би тыдалӧма* (Коми легенды и предания. 33). 'Там в двадцать третьих годах около трех лет виднелся огонь'. *Во кыксё кымын сійӧ вӧлӧма* (Коми легенды и предания. 86). 'Было это около двухсот лет назад'. Вероятно, постановка существительного в препозитивное положение – явление, возникшее в коми языке под влиянием русского языка. Данный порядок слов – один из способов выражения аппроксимативного значения: «The order noun – numeral is favored in indefinite and approximative constructions. <...> In RUSSIAN and in ZYRYAN QN is the usual order while NQ order is associated with an approximative meaning»¹³ [Greenberg 1978: 284].

¹³ Порядок числительное – имя преобладает в неопределенных и аппроксимативных конструкциях. <...> В русском и коми-зырянском QN является обычным порядком, тогда как порядок NQ ассоциируется с аппроксимативным значением.

5. Можно выделить комбинированный способ выражения приблизительного значения, когда рассматриваемая семантика числительных достигается с помощью сочетания вышеназванных:

а) сочетанием препозитивного *ог* 'около', количественного числительного и послелогов *мында, пала, эсэп, ёрос, котыр* 'около, примерно, приблизительно', таким образом, значение приблизительности выражается дважды: *Ог куатьтон ёрос десяткойёс асьсэлэсь понятойёссэс нимын-нимын черекъяло* (М. Петров. Вуж Мултан. 161). 'Около шестидесяти десятских выкрикивают своих понятых по именам'. *Ротаосын адямиез ог куамын пала гинэ кылемын ни* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 46). 'В ротах осталось уже только около тридцати человек'. *Лапас улын ог куамын мында дась тусьёс люкаськемын ини* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 265). 'Под навесом уже накопилось около тридцати готовых корыт'. *Ми кышкаса шораз учкиськом, кион но учке. Озыы ог вить минут мында сыйм, луоз* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 24). 'Мы со страхом смотрим на него, и волк смотрит. Так стояли, наверное, примерно минут пять';

б) сочетанием препозитивного *ог* 'около' и сочетания двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую: *Пöлазы кык нылъёс, соослы ог дас ныль-дас вить арес, дыр, ини* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 104). 'Среди них две девочки, им, наверное, уже около четырнадцати-пятнадцати лет'. *Ог ныль-вить минут ёоже номыр валаны öз луы* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 70). 'В течение примерно четырех-пяти минут нельзя было ничего понять'. *Окопёслэсь ог кык-куинь иськем палэнынгес интыяськемын луыло соослэн возьмаськон интыоссы* (Н. Самсонов. Адзöн. 32). 'Примерно на два-три километра в сторону от окопов расположены бывают места их охраны'. *Гудзёмын ог куать-сизьым адямиос* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 172). 'В землянке примерно шесть-семь человек'. *Со пияшлэн пичи дыръяз вордскем но ог дас кык-дас куинь арескозь улэм коркаез милесътым кыдёкын ик öй вал ке но, понназгес сыйз* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 51). 'Хоть дом, в котором этот мальчик родился и жил

примерно до двенадцати-тринадцати лет, и был от нас недалеко, но стоял как-то особняком'. *Мынам чотаме-лыдьямея – ог куинь-нбыль ар* (П. Чернов. Тулысысен сйзылозь. 32). 'По моим подсчетам – примерно три-четыре года'. Аналогичная модель представлена в некоторых тюркских языках: кбалк. *bir beA-alty* 'примерно пять-шесть' [СИГТЯ 1988: 198].

в) сочетанием *ог* 'около' с числительным, имеющим суффикс *-о (-ё)*: *Одйгез машина, со [Романов] вадьсы вуыса, бер колёсаосыныз музьем вылтйй чаж кыстйськиз но азыпалаз ог кызё вамыш кеме дугдйз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 232). 'Одна из машин, поравнявшись с ним [Романовым], закрипела задними колёсами по земле и остановилась впереди него на расстоянии примерно двадцати шагов'. *Ог дасо минут ортчыса, школа палан тыл пери сьлтöльяське ни вал* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 18). 'Спустя около десяти минут, в стороне школы уже бушевала огненная буря'. *Николайлэн витыны дырыз öй вал, райкомысь бертыкуз, ог дасо минутлы гинэ дораз кожаз* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 106). 'У Николая не было времени ждать, по пути из райкома только примерно на десять минут заходил домой'. *Яратйз вал со [Герей] дышетйсьсэс, нош дышетскыны ог дасо нунал сяна öз кылды* (М. Петров. Вуж Мултан. 16). 'Полюбил было он [Герей] их учителя, но учиться больше чем около десяти дней не пришлось'. *Ог дасо минут ортчыса, вырйыл сьöрысь син мальдымон яркыт жьуась фараос адзиськизы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 93). 'Спустя примерно десять минут, из-за холма показались слепящие глаза ярко горящие фары';

г) сочетанием *ог*, числительного с суффиксом *-о(-ё)* и послелога *мында, пала, ёрос, котыр, эсэп* 'около, примерно, приблизительно': *Больницае малпамтэ шорысь ог дасо мында егитъёс пыризы* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 124). 'Неожиданно в больницу зашли около десяти молодых людей'. *Простыня вераны луонтэм кыжмемын, соин кин ке алигес гинэ ог дасо ёрос дэриесь сурон сапегъёсты чюшылэм кадь* (М. Петров. Вуж Мултан. 241). 'Простыня несказанно испачкана, как будто ею кто-то недавно протер около

десяти кожаных сапог'. *Ондырьян агай ог кызё пала рамкаос вуттйз* (Н. Самсонов. Агбай. 375). 'Дядя Андрей доставил около двадцати рамок';

д) парными числительными (типа *кык-куинь* 'два-три'), оформленными суффиксами *-о(-ё)*: *Арам но октэм бусы вылын дасо-сюо чумолёос люкаськем адымиослы кельшо* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 25). 'На сжатом и убранном поле десятки-сотни стожков похожи на скопление людей'. *Копак кёсэктэм-жуммем, одйг уйскын, оло, кызё-куамыно ареслы сыркем Тамара Михайловна эшишо курытгес лулзиз* (Г. Перевошиков. Сюлэмтэм дунне. 61). 'Тамара Михайловна, совсем измученная, а за одну ночь, быть может, постаревшая лет на двадцать-тридцать, очень горько вздохнула'.

Способ сочетания числительных, имеющих соответствующие суффиксы, выражающие приблизительность, встречается в мордовских языках: *кафтошка-колмошка* 'около двух-трех' [МК 2000: 96], *кавксть-колмоксть* 'около двух-трех', *нилексть-ветексть* 'около четырех-пяти' [ЭК 2000: 121]; манс. *n'ilax-ataxket* 'четыре-пять' [Ромбандеева 1973: 97];

е) сочетанием числительного, имеющего суффикс *-о(-ё)*, с послелогоми *мында, пала, ёрос, котыр* 'около, примерно, приблизительно': *Дасо ар ёрос улэ уни со [Игошка] удмуртёс пёлын* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 37). 'Около десяти лет уже живет он [Игошка] среди удмуртов'. *Мон кызё ар пала музьем-анай бордын* (Н. Самсонов. Адзён. 25). 'Я около двадцати лет рядом с матерью-землей'. *Соку азыпалтйём дасо пала коньыос музьем вылтй тэтчаса кошкызы* (Е. Загребин. Тулыс зор. 319). 'Тогда передо мной по земле проскакали около десяти белок';

ж) сочетанием двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – бóльшую, с послелогоми *мында, пала, ёрос, котыр* 'около, примерно, приблизительно': *Солы [Машалы] дас сизыым-дас тямыс арес ёрос, дыр, уни* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 39). 'Ей [Маше], наверное, уже около семнадцати-восемнадцати лет'. *Собере итымысь кык-куинь чумолё мында кёс куро нуллйзы* (М. Лямин. Шудбур понна. 114). 'Потом из овина возили около двух-трех стожков сухой соломы'. *Мон туж шумпотй,*

со эшме угось *ог-кык ар мында ой ни адзылы* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 28). 'Я очень обрадовалась, так как эту свою подругу не видела уже примерно год-два'. *Оломалы, кык-куинь арня пала городысь уг ке пота [Павел Игнатъевич], интыяз пукыны уг чида ни* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 6). 'Почему-то, если примерно две-три недели не выезжает из города [Павел Игнатъевич], уже не терпит сидеть на месте'. Подобная структура для выражения приблизительного значения отмечена в коми языке – *сё сизимдас сайö* [ÖКК 2000: 144]: *Оз вермыны нуны, и тайö ящиксö гуаласны Черныбсянь öкмыс-дас километра сайö* (Коми легенды и предания. 31). 'Но нести не смогли, и этот ящик закопали в девяти-десяти километрах от Чернутьева';

з) сочетанием *ог* с парными числительными, оформленными суффиксом аппроксимативного значения *-о(-ё)*: *Дырды вадьсы ог витё-куатё майыг йыгазы, йылзэс керттылйзы* (Н. Самсонов. Уй пал симфония. 75). 'Над желобом прибили около пяти-шести жердей, их концы связали'. *Ог куамыно-ныльдоно пол шоналскыса, ки быгытьёссэ но, куссэ но, сюлмызлэсь чемгес шуккиськемзэ но шöдыны öдъяз Дима* (Е. Загребин. Тулыс зор. 371). 'Размахнувшись примерно тридцать-сорок раз, Дима начал чувствовать и мышцы, и поясницу, и более частое биение своего сердца';

и) сочетанием препозитивного *ог* с парными числительными, оформленными суффиксом *-о(-ё)*, плюс один из возможных вышеупомянутых послелогов: *Тани алигес газетазы гожтйллям – фронтовоз-а, шай-а, патретсэ но поттйллям, ог кызё – куамыно пала фашистьёсты турнам [Лазыр]* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 95). 'Вот недавно в газете написали – во фронтовой, что ли, и портрет его поместили, примерно двадцать-тридцать фашистов уложил [Лазарь]';

При выражении приблизительного количества встречаются такие случаи, когда в сочетании *одйг-кык* 'один-два' числительное *одйг* 'один' опускается, на его месте употребляется существительное, примерное количество которого указывается в данном сочетании (*толэзь-кык* 'месяца два', *арня-кык* 'недели две'): *Ну, арнязэ-кыксэ ужаса утчалоод, отйяз ачид тодод* (Г. Красильников.

Тонэн кылисько. 223). 'Ну, попробуешь поработать неделю-две, а потом сам знаешь'; *Ар-кык мерттылэм бераз, картофка кидыссэ дьякон удмуртъяёслы но вузаны чектылйз* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 52). 'После года-двух посадки семена картофеля дьякон и удмуртам продавать предлагал'; *Арня-кык возыса, дораз лэзыны луоз ини* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 148). 'Продержав примерно неделю-две, можно будет уже отпускать домой'; *Нош усътйз но [Павел Игнатъевич] – площадкаын, ёслэсь вамышлы-кыклы берлань сётйсь-кыса, ёжытак гаёолскыса но пальпотыса, Кондрат Евсеевич сылэ* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 165). 'Только открыл [Павел Игнатъевич] – а на площадке, отступив назад на шаг-два от дверей, немного откинув голову и улыбаясь, стоит Кондрат Евсеевич'; *Ординаторское кылемъяёс минут-кык огзы шоры огзы учкыны дйсьтытэк сылйзы, собере Георгий Ильич, киоссэ вольяса, ымпумзэ кырыжтйз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 151). 'Оставшиеся в ординаторской минуте-две постояли, не осмеливаясь посмотреть друг на друга, затем Георгий Ильич, разведя руками, скривил губы'.

Также встречаются случаи, когда значение приблизительного количества выражается с помощью сочетания *одйг-одйг, одйг-ог* (букв. 'один-один') со значением 'один-два, несколько': *Тулыс вуонэз шодыса, ныр вылаз [Олёшлэн] одйг-ог пужыос потйллям ини* (М. Петров. Вуж Мултан. 227). 'Чувствуя приближение весны, на его [Алексея] носу уже появилось несколько веснушек'. *Зэм, одйг-ог комнатаосын урбоосыз вал на* (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 11). 'Действительно, в нескольких комнатах были еще клопы'. *Али тополь куаръяёс пёлын одйг-ог чужектылэмъяёсыз адзйсько ни* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 8). 'Сейчас среди тополиных листьев уже видны несколько пожелтевших'. *Володя султыку, инбам чылкыт вал ини, одйг-ог йыромем пилемъяёс гинэ инты шедьтытэк уяло* (Е. Загребин. Тулыс зор. 353). 'Когда Володя встал, небо уже было чистым, только несколько облаков плавают, не находя себе места'. *Пуртовъяёслэн азыло быдэс юртысьтызы одйг-ог коръяёссы сяна кылемын өвёл* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 88). 'От всего старого подворья Пуртовых осталось только несколько бревен'.

Это сочетание имеет тенденцию к адвербиализации, ибо возможны случаи его употребления с глаголами со значением 'иногда, немного': *Мон но со сярись одйг-одйг малпасько ик но* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 131). 'И я об этом подумываю иногда'. *Нош пересь номыр уг вера, одйг-ог мон шоры бездэм синъёсыныз учкылэ* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 241). 'А старик ничего не говорит, иногда на меня поглядывает своими поблекшими глазами'. *Атабайысь адямиос Москвае одйг-ог вуыло ик но, ваньмыз соос пересь акушеркалы очки вайыны вунэто, лэся* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 26). 'Люди из Атабая все-таки иногда бывают в Москве, но все они, видимо, забывают привезти очки старой акушерке'.

К этой же группе числительных можно отнести и такое сочетание, типа *кык-а, куинь-а* 'три или четыре', *нбыль-а, вить-а* 'четыре или пять', которые представляют из себя смежные числительные, имеющие вопросительную частицу *-а*, и также выражают приблизительное количество, ограниченное смежными числительными: *Кык-а, куинь-а бадзымесь сузетьёссэ азыкшет пияз понйз [Герей]* (М. Петров. Вуж Мултан. 3). 'Две или три крупные грозди положил [Герей] себе за пазуху передника'. *Куинь-а, нбыль-а нунал ортчыса, тазыы ик сиськыса пукон вакытэ, доразы мастерзы вуиз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 131). 'Три или четыре дня спустя, также во время обеда, к ним подошел их мастер'. *Кык-а, куинь-а арня ортчиз уни, кионъёс сое [пуныез] нуизы* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 106). 'Две или три недели уже прошло, ее [собаку] волки унесли'. *Николай Егоровичлэн сотэк но чыжыт бамъёсыз чылкак дарали луизы: со кык-а, куинь-а сюмык юиз уни* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 85). 'И без этого румяные щеки Николая Егоровича совсем пунцовыми стали: он две или три рюмки уже выпил'.

Если приблизительное количество ограничено в пределах одного-двух, то числительное *одйг* 'один' иногда не употребляется, вопросительная частица *-а* присоединяется к существительному и числительному *кык* 'два': *Толэзь-а, кык-а ортчыса, Малмыжысь исправник ачиз Мултанэ вуиз* (М. Петров. Вуж Мултан. 233). 'Спустя месяц или два, исправник из Малмыжа сам приехал в

Мултан'. *Час-а, кык-а ортчыса, чалмыт луиз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 78). 'Спустя час или два, стало тихо'. *Толэзь-а, кык-а ортчыса, соос гожтэт басьтйзы: Световидов Илья, тушмон котыртэме сюрыса, чиптэм-чаптэм ышем* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 58). 'Спустя месяц или два, они получили письмо: Световидов Илья, оказавшись в окружении врагов, пропал без вести'.

Сочетание числительных с частицей -*ө*- встречается также в коми языке: *нэль-ө-вит* 'четыре или пять', *кык-ө-куим* 'два или три' [Кя 1998: 224; ÖКК 2000: 143]: *Кыкнанныс кайёны вөрө и сэнi куим-ө-нэль верст мысти вошённы вёрас* (Коми легенды и предания. 33). 'Обе идут через лес и там через три-четыре версты теряются'. *Менам дзоля дырйи, меным вёли, гаикö, вит-ө-квайт арöс, миян батьяс ветлисны корсьны сийö жыннянсö, абу и сюрöма* (Коми легенды и предания. 104). 'Когда я был еще маленьким, мне всего было пять или шесть, мой отец с товарищами ходили искать этот колокол, но не нашли его'.

Значение приблизительности выражается также использованием множественного числа существительного. Это один из тех редких случаев, когда в сочетании с именем числительным возможно использование во множественном числе и нумеративов: *Тйледлы эшио куамын аръёс улыны кулэ на* (М. Петров. Вуж Мултан. 103). 'Вам еще нужно прожить лет тридцать'. *Кöня со [кран], куинь тоннаос ёсутэ, дыр* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 161). 'Сколько он [кран], около трех тонн поднимает, наверное'. *Ма, кызьы, пе, йöскадь улод – Прокор, колхозын азьтэм ужаменыз, витьтон манетьёс яке самой троссэ тямьстон гинэ басьяллыз бере* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 118). 'Ну, как-де нормально будешь жить – раз Прохор из-за ленивой работы в колхозе получал только рублей пятьдесят или самое большее восемьдесят'. *Захарычлы, нырысь учкемен, кызь вить аресъёс луэ вал сётыны* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 42). 'Захарычу с первого взгляда можно было дать лет двадцать пять'.

Довольно широко в разговорной речи распространен способ выражения приблизительного значения путём постановки имени числительного во множественное число, при этом существительное лишь подразумевается, ибо оно в большинстве случаев известно из контекста: *Ну, тодэлэ, кӧня арес мыным?* – *Ну-у... куамын витьёс... куамын куатьёс* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 135). 'Ну, угадайте, сколько мне лет? – Ну-у, примерно тридцать пять... тридцать шесть'. *Пияшлы аслыз соку дас витьёс сяна ой вал* (П. Чернов. Дор. 19). 'Юноше самому тогда было только около пятнадцати'. *Мон кык книга басьтй, куиньёс басьтысал на.* 'Купила две книги, ещё купила бы около трех (книг)'. Числительное во множественном числе выражает приблизительность в финском языке: "Kongruoivakin monikollinen numeraali voidaan tulkita likimääräisyyttä ilmaisevaksi ja siten merkitykseltäänkin monikolliseksi: *Keskustaa halutaan parantaa kymmenin eri keinoin viihtyisämmäksi paikaksi*"¹⁴ [ISK 2005: 753].

Этот же способ – употребление имени числительного с показателем множественного числа – используется и при выражении примерного, неточного времени, когда может происходить действие: *Пеймыт луэм бере, жьыт дас одйгьёсы, нош ик сюлэм шуг луыны одъяз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). 'После того как стемнело, вечером примерно около одиннадцати, снова на сердце начала появляться тревога'.

Приблизительность аффиксом множественного числа *-lar / -lär* выражается также в диалектах татарского языка: *7člär* 'около трех', *onlar* 'около десяти' [СИГТЯ 1988: 196]; возможно использование в башкирском языке: *скәкт һигеллкрлк* 'часов в восемь', *айзың ун |сткрендк* 'числа тринадцатого' [Дмитриев 1948: 94].

Таким образом, среди количественных числительных можно выделить отдельную лексико-семантическую группу, отличающуюся семантически

¹⁴ Согласнося имя числительное во множественном числе можно трактовать как выражающее приблизительность и множественным по значению: *Центр хотят преобразовать десятками разных способов в более уютное место.*

(выражает значение неточного, приблизительного счета, ограниченного обозначенным количеством), морфологически (имеется достаточно широкий спектр синтетических и аналитических способов выражения данного значения) и синтаксически (можно отметить ряд особенностей употребления числительных данной группы с именами существительными) – группу числительных приблизительного счета.

2.2.4. Дробные числительные

Дробные числительные представляют собой один из разрядов количественных числительных, так как и те и другие обозначают количество предметов и явлений. Разница состоит лишь в семантике, ибо дробные числительные обозначают не целое число и целые предметы, явления, а их части.

В финно-угорском языке разряд дробных числительных, по-видимому, отсутствовал, ибо во всех современных языках представлены разнообразные способы их образования, хотя зачастую они оказываются типологически сходными по своей структуре.

По своему составу дробные числительные являются сочетанием количественных числительных, одно из которых является числителем, другое знаменателем. К числительному, выступающему в роли знаменателя, присоединяется суффикс *-мос*: *вить дасмос* 'пять десятых', *одйг куиньмос* 'одна третья': *Пудо вордон кык куиньмоссэ доходэз сётэ* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 79). 'Животноводство даёт две трети дохода'. *Соин ми ваньзэ ог куиньмослы кулэстйм, сюбегатйм* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 13). 'Поэтому мы все на одну треть уменьшили, сузили'. *Тани алигес ортчем совещаниын Степанов куинь ньильмос веранзэ азьвыл басьтэм азинсконъёслы сйзиз* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 168). 'Вот на прошедшем недавно совещании Степанов три четверти доклада посвятил

достигнутым ранее успехам'. *Озыы бере, вай тазыы учком: войналэсь азьвыл тракторъёс гырон-кизёнэз одйг ньыльмоссэ гинэ быдэсьязы* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 168). 'Раз так, давай так посмотрим: до войны трактора выполняли лишь одну четверть весенних полевых работ'.

При склонении по падежам изменению подвергается только числительное, выражающее знаменатель дроби, имеющее суффикс *-мос*:

Им.	<i>кык куиньмос</i>
Вин.	<i>кык куиньмосэз</i>
Род.	<i>кык куиньмослэн</i>
Раздел.	<i>кык куиньмослэсь</i>
Дат.	<i>кык куиньмослы</i>
Лиш.	<i>кык куиньмостэк</i>
Твор.	<i>кык куиньмосэн</i>
Соотв.	<i>кык куиньмосья</i>
Местн.	<i>кык куиньмосын</i>
Входн.	<i>кык куиньмосэ</i>
Исходн.	<i>кык куиньмосысь</i>
Отдал.	<i>кык куиньмосысен</i>
Перех.	<i>[кык куиньмосэти]</i>
Предельн.	<i>кык куиньмосозь</i>
Направ.	<i>кык куиньмослань</i>

Приведенные формы дробных числительных являются грамматически возможными, но все они практически не употребляются в речи.

В большинстве случаев в дробных числительных, числитель которых равен одному, числитель пропускается, употребляется только знаменатель с показателем *-мос*: *Захарлэн нуллэм сион-юонэз пöлысь дасмосэз но отчы уг мыны* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 102). 'Из увозимых Захаром продуктов и десятая часть туда не уходит'.

Дробные числа, имеющие целую часть, в удмуртском языке обозначаются следующим образом: в начале ставится числительное, обозначающее целую

часть, затем следует слово *быдэс* 'целый, целое', союз *но* 'и' плюс числительные, обозначающие числитель и знаменатель (*кык быдэс но куинь дасмос* 'две целых и три десятых', *ныль быдэс но кык витьмос* 'четыре целых и две пятых').

Возможны также варианты, когда слово *быдэс* 'целый, целое' выпадает, остаются лишь числовые обозначения дроби, связанные между собой соединительным союзом *но* 'и': *Миым соос кутсаллям кык но сизьым дасмос центнер жег, одйг но сизьым дасмос центнер валэс юос* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 179). 'В прошлом году они, оказывается, сжали два [целых] и семь десятых центнера ржи, одну и семь десятых яровых зерновых'. *Гектарезлы быдэ одйг но кык дасмос тонна кыед шеде* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 52). 'На каждый гектар попадает одна и две десятых тонны навоза'. *Озы со [кукуруза] центнерез, етйн сярсыь, кык но куать дасмослы дуно усе* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 122). 'Так её [кукурузы] центнер, по сравнению со льном, выходит дороже на две и шесть десятых'.

Целые числа и дроби при них в коми языке выражаются следующим образом: целое число, союз *да* 'и' и дробь плюс *юкён*, например: *вит да кык коймёд юкён* 'пять целых две третьих (букв. пять и две третьих части)' [СКЯ 1955: 184]. Слово *юкён* употребляется со значением 'часть'. Нужно также обратить внимание на то, что в коми языке знаменатель дроби является порядковым числительным. Ф. И. Видеманн и в удмуртском языке отмечал аналогичную конструкцию: $1/3$ *kviñmeti juket (l'uket)*, $1/10$ *daseti juket (l'uket)* [Wiedemann 1884: 156].

Использование порядкового числительного в образовании дробных числительных – широко распространенное явление в различных языках, хоть в целом для современного удмуртского языка и нехарактерное, но представленное в диалектах: кузм. *күн' бьдэс но кьк с'из'ъмэти* 'три целых две седьмых' [Кельмаков 1998: 134].

Не используется порядковое числительное для выражения знаменателя дроби и в большинстве тюркских языков. Здесь представлены исходный и местный падежи числительных [Дмитриев 1948: 93].

Во многих языках, однако, этот способ является основным, так же, к примеру, обстоят дела и в чувашском языке, где «дробные числительные образуются посредством прибавления к количественному числительному в полной форме (числителю) порядкового числительного (знаменателя), например, *иккĕ виççĕмĕш* 'две третьих', *виççĕ пиллĕкмĕш* 'три пятых'» [Андреев 1966: 51]. Эта форма дробного числительного чувашского языка, вероятно, могла бы послужить исходной конструкцией для образования аналогичной формы в удмуртском языке. Соответственно, если рассмотреть состав знаменателя дробного числительного в удмуртском языке, то выясняется, что оно также выражено с помощью суффикса порядкового числительного, заимствованного из чувашского (*-мĕш* > *-мос*), и в удмуртском языке данный суффикс уже не имеет значения порядковости, употребляясь исключительно для образования знаменателя дробного числительного.

И. С. Галкин [1964: 106] указывает на родство суффикса дробного числительного *-мос* удмуртского языка с суффиксом порядкового числительного *-ымше (-о, -ö)* в марийском языке, утверждая, что образуются они уже после распада финно-угорской языковой общности, ибо не обнаруживаются параллели в других финно-угорских языках, а суффикс порядкового числительного *-мĕш* чувашского языка «очевидно, возник под влиянием марийского языка» [Галкин 1964: 107]. М. Р. Федотов, напротив, указывает на генетическое соответствие чувашского аффикса *-мĕш* с тюркским *-нч* и якутским *-с* порядковых числительных, таким образом, «марийские регулярные суффиксы порядковых числительных *-ымше (-о, -ö)*, *-шы*, а также удмуртский *-мос*, нужно рассматривать как языковые приобретения болгаро-чувашского происхождения, относящиеся к самым ранним временам интенсивного культурно-экономического влияния болгар на своих соседей – предков мари и удмуртов» [Федотов 1968: 44].

Таким образом, на данном примере наблюдаем заимствование формообразующего суффикса числительных из чувашского марийским языком (чув. *-мӓш/-мӓш* ~ *-мӓшӗ/-мӓшӗ* > мар. *-ымше* [Федотов 1990: 105]), а также и удмуртским языком, при этом в удмуртском сохраняется свой суффикс порядкового числительного, заимствованный формант используется лишь в образовании дробного числительного.

Слово 'часть' в образовании дробного числительного используется и в финском языке: *yksi kahdes / osa* 'одна вторая (часть)', *kaksi kolmas / osaa* 'две третьих (части)', *viisi kuudes / osaa* 'пять шестых (частей)' [Ikola 2000: 45]; манс. *akw n'ilit lōmt* 'одна четвертая часть' [Ромбандеева 1973: 97]; а в знаменателе, как и в коми, используется порядковое числительное. Подобную структурную модель знаменателя порядковое числительное + часть, хоть и нечасто, но встречаем и в удмуртском языке: *Но ведь али чебередлэсь ог миллионэти люкетсэ гинэ адзисько* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 83). 'Но ведь сейчас вижу только одну миллионную часть твоей красоты'.

Понятие 'половина' в удмуртском языке выражается словом *жыны*: *Азьмынись бригадаос али ик уни планъёссэс жыны арлы но быдэс арлы азьпалтыса мыно* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 221). 'Передовые бригады уже сейчас идут, опережая свои планы на полгода и на целый год'. *Жыны метр зӧкталаем йӧ ваменак чигиз* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 188). 'Лёд толщиной в полметра раскололся пополам'. *Одӱг кыл гожтэ но жыны час малпаськыса нуке [Николай]* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 46). 'Пишет одно слово и полчаса сидит [Николай] в размышлениях'. *Тани куд-огез жыны часлы жегаса вуизы* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 63). 'Вот некоторые пришли с опозданием на полчаса'.

При обозначении дроби, имеющей целую часть, слово *жыны* ставится после названия целого числа и союза *но 'и'* (*кык но жыны* 'два с половиной', букв. 'два и половина'): *Етин кык но жыны пол дунтэм* (С. Самсонов. Дыдыкӱс бус пӧлы уг йыромо. 122). 'Лён в два с половиной раза дешевле'. *Гектараз одӱг тонна яке одӱг но жыны* (Г. Перевощиков. Йыбыртты

музъемлы. 24). 'С гектара одна тонна или полторы тонны (букв. одна и половина)'. *Нуналаз одйг но жсыны сяна ум гожтйське* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 197). 'В день записываем только один с половиной'.

В финском языке для выражения подобного значения используется слово *puoli* 'половина'. Сама грамматическая конструкция по своему составу эквивалентна удмуртской модели: *kaksi ja puoli* 'два и половина', *puoli tuntia* 'полчаса'. В мордовских языках используются слова *пель* / *пяле* 'половина', *марто* / *мархта* 'с': *колмо пель марто* / *колма пяле мархта* 'два с половиной' [Кочеткова 1999: 15].

При сочетании с существительными слово *жсыны* 'половина' может стоять в различных позициях:

а) впереди существительного, если выражается понятие 'пол, половина': *Загребинлэсь вордскем нуналзэ Тонялэсь тодыса, Олён кенак жсыны ведра чёжи нуиз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 74). 'Узнав от Тони о дне рождения Загребина, тётя Алёна унесла полведра молозива'. *Николай жсыны стакан лэзиз но чаляк юиз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музъемлы. 81). 'Николай налил полстакана и быстро выпил'. *Лысое самолётэн берти но жсыны нунал аэродромын турын вылын кылли* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 13). 'Вернулся в Лысо на самолёте и полдня лежал на траве на аэродроме'.

Аналогичный способ используется и в коми языке, где понятие 'половина' выражается словом *джын*: *джын дон* 'полцены', *джын туй* 'полпути', *джын мыж* 'полвины' [СКЯ 1955: 184];

б) после существительного, если нужно выразить понятие 'целое плюс половина – полтора'; между ними ставится союз *но* 'и': *Карцерлэн кузьдалаез но пасьталаез метр но жсыны* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 23). 'Длина и ширина карцера полтора метра (метр и половина)'. *Бусы сюрес кузя иськем но жсыны тубемзы бере, сюрес нюлэскы пыкъяськиз* (Н. Самсонов. Агбай. 365). 'После того, как поднялись по полевой дороге полтора километра, дорога врезалась в лес'.

Встречается еще другая модель для выражения этого же значения: существительное стоит в творительном падеже единственного числа, к нему присоединяется слово *жсыны* в основной форме или в творительном падеже единственного числа (*ведраен жсыны* или *ведраен жсыныен* 'полтора ведра', *километрен жсыны* или *километрен жсыныен* 'полтора километра'): **Толэзен жсыны ортчыса**, *Маня лыз сатин дэрем, сьод сукнолэсь выль костюм но тямьс сэрего фуражка вуриз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 21). 'Спустя полтора месяца, Маня сшила синюю сатиновую рубашку, новый костюм из черного сукна и восьмиугольную фуражку'. **Тыриз-тыриз, манетэн жсыныен уг окмы на** (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 295). 'Платил-платил, еще не хватает полтора рубля'. **Нош Надя арен жсыныен гожъяз солы, посылкаос ялан лэзьяз** (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 35). 'А Надя полтора года ему писала, постоянно отправляла посылки'. **«Югдонэ» Виктор Лукъянов арен жсыныен талэсь азьло вуиз** (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 49). 'В «Югдон» Виктор Лукъянов прибыл полтора года назад'. **Берло уни, арен жсыныен пала ортчыса, Нюра та пумысен, ассэ ачиз куре уськытыса, пальышак потылоз** (Н. Самсонов. Агбай. 280). 'Уже позже, спустя примерно полтора года, Нюра по этому поводу, обвиняя себя, будет улыбаться'. **Жоже уськытйзы ке но, мон озьы ой лэсьты, толэзен жсынйнын уждун басьтытэк ули** (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 216). 'Хоть и обидели, я так не поступил, полтора месяца жил, не получая зарплаты'.

Вышеназванные конструкции могут быть дополнены также союзом *но* 'и': **Лёнька кык-куинь кадрэ шальк! каре но кошкыны кариське, котькуд анай-атайлэсь манет но жсыныен бичалоды, пе** (Н. Самсонов. Агбай. 280). 'Лёнька щелкает два-три кадра и готовится уходить, с каждого родителя соберете, мол, по рублю с половиной'.

Такая же модель присутствует в коми языке: *воён-джынийён* 'полтора года', *ведраён джынийён* 'полтора ведра' [СКЯ 1955: 184].

Показатель дробных числительных *-мос* несет в себе значение не только 'часть целого', но и в ряде случаев используется при выражении семантики в

’столько-то раз’, показывая кратность: *Пунэмен сёто ке, куиньмос золто но тонэ ик пыкыло, зеч каремез, пе, уд валаське* (М. Петров. Вуж Мултан. 83). ’Если дают в долг, вытягивают втрое больше и тебя же упрекают, что не понимаете-де добра’. *Мишадэс шудыны лэзё, Федор Семёнович, бертэмдылы шумпотонэз кыкмос мед луоз* (М. Петров. Вуж Мултан. 294). ’Мише вашему разрешу играть, Федор Семенович, пусть его радость вашему приезду будет двойная’.

2.2.5. Собираемые числительные и счетно-личные местоимения

В удмуртском языке выделяется группа слов, которая образуется от количественных числительных, обозначающих единицы и реже десятки, с помощью аффикса *-на-* и притяжательных суффиксов *-мы, -ды, -зы*. Семантика числительных в них остается довольно весомой, но одновременно данные словоформы выражают и лицо, т. е. прономинализуются: *Кыкназы ик пегзиллям но татчы асьме пальёсы лыктйллям* (М. Петров. Вуж Мултан. 13). ’Оба они сбежали и пришли сюда в наши края’. *Собере, спичка жёуатъяса, маке утчаз [Быков] но, Яшкаен кыкназы ик кытчы ке кошкизы* (М. Петров. Вуж Мултан. 123). ’Потом, зажигая спички, он [Быков] что-то поискал, и они с Яшкой оба куда-то ушли’. *Ваче син учкымы но кыкнамы ик марлэсь ке въздаськымы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 314). ’Мы посмотрели друг другу в глаза, и оба чего-то постеснялись’. *Ныльназы ик со уе чырым но өз каре, куашкам юртлэн укноетйз учкызы пеймытэ* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 47). ’Все четверо в ту ночь и глаз не сомкнули, из окна развалившегося дома смотрели в темноту’. *Кыкнадэс сю пол чупасько. Гожтэттэс но, асьтэды но витисько* (Г. Перевоицков. Йыбыртты музъемлы. 75). ’Обоих вас сто раз целую. Жду и вашего письма, и вас самих’.

От числительного *одйг* ’один’, которое чаще всего употребляется в усеченной форме *ог-*, данная группа образуется с помощью притяжательных

суффиксов единственного и множественного числа, указывая на единичность (ограниченность в пределах одного лица) или ограниченно-собирательное количество лиц, связанных между собой определенными отношениями (*огнам* 'я один', *огнад* 'ты один', *огназ* 'он один', *огнамы* 'мы одни', *огнады* 'вы одни', *огназы* 'они одни'): Романов *огназ* кылиз ке но, мылкыдыз капчи (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 113). 'Хоть Романов и остался один, но настроение у него хорошее'. Пинальёсме *огназэс эн кельты, Сергей* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 66). 'Моих детей одних не оставляй, Сергей'. Эх, *огнам* ке луысал, мон али эктыса лэзысал, дыр (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 243). 'Эх, если бы я был один, я бы сейчас, наверное, пустился в пляс'. Чоркак *огнад* улны мөзмыт, дыр (Г. Перовщиков. Ёыбыртты музъемлы. 54). 'Совсем одной тебе жить грустно, наверное'. Учке-ай тани, оген венез гинэ но ёсутыны секыт, шуо. Нош тйь весь *огнады, огнады* (Г. Перовщиков. Ёыбыртты музъемлы. 181). 'Вот смотрите-ка, одному даже иголку поднять тяжело, говорят. А вы все одни, одни'.

Слова этого типа в научной грамматике отнесены к собирательно-личным числительным, акцентируя на том, что семантика числительных в них весьма весома [ГСУЯ 1962: 160].

Подобная группа слов, образованных от имен числительных с помощью суффикса *-нан-* и лично-притяжательного маркера, называемая счетно-личными местоимениями, существует и в коми языке (*кыкнанным* 'мы вдвоем', *нёлнанным* 'мы вчетвером' [ÖКК 2000: 147]. К собирательным числительным в коми языке относят такие числительные, которые образуются лишь с помощью суффикса *-нан* и обозначают совокупность предметов, рассматриваемых как одно целое. Эти числительные не имеют при себе лично-притяжательного суффикса [ÖКК 2000: 146]: *Кыкнан* лызьсö кö вöчис эськö, сэсса эз нин вермы сувтлыны, му мöдарö эськö и лэбöдiс (Коми легенды и предания. 61). 'Если бы обе лыжины сделал из этого дерева, то уже не смог бы остановиться, на другую сторону земли унесло бы'. *Кыкнан* писъыс керкасö колис ыджыдыслы. 'Из двух сыновей дом оставил старшему'. Сравним

сочетания: *нѣльнан вокыс ударникъяс* 'все четыре брата его ударники', *куимнаныс уджалісны зіля* 'все трое работали прилежно'. Сочетающееся с собирательным числительным существительное в коми языке, как отмечают исследователи, всегда употребляется с притяжательным суффиксом.

В свою очередь выделяют разряды обобщительных и лично-обобщительных числительных и в коми-пермяцком языке. Различие в двух этих группах также состоит в отсутствии или наличии лично-притяжательного суффикса: *Нія кыкнанныс велѳтчѳны школаын*. 'Оба они учатся в школе'; *Кватънан классыс вѳлісѳ ыджытѳсь да югытѳсь*. 'Все шесть классов были большими и светлыми' [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)].

Выделяется разряд счетно-личных местоимений с собирательно-ограничительной семантикой и в мордовских языках. Образуются они путем присоединения лично-притяжательных суффиксов к разделительным числительным на *-нь*: *кафонест//кавтонест* 'они вдвоем', *колмонент// колмоненк* 'вы втроем' [Феоктистов 1975: 311]. Собирательные числительные образуются путем присоединения суффиксов *-цьке*, *-кс(не)*, *-нц*, *-нъц//нст*: м. *кафто-ксне* 'оба', *колмонц//колмонст* 'три пары' и т. д. [Феоктистов 1975: 306].

Существует такая группа и в марийском языке: *когыннан* 'обоих нас', *кумыннан* 'троих нас' [СМЯ 1961: 129]. Эти числительные названы совместными, они употребляются только в трех косвенных падежах (родительном, дательном, винительном) и только с притяжательными суффиксами [Коведяева 1993: 157]. Анализируя категорию притяжательности имен числительных марийского языка, исследователи суффиксы, выражающие притяжательность, называют словоизменительными формами [Игнаева 1999: 73]. В то же время в марийском языке есть обобщительные числительные и без притяжательного суффикса: *когынъ*, *коктын* 'двое' [Галкин 1965: 197].

Будучи оформленными посессивными суффиксами, количественные числительные имеют значение лично-собирательных в селькупском языке: *покурмут* 'мы втроем', *tettylyt* 'вы вчетвером', *sompylatyt* 'они впятером' [Быконя 1997: 58; Кузнецова 1980: 287].

Считается, что суффикс *-на* удмуртского языка находится в генетическом родстве с элементом собирательных числительных во многих финно-угорских языках: венг. *kett-en* 'вдвоем', *harm-an* 'втроем'; фин. *kahd-en* 'вдвоем', *kolm-en* 'втроем'; манс. *kit-an* 'вдвоем', *harm-an* 'втроем', *nil-an* 'вчетвером'; хант. *nzl-na* 'вчетвером', *xot-na* 'вшестером' [Серебренников 1963: 229].

Нужно обратить внимание на то, что рассматриваемые числительные финно-угорских языков, названные собирательными (обобщительными), не имеют притяжательных суффиксов и, соответственно, не обозначают лица.

В. И. Алатырев относит подобную группу слов удмуртского языка к счетно-личным местоимениям (как и в коми языке) [Алатырев 1983: 575]. В поддержку этого мнения можно привести следующие доводы:

а) как и личные местоимения, слова этой группы указывают на лицо: *Тйни озьы, тэзка, асьмелы кыкнамылы ик оз удалты* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 213). 'Вот так, тезка, нам с тобой обоим не повезло'; *Кезьыт суй вылын кылле огназ [Володя]* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 86). 'На холодной земле лежит он [Володя] один'. В первом предложении есть указание на первое лицо множественного числа (мы), а во втором – на третье лицо единственного числа (он);

б) склоняются они так же, как и имена существительные, имеющие притяжательные суффиксы, но, как и личные местоимения и одушевленные существительные, только по девяти падежам, не принимая форм местных падежей, кроме направительного: *куиньназылань* 'в сторону их троих', *ньыльнадылань* 'в сторону вас четверых'.

Личные местоимения и существительные, обозначающие одушевленные предметы, при сочетании с этими словами употребляются во множественном числе (исключение составляют формы 'огнам я один', 'огнад 'ты один', 'огназ 'он один'). Они согласуются друг с другом в падеже, с местоимениями – в падеже и в лице (в случае с формами, образованными от числительного *ог*, *одйг* 'один' согласование идет и в числе): *Мон огнам өвёл, мон сяна но адямиос вань на* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 274). 'Я не один, есть люди и кроме

меня'. *Секыт тыныд огнадлы, шөдйсько мон* (М. Петров. Вуж Мултан. 24).
 'Трудно тебе одному, чувствую я'. *Герейлэн валэз доры мыныса, соос куиньназы ик лабрес беризь улэ пуксизы* (М. Петров. Вуж Мултан. 56).
 'Подойдя к лошади Герея, они все трое сели под развесистую липу'. *Шудыса жадем бере, арганме кузёезлы берыктйсько но, ми куатьнамы гурт съорысь пичигес вырйылэ тубиськом* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 58). 'Устав играть, возвращаю гармонию его хозяину, и мы все шестеро поднимаемся на небольшую возвышенность за деревней'.

Имея притяжательные суффиксы, указывающие на лицо, рассматриваемые слова могут употребляться и без личных местоимений и существительных: *А-а, тйни эшъёсыз вискын пуке [Анна], одйгеныз мар ке вераське, собере кыкназы ик мон шоры учкизы но серекъязы* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 293). 'А-а, вон сидит между подругами [Анна], с одной о чем-то беседует, потом обе посмотрели в мою сторону и рассмеялись'. *Кыкназы ик [Арсений но Генка] семьяязы воргорон интые кылемын, кыкназы ик школаын дышетсконзэс вазь куштоно луллям* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 296). 'Оба [Арсений и Генка] остались в семье на месте мужчины, обоим рано пришлось бросить учебу'. *Маке кыкназы ик [Яшкаен Даша] вуысь потэм кадь сыло* (М. Петров. Вуж Мултан. 171). 'Что-то оба [Яшка и Даша] стоят, как вышедшие из воды'. *Куиньназэсты ик веськытъяз Иськан, вашкалаослэн лулъёссы доры келяз* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 143). 'Всех троих побил их Иськан, отправил к душам предков'.

Возможность самостоятельного употребления подобных словоформ (без местоимения или существительного) отмечено и в коми языках: кп. *Куимнанным вöлімö öтпöвсöн*. 'Все трое мы были без пальто'. *Кыкнаннымöс пригласитисö йöктыны*. 'Обеих нас пригласили танцевать' [Кривощекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)]; кз. *Öтиыс вöлöма ягйывса, мöдыс сьöласа*. *Кыкнанныс быттö тöдысь* (Коми легенды и предания. 109). 'Один был из починка Ягйыв, второй – из починка Съэла. Оба знахари'.

Существительное в сочетании с данными словами может употребляться в форме творительного падежа: *Часовоен кыкназы соос тусь лэстыны кутскизы* (Г. Красильников. Тонэн кылыско. 262). 'Они с Часовым оба принялись делать корыто'. *Олексан агай ми доры лыктӱз но Генкаен кыкнамылэсь киосмес кутылӱз* (Г. Красильников. Тонэн кылыско. 328). 'Олексан агай подошел к нам и у нас обоих с Генкой пожал руки'. *Куддырӱя – асьсэ коже, Оляеныз но Сашикеныз куиньназы гинэ, куддырӱя – кык-куинь семья люкасыкыса* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 104). 'Иногда – только втроем с Олей и с Сашиком, иногда – собравшись с двумя-тремя семьями'.

Наряду с формами *кыкнамы* 'мы оба', *кыкназы* 'оба, они двое', *кыкнады* 'вы оба' довольно часто употребляются усеченные формы *кыкмы*, *кыксы* и *кыкты*, представляющие собой слияние числительного с притяжательным суффиксом (без суффикса *-на-*): *Кыксы но улэпесь [Даша но Гриша], нош улонзэс лэстыны уг быгато* (Г. Мадьяров. Аналтэм сясыка. 21). 'Оба они живы [Даша и Гриша], а жизнь свою устроить не могут'. *Табере шуоды – семья: кыкмы ик кивалтӱсь луыны ум быгатӱське* (С. Самсонов. Дыдыкӱс бус пӱлы уг йыромо. 199). 'Теперь скажете – семья: мы оба не можем быть руководителями'. *Тылошуре бертыса сюан ортчытыны чаклам нуналамы кыкмы ик фронтэ кошким* (С. Самсонов. Дыдыкӱс бус пӱлы уг йыромо. 230). 'Вернувшись в Тылошур, в предполагаемый день свадьбы мы оба ушли на фронт'. Подобные сокращенные формы от других числительных также возможны, но употребляются сравнительно редко.

С вышеуказанными формами, достаточно часто выступающими в форме различных косвенных падежей, употребляются усилительные частицы *ик*, *но*: *Владимирлы соос нош ик, кӱня пол ини, туж мусо адскизы, кыксэс ик ӱгыртыса вешаз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 153). 'И снова, уже в который раз, Владимиру они показались очень милыми, обоих он обняв похлопал по спине'. *Кык эшӱс бере, кыктылэн но казак дыр сӱлыкӱсты огвыллемесь вал, дыр* (П. Чернов. Тулысысен сӱзылыозь. 151). 'Раз вы два

друга, у вас обоих грехи молодости, наверное, были одинаковыми'. *Кыксылэн но уго лушкем малпанъёссы вал* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 19). 'Ведь у них обоих были свои тайные мысли'. *Райкомын нырысь бертылыкуз шуо вал: кыктылы ик Пудгала, пе, ужаны инты шедьтом, юрттом* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 84). 'Во время первого приезда в райкоме говорили: вам обоим-де найдем место работы в Пудге, поможем'. *Нош Татьяна кыкенызы но серекъяса, номыре валатэк-а, валамтэясъкытэк-а верасъкиз* (П. Чернов. Дор. 240). 'А Татьяна с ними обоими разговаривала смеясь, либо ничего не понимая, либо прикидываясь непонимающей'.

Возможны формы местоимений с лично-притяжательным суффиксом и от числительного *ог, одйг* 'один': *Вот озы, мынам мусоосы, чуказе, одйгды но кыльытэк, – возь вылэ* (В. Садовников. Кошкизы но – öз берытске. 115). 'Вот так, мои милые, завтра все вы до единого – на луг'.

Использование притяжательного суффикса для выражения собирательной множественности не является исключительно финно-угорской языковой чертой, так, к примеру, аналогичные словоформы представлены и в тюркских языках: азерб. *алтымыз* 'мы шестером', *икимиз* 'мы вдвоем'; тат. *икибиз* 'мы двое' и т. д. [Серебренников, Гаджиева 1986: 131]; чув. *виçсёмёр* 'мы трое', *виçсёр* 'вы трое', *виçсёше* 'они трое' [Андреев 1997: 485].

Кроме словоформ, которые образуются от числительных с помощью аффикса *-на-* и притяжательного суффикса, и в удмуртском языке встречаются формы без притяжательных суффиксов: *Арамаетй гинэ öвöl, нюлэстй но утчазы, кыкна тыосты сйсьяса потйзы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 85). 'Не только в роще, но и в лесу поискали, прочесали оба озера'. *Клава нош ик горд палэзь кадъ луиз, кыкна кыыныз мöля бордаз кутйськыса, берлань чигназ, велосипедэз сюрес вылэ пограз* (Г. Перевощикова. Йыбыртты музеймы. 56). 'Клава снова стала красной, как рябина, прижав обе руки к груди, попятилась назад, велосипед ее упал на дорогу'. *Соиз [Дулов] Николайлэсь верамзэ но*

пумозяз ѓз кылзы ни, «сѣтскиз», кыкна кизэ выллань ѓсутїз (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 82). 'Тот [Дулов] даже не стал слушать до конца Николая, «сдался», поднял вверх обе руки'. *Вашкала ѓушкон вылын кечат-вамат гожъѣс, кыкна пумаз но чукъѣс* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштѣ. 13). 'На старинном полотенце полосы крест-накрест, на обоих концах кисточки'.

В данном случае существительное, которое стоит после числительного и является определяемым словом, может иметь притяжательный суффикс. Подобная форма, как уже указывалось, имеется в коми языке и относится к собирательным числительным.

Можно выделить форму, образованную от количественного числительного с помощью аффиксов *-на-* и *-из* и изменяющуюся по падежам: *Кибитка пушкы аркерей куиньнаиныз ик ляльчиосыныз огинѣ тѣро* (Кедра Митрей. Секыт зїбет. 44). 'В кибитку архиерей вмещается вместе со всеми своими тремя слугами'. *Кыкназѣ пидѣ дышеты*. 'Выучи обоих своих сыновей'.

Как и в предыдущем случае, существительное имеет притяжательный суффикс, числительное с аффиксом *-на-* согласуется с существительным в падеже (*куиньнаиныз ляльчиосыныз, кыкназѣ пидѣ*), но нет согласования в числе. Как уже говорилось, прономинализуются такие формы, которые образуются от числительных с аффиксом *-на-* и притяжательными суффиксами *-мы, -ды, -зы* множественного числа.

Начальная форма (именительный падеж) вышеупомянутых форм приводится к *куиньнаиз ляльчиосыз* 'все трое его слуг', *кыкнаиз пидѣ* 'оба твоих сына', наряду с этим можно образовать счетно-личные местоимения третьего лица *куиньназы ляльчиосыз* 'все трое его слуг', *кыкназы пиосыд* 'оба твоих сына'. Если сравнить две данные формы, можно отметить, что формы *кыкнаиз, куиньнаиз* не указывают на лицо, чего не можем сказать о *кыкназы, куиньназы*.

Можно предположить, что в случае с *-из* (*кыкнаиз*) мы имеем дело скорее с выделительно-указательным суффиксом, чем с притяжательным суффиксом

третьего лица единственного числа. Данное предположение уже выдвигалось исследователями Т. И. Тепляшиной и В. И. Лыткиным [1976: 148].

Сравнение парадигм склонения двух групп форм, образованных с помощью аффикса *-на*, приводит к заключению, что форма с *-из* склоняется и по местным падежам, имеет парадигму склонения, сходную со склонением прилагательных с выделительным суффиксом, и может иметь в качестве определяемого слова и неодушевленное существительное: *кыкнаяз коркан* 'в обоих домах', *ныльнаяз школаын* 'во всех четырех школах'.

Собирательные числительные с формантом *-на* могут выступать в качестве одного из компонентов сложных наречий, обозначающих местонахождение, вторым их компонентом являются серийные пространственные послелого: *Контора азбарысь гуждор вылэ васькыса, дэрем бирдызэ пертчиз [Николай], галстуксэ лябомытиз но, пель зускиоссэ кыкналасянь посыса, гадь тыраз шокчиз* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музеймы. 8). 'Спустившись на лужайку во дворе конторы, расстегнул [Николай] пуговицу рубашки, разминая мочки ушей с обеих сторон, вздохнул полной грудью'. *Ачиз [Нюра] кык кыыныз ик кыкналасянь валес вылэ пыкъяськыз – йыр гинэ жёл-жёл медаз луы* (Н. Самсонов. Агбай. 237). 'Сама [Нюра] обеими руками с обеих сторон оперлась на кровать – только бы голова не подурнела'. *Сюреслэн кыкнапалтйз ик лымыен шобыртйськем жужытэсь кызъёс но кызьпуос кыстйсько* (Е. Самсонов. Зор бере. 36). 'С обеих сторон дороги тянутся покрытые снегом высокие ели и березы'. Данные сочетания, исходя из правописания – слитного и раздельного, рассматриваются то как сложные слова, то как сочетания числительного с послелогом.

Таким образом, нужно четко различать счетно-личные местоимения, образованные от числительных с помощью аффикса *-на-* и притяжательных суффиксов множественного числа от собирательных числительных с аффиксом *-на*, которые могут иметь при себе выделительно-указательные суффиксы.

В пользу того, чтобы формы числительное + суффикс *-на-* + лично-притяжательный суффикс квалифицировать в качестве местоимений, на наш взгляд, можно привести следующие доводы:

- а) как и личные местоимения, они обозначают лицо;
- б) имеют парадигму склонения, сходную со склонением личных местоимений и одушевленных существительных;
- в) в предложении употребляются в сочетании с личным местоимением, согласуясь с ним в лице и падеже, и с одушевленным существительным, но чаще всего встречается одиночное употребление. В большинстве случаев выступают в роли дополнения и подлежащего.

К собирательным же числительным можно отнести формы, образованные от количественных числительных с помощью суффикса *-на-* и в большинстве случаев снабженные выделительно-указательным суффиксом *-из*, которые:

- а) в отличие от форм типа *кыкнамы* 'мы вдвоем', не обозначают лица;
- б) имеют парадигму склонения, сходную со склонением прилагательных с выделительным суффиксом;
- в) согласуются с существительным в падеже, хотя нет формального согласования в числе;
- г) выступают в качестве определения к существительным, включая и неодушевленные существительные;
- д) не могут употребляться самостоятельно, без определяемого слова в качестве подлежащего и дополнения.

Со значением собирательности также употребляются сочетания количественных числительных с послелогоми *кузя*, *ёошен*, имеющих значение 'вместе'. Такие конструкции могут быть использованы в комбинации с существительным или местоимением: *Кык кузя нылъёс городысь лыктэмъёслы но, гуртоослы но пелязы шыпыртыса, номеръёс вераса ортчизы* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 110). 'Двое девушек прошли, и приехавшим из города, и деревенским называя шепотом в ухо номера'. *Возьмамтэ шорысь куинь кузя кавалеристъёсын пумиськиз Лели* (М. Лямин. Шудбур понна. 99). 'Неожиданно

с тремя кавалеристами встретила Лели?; *Тани тямьс кузя понятойёс Петров Никифор доры лыкто* (М. Петров. Вуж Мултан. 332). 'Вот восемь (букв. ввосьмером) понятых приходят к Петрову Никифору'. *Вагонъёс кузя кык ёошен кинъёс ке бызьылыса ветло* (Е. Самсонов. Зор бере. 67). 'Вдоль вагонов бегают кто-то двое'. *Зор улын кынмеменыз-а, мар-а (Ниналы кык ёошен шунытгес вал ук), Филипп ёоггес каньсыраз* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 21). 'Видимо, оттого, что замерз под дождем (Нине же вдвоем было теплее), Филиппа быстрее разморило'.

В заключение можно отметить, что выделение числительных с аффиксом *-на-* в особый разряд собирательных числительных производится нами как на основе их морфологических свойств (особое словообразование, словоизменение), так и на основе их семантики, своеобразного (собирательного, обобщительного) значения.

2.2.6. Порядковые числительные

2.2.6.1. О порядковых числительных

Порядковые числительные – группа числительных, обозначающих порядок, положение, занимаемое отдельным предметом или лицом в ряду однородных предметов при их счете [ГСУЯ 1962: 162]. Этот разряд имен числительных по своим лексико-семантическим свойствам является наиболее близким к именам прилагательным. Достаточно часто данная лексико-семантическая группа рассматривается учеными как одна из групп прилагательных, к примеру, в финском языке: “*Järjestyslukuja kuten kolmas, neljastoista, sadas ei tässä kieliopissa pidetä numeraaleina. Ne ovat numeraalien adjektiivijohdoksia ja siis sanaluokaltaan adjektiiveja*”¹⁵ [ISK 2005: 751]. Основной

¹⁵Порядковые числительные как *третий, четырнадцатый, сотый* не рассматриваются в данной грамматике как числительные. С точки зрения частей речи, они являются прилагательными, образованными от числительных.

критерий при классификации данной группы слов – отсутствие грамматических сходств с именами числительными.

Исследователями отмечается, что порядковые числительные финно-угорских языков по принципу образования целесообразно разделить на две группы: А – имена числительные со значениями 'первый' и 'второй'; Б – имена числительные со значением свыше 'второй'. В отличие от числительных группы Б порядковые числительные группы А часто не связаны с соответствующими количественными числительными [Майтинская 1979: 180]. Числительные порядковые 'первый' и 'второй' во многих языках мира образуются супплетивно, что отмечено учеными в типологических исследованиях: «The first few ordinals are often suppletive in languages»¹⁶ [Hurford 1987: 172]. Данное положение в какой-то мере соотносимо и с системой порядковых числительных удмуртского языка.

Порядковые числительные в удмуртском языке образуются от количественных с помощью суффикса *-эти* (орфографически также *-етӱ*), который в сложных числительных присоединяется лишь к последнему слову: *сю* 'сто' – *сюэти* 'сотый', *дас* 'десять' – *дасэти* 'десятый', *дас куинь* 'тринадцать' – *дас куинетӱ* 'тринадцатый': *Война соку куинетӱ арзэ мынэ вал ини* (П. Чернов. Тулысысен сӱзбылозь. 120). 'Тогда уже третий год шла война'. *Нюлэскы йыромем нылпиосты кыкетӱ нуналаз гинэ шедьтӱзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 73). 'Заблудившихся в лесу детей нашли только на второй день'. *Тӱни озьы Фаиналэн кызь ньылетӱ гужемез жӱытьёсы калгонъестэк, учы чирдэмез кылзӱськыса садын пукылонъестэк но егит сюлэмез бугыртӱсь трос мукет сыӵе арбериостэк ортчиз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 72). 'Вот так двадцать четвертое лето Фаины прошло без вечерних прогулок, без посиделок в саду, слушая соловьиное пение, и без многих других таких трогających молодое сердце вещей'. *Нина кияз улэп, гордэн бырдась сяськаосын коридор кузя укмыстон сизыметӱ пол солань-талань вамышъя ни вал, соку гинэ вуиз Цветков* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 45). 'Нина с

¹⁶ Первые несколько порядковых числительных в языках являются супплетивными.

живыми, ярко красными цветами в руках уже в девяносто седьмой раз вышагивала туда-сюда по коридору, только тогда пришел Цветков’.

Но, как было отмечено выше, порядковые числительные со значением ’первый’ и ’второй’ во многих финно-угорских языках стоят обособленно от других порядковых, ибо последние оказываются в тесной связи с соответствующими количественными числительными, образуясь от них путем присоединения аффикса. Какова картина в удмуртском языке?

2.2.6.2. Порядковое числительное ’первый’

Порядковое числительное ’первый’ в удмуртском языке в большинстве случаев также выражается супплетивными формами **нырысь, нырысетй** ’первый’: **Нырысетй** радъёсын нылкышноос пуко, соос съёрын – воргоронъёс (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 9) ’В первых рядах сидят женщины, за ними – мужчины’. **Озы вордскизы нырысь** документъёс – колхоз гуртэз вильдыны азьпал аръёслы виль план лэсьтон сярысь решениос (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 11). ’Так зародились первые документы – решения о создании нового плана на следующие годы для обновления колхозной деревни’. **Нырысь** толаз арнялэсь кема ветлйз [Герей] зичы съёры (М. Петров. Вуж Мултан. 93). ’В первую зиму дольше недели гонялся [Григорий] за лисой’. **Нырысетй** диагнозэз пуктйз Лариса Михайловна, со гожтэм «аппендицит» (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 17). ’Первый диагноз поставила Лариса Михайловна, она написала «аппендицит»’.

Широко распространено также и заимствование из русского языка **первой**: **Кыкетй этажысь тй доры, первой этаже** (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 14). ’Со второго этажа к вам, на первый этаж’. **Со пал дуннеын улон ке вань, öкеле муми, отын но табере дышетскемъёс трос, мыным вильысь первой классэ пуксёно луоз** (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 6). ’Если есть жизнь на том свете, огорчается моя мама, и там теперь много образованных, мне снова придется садиться в первый класс’. **Алигес но газетын**

вал [Володя], *первой* страницаз ик портретсэ сётйзы (В. Смирнов. Будобадярёс. 12). 'И недавно был [Володя] в газете, на первой странице напечатали его портрет'.

Заимствованная из русского языка форма порядкового числительного 'первый' используется и в других финно-угорских языках: к. *Первой* пуж бöрад шой геб кыптö. 'После первых заморозков мошкара появляется' (КНП 1993: 113); мар. Павыл, чодраш толмеке, *первый* кече гычак шотлен налын: планым темаш лиеш. 'Прибыв в лес, Павел с первого дня подсчитал: план можно выполнить' [СМЯ 1961: 125].

В письменных текстах XIX века обнаруживаются плеонастические конструкции – одновременное использование заимствованного *первой* и удмуртской формы *нырысь*, в буквальном переводе 'первый первый': *Нырысь первой* піэзь Адамлэнъ вылэмъ Каинъ, кыктэт-иезь Авель. 'Первый сынъ Адама былъ Каинъ, вторый Авель' [АзбукаС 1847: 25]. Нужно заметить, что заимствованная форма достаточно широко использована в текстах XIX века.

За пределами первого десятка происходит образование порядкового числительного по модели «... первый» от соответствующего числительного *одйг* 'один', например: *дас одйгетй* 'одиннадцатый', *сю одйгетй* 'сто первый': *Мон но институт бере ик директор луыны уг малпаськы вал но, дас одйгетй арзэ уни директорын* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 188). 'И я сразу после института не собирался стать директором, но уже одиннадцатый год в директорах'; *А вот дас одйгетйяз тон мыным вера: адямилэн пыдъёсаз йырси потэ-а, уг-а* (М. Петров. Вуж Мултан. 298). 'А вот в одиннадцатый раз ты мне скажи: растут ли на ногах у человека волосы'.

Образование порядкового числительного 'первый' от другой основы, как уже было отмечено выше, широко представлено и в других финно-угорских языках:

а) фин. *yksi* 'один' – *ensimmäinen* 'первый';

б) саам. *ok'ta, ext* 'один' – *vuostas, pe'ive* (< рус. 'первый') [Керт 1975: 228];

в) эрз. *вейке* 'один' – *васенце* 'первый', что первоначально могло означать 'начальный, отдаленный' [Липатов 1988: 90];

г) коми *öти* 'один' – *медводзза* 'первый' [Баталова 1993: 22];

д) венг. *egy* 'один' – *első* 'первый' [Майтинская 1993: 266];

е) хант. *it* 'один' – *oləŋ* 'первый' [Гуя 1976: 315];

ж) манс. *akwa* 'один' – *ōwl* 'первый (начало, конец)';

з) селькуп. *īkk2r* 'один' – *(pōs)ukōl* 'первый' [Хелимский 1993: 367];

и) нен. *уопой* 'один' – *нюртей* 'первый' (от *нер'* 'перед', буквально означает 'передний') [Куприянова 1961: 93].

Форма **нырысь** может быть и наречием в значении 'сначала' и в предложении в таком случае пояснять глагол-сказуемое, ср. например:

Тон нырысь астэ татын адямиен возьматы, собере ни дышетскыны мын (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 250). 'Ты сначала покажи здесь себя человеком, только потом езжай учиться'. **Нырысь мон со [Акмар] доры ветло ай, верасько соин** (М. Петров. Вуж Мултан. 95). 'Сначала я к нему [Акмару] схожу-ка, поговорю с ним'.

Аналогичной адвербиализации подвергается и заимствованная из русского языка форма *первой*, поясняя в предложении глагол или отглагольную форму и также приобретая значение 'сначала': **Первой, не, общежитиын улуд, собере аслыд сётумы** (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 13). 'Сначала-де поживешь в общежитии, затем собственное дадим'. **Артист сямен, первой котыръяса кутскиз [Матвеев], пальышаса вазиз** (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 61). 'Как артист, сначала ходил кругами [Матвеев], обратился с улыбкой'. **Мунчо сйялоз ук. Ми пöсь вылэ ум вуэ ни. Оло, первой ми мыномы** (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 87). 'Баня же остынет. Мы уже не попадем на жар. Может, мы сначала пойдем'. То же и в коми языке: *Тулысын бобув либö мазі первой аддзан – нимкодьян во лоö (няньыд оз кынмы)*. 'Если весной

первым увидишь бабочку или пчелу, радостный год будет (хлеба не померзнут)’ (КНП 1993: 45).

Подобно другим наречиям, данные формы могут принимать суффиксы сравнительной степени: *А ведь со [Емельянов] ке нырысьгес ой вераськысал, – лулскиз Сергей, – посьгес потысал, дыр* (Г. Перевошиков. Гужем лымы. 221). ‘А ведь если бы он [Емельянов] не говорил раньше, – вздохнул Сергей, – было бы, наверное, жарче’.

2.2.6.3. Порядковое числительное ‘второй’

Во многих языках уральской семьи супплетивные формы имеет и числительное ‘второй’, например:

а) фин. *kaksi* ‘два’ – *toinen* ‘второй’;

б) саам. *guok'tě* ‘два’ – *nub'be, numr* ‘второй’ [Керт 1975: 15];

в) эрз. *кавто* ‘два’ – *омбоце* ‘второй’ [Феоктистов 1993: 198];

г) коми *кык* ‘два’ – *мөд* ‘второй’ [Серебренников 1963: 227];

д) венг. *kettő (két)* ‘два’ – *második* ‘второй’ (образовано от *más* ‘другой’) [Майтинская 1975: 391];

е) нен. *сидя* ‘два’ – *нябимдей* ‘второй’ (от местоимения *няби* ‘другой’) [Куприянова 1961: 93].

В удмуртском языке также возможны случаи переосмысления в образовании порядкового числительного ‘второй’, когда вместо *кыкетйез* ‘второй’ употребляется прилагательное *мукетыз* ‘другой’: *Олокытысь-марысь жэсутйськиз тюрагай, шыпак көлйсь бусы вылэ гырлы куаразэ пазьгиз. Со съöры мукетыз, куинетйез* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 211). ‘Неведомо откуда взлетел жаворонок, голосом колокольчика запел над тихо спящим полем. За ним второй, третий’. *Со [самосвал] интые султэ мукетыз, куиньметйез, ньылетйез* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 103). ‘На его

[самосвала] место встает второй (букв. другой), третий, четвертый'. *Писту но, адыми сямен ик, шодонтэм пумысь пурьыста кадь: туннэ одйг куарез чужектэ, чуказе мукетыз, куинетйез* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 8). 'И дерево, как и человек, словно седеет незаметно: сегодня один листик желтеет, завтра другой, третий'. *Только одйгезлэн вордйськем интыез пичи гуртлэн съобраз уг поты, нош мукетызлы вордйськем инты – быдэс город, куинетйезлы – копак дунне* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 152). 'Только родина одного не выходит за пределы маленькой деревни, а второму (другому) родина – целый город, третьему – весь мир'. Подобное возможно также в марийском языке: *Вес кецы йалде ;лам.* 'Второй день болят ноги (букв. другой день без ног)' [Коведяева 1987: 110].

2.2.6.4. О суффиксах порядковых числительных

В целом, в финно-угорских языках при образовании порядковых числительных используются следующие суффиксы:

Мар. *-ымше* (*-ымшо, -ымшö*): *кок* 'два' – *кокымшо* 'второй' [СМЯ 1961: 125];

Морд. *-це*: *ниле* 'четыре' – *нилеце* 'четвертый' [ГМЯ 1980: 243];

Хант. *-мэт*: *вэт* 'пять' – *вэтмкт* 'пятый' [Терешкин 1961: 62];

Манс. *-ит*: *ат* 'пять' – *атит* 'пятый' [Ромбандеева 1973: 94];

Порядковые числительные *кыкетй* 'второй', *куинетй* 'третий' могут иметь формы *кыктэтй* и *куиньметй* и производные от них формы с добавочными элементами *-т-* и *-м-* (эти согласные были утрачены вследствие отпадения конечной гласной основы, см. 1.2. и 1.3.):

– *Дай сюрло, шуисько!* – *кыктэтсэ вера Игошка* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 24). '– Отдай серп, говорю! – второй раз говорит Игошка'. *Куиньметйяз дышетскон нуналэ жёк съорын кык инты буш кылиз* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 79). 'В третий учебный день за столом оказалось два свободных места'.

Куиньметйез люкыны турттэ (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 21). 'Третий пытается разлучить'. *Со [нылаш] витетй радын бурисеныз куиньметй пуке вал* (В. Ар-Серги. Тулкымъес вылын – пыжед. 49). 'Она [девушка] сидела на пятом ряду третьей справа'. *Со вал немецъес кiuлысь мозмем нылкышноосын пумиськем но вераськем бере куиньметй жсытаз* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын. 64). 'Было то в третий вечер после встречи и разговоров с освободившимися из-под немцев женщинами'.

Показатель порядкового числительного *-эти (-етй)* при образовании других числительных присоединяется непосредственно к основе количественного числительного, форма которого не претерпевает каких-либо существенных изменений. Данный суффикс восходит к уральскому словообразовательному суффиксу **-m + *-t*, который еще в языке-основе стал употребляться как суффикс порядковых числительных [Майтинская 1979: 184], о чем свидетельствуют материалы различных финно-угорских языков: фин. *kolmas (kolmante-)*, кар. *kolmajэ*, вепс. *kūmanž*, иж. *kolmāZ*, вод. *kułmāZ*, эст. *kolmas (*-mt > -nti > -nsi > -s' / Z)*; коми *коймөд*; хант. *кулмәт*; манс. *χūrmit*; венг. *harmadik (-ik – выделительный суффикс, переосмысленный из лично-притяжательного суффикса 3-го лица мн. числа)*.

В мордовских языках порядковые числительные образуются с помощью суффикса *-це / -ця*. Д. В. Бубрих возводит этот суффикс к финно-угорскому форманту **-nse*. По его мнению, *-n'* выпало, оставшееся *-se* восходит к указательному местоимению *se* 'тот' [Бубрих 1953: 94]. Другие же исследователи связывают суффикс *-це* порядковых числительных со словообразовательным суффиксом *-це*, образующим прилагательные от ряда наречий [Серебренников 1967: 120], этот же суффикс, в свою очередь, имеет прямое отношение к аффиксу причастий настоящего времени [Юдакин 1997: 147]. Суффикс порядковых числительных марийского языка *-ым-ше* также

состоит из атрибутивного суффикса *-м* и того же суффикса активных причастий [Юдакин 1997: 148].

2.2.6.5. Особенности употребления порядковых числительных в удмуртском языке

Порядковые числительные могут иметь выделительно-указательный суффикс *-ез*. В этом случае они согласуются с определяемым существительным в падеже: *Кыкетйеныз гозыен гырлыез думо* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 37). 'Второй веревкой привязывают колокол'. *Тани нырысьсэ группаз гу доры нуизы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 84). 'Вот первую группу повели к яме'.

Порядковые числительные, имеющие выделительно-указательные суффиксы, могут замещать определяемое ими слово и выступать в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства, принимая формы различных косвенных падежей, иногда выступать также и с послелогом: *Бен, куинетйез чэм дыръя мултэс луэ. Тани со, куинетйез, тае уггес вала – куинь пöлысь кыкезлы укыр секыт йöтэ, шöдонтэм улсын ке но солы, куинетйезлы, валэктыны тыршо* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 28). 'Да, часто третий оказывается лишним. Вот он, третий, этого не понимает – двоим из троих приходится очень трудно, хоть и незаметно, ему, третьему, пытаются объяснить'. *Врачебной комната – сое татын ординаторской шуо – пичи гинэ, куинь мурт сяна уг тэры, ньылетйез пыре ке, берыктйськон инты уг кылы* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 15). 'Врачебная комната – ее здесь называют ординаторской – очень маленькая, вмещается только три человека, если заходит четвертый, повернуться места не остается'. *Ньылез койкаос бушесь, витетйез вылын, пыдъёссэ купыртыса, урдсйн кылле кыче ке адыми* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 20). 'Четыре кровати свободные, на пятой, согнув ноги, на боку лежит какой-то человек'. – *Мар тон карид?* – *юаз Кылдытйсь нырысетйезлэсь* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 6). '– Что ты сделал? – спросил

Творец у первого'. *Вить дауръёс ёоже гинэ, укмысэтийисен дас ньылетийозяз, асьме куньсь музъем ужасъёс но пудо вордйсьёс эркин ветлйзы* (Е. Афонин. Йырмурт. 100). 'Только в течение пяти столетий, с девятого по четырнадцатый, земледельцы и животноводы нашего края ходили вольными'.

Порядковые числительные в сочетании с выделительным суффиксом *-ез* в форме винительного падежа, т. е. в форме *-зэ(-сэ)*, имеют значение 'в такой-то раз', и их, на наш взгляд, можно рассматривать как наречия: *Алексей Петрович туннэ понна кышнозэ кыкетйзэ пичильтык гинэ пöяз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 159). 'Алексей Петрович за сегодняшней день во второй раз немного обманул свою жену'. *Игнат кыкетйзэ черетскем бере гинэ, со [становой] куара пала берытскиз но ямщиксэ дугдыны косйз* (М. Петров. Вуж Мултан. 159). 'Только после того, как Игнат закричал во второй раз, он [становой] обернулся на голос и приказал ямщику остановиться'. *Уг тодйськы, нырысьсэ адзисько* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 317). 'Не знаю, первый раз вижу'. *Георгий Ильич нырысьсэ пальышак потйз но эшьёсыз шоры сак учкиз: валазы-а меда солэсь верамзэ* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 17). 'Георгий Ильич в первый раз улыбнулся и внимательно посмотрел на своих друзей: поняли ли сказанное им'.

Порядковые числительные удмуртского языка хоть и редко, но имеют формы с притяжательным суффиксом + падежный суффикс: *Вордскем нуналэныд, Любие. Мукетаз егит дасэтийад выль вамышен* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 168). 'С днем рождения, Любушка. С новым шагом в следующий молодой десяток (твой)'.

Порядковые числительные могут принимать форму множественного числа, приобретая при этом оттенок совокупности, группы предметов, явлений, людей: *Залын кудъёсыз ке серектэм каризы, кудъёсыз шыпыт луизы, куинетйосыз юан сётйсь шоры кузял ымныр тусын учкизы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 144). 'В зале некоторые засмеялись, некоторые затихли, третьи с кислым лицом посмотрели на спрашивающего'. *Тйни ук «витетйосын» ужез*

[*Варвара Сидоровна*лэн] *усто пөрме* (Р. Валишин. Инвожо уйшоре но пиштэ. 100). 'Вот же работа [Варвары Сидоровны] с «пятыми» хорошо получается'.

Порядковые числительные, выражающие десятки, могут использоваться во множественном числе и для выражения времени, охватывая примерно десятков лет: *Витьтонэтийос шорын райкомысь Швыденкоез уллязы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 144). 'В середине пятидесятых Швыденко выгнали из райкома'.

В последнее время в речи вместо порядкового числительного при выражении года, месяца, класса встречается использование количественного числительного в сочетании с существительными *арын* 'в году', *мае* 'в мае'; *число* 'числа', *классын* 'в классе': *тямыстон вить арын* 'в восемьдесят пятом году (букв. в восемьдесят пять году)', *вить мае* 'пятого мая (букв. пять мая)' и т. п.: *Укмыс мае кизем кидыс нормая уг усыы* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 127). 'Высеянные девятого мая семена не соответствуют норме'. *Звенина Клавалы егитъёсыз, Кыть Надькалы мёйыосыз пумитаны ньыль нуналскын дас вить число азе дась луыны косйзы* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 17). 'За четыре дня к пятнадцатому числу велели быть готовыми встречать Звениной Клаве молодежь, Кыть Надьке пожилых'. *Нош площадкаын лэсьтйськон планэз одйг маёзь быдэстон понна чурит нюръяськон нуналысь нуналэ кужмоя* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 42). 'А на площадке изо дня в день усиливается жесткое соревнование за выполнение строительного плана до первого мая'. *Любовь Николаевна утчаськон адресэзъя шедьтйз куатьтон аръёсы пуктэм виль панель коркаез* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дуннее. 178). 'Любовь Николаевна по разыскиваемому адресу нашла построенный в шестидесятые годы новый панельный дом'. *Игнатъев укмыс мае дас укмыс гектар гинэ кизиз* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 129). 'Девятого мая Игнатъев засеял только девять гектаров'. *Озыен, чечыез но вань, дыр, – малпалляз туэ вить классэ ветлйсь пияш* (Н. Самсонов. Агбай. 286). 'Таким образом, и мед, наверное, есть, – думал пятиклассник (букв. посещающий нынче пять класс мальчик)'. Эта грамматическая ошибка в

употреблении форм числительных часто встречается в южноудмуртских диалектах: *мон вордис'ки вит'тон с'из'ым арын кыз' кўат' мартэ* [Кельмаков 2003б: 21]. 'Я родился в пятьдесят седьмом году двадцать шестого марта (букв. пятьдесят семь году двадцать шесть марта)'

Возможно также параллельное использование количественного и порядкового числительных в местном падеже при выражении года: *Ньыльдон кыкетйын март толзе мешоказ сухари но куинь кило ёрос нёкы вёен Виктор Сазонов вордйськем Лёльшурысьтыз кузь сюрес вылэ потйз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 43). 'В сорок втором в марте с сухарями и маслом около трех килограмм в мешке Виктор Сазонов отправился в длинную дорогу из родного Лельшура'. *Таранов Петырез армие куамын укмысын басьтйзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 22). 'Таранова Петра забрали в армию в тридцать девятом (букв. в тридцать девять)'. *Тон [Павол] кызь куиньын-а, кызь ньыльын-а кулйд* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 4). 'Ты [Павел] умер то ли в двадцать третьем, то ли в двадцать четвертом'

Вероятно, ситуация осложняется и тем фактом, что даты, содержащие в себе порядковые числительное, наряду со всеми числовыми обозначениями в печати указываются арабскими цифрами, и при чтении они уже озвучиваются количественными числительными.

Также широко распространено в последнее время употребление количественного числительного вместо порядкового при выражении номера: *витетй номеро корка* 'дом под пятым номером' – *вить номеро корка* 'дом номер пять': *Пуксьы вить номеро автобусэ, васькод кинотеатр вадьсы, мон тонэ пумитало* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 131). 'Садись в автобус номер пять, сойдешь напротив кинотеатра, я тебя встречу'. *Севооборотын со кык номеро бусы, но кылын-ымын тйни аслаз нимыз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 126). 'В севобороте это поле под номером два, а в устной речи вот у него свое название'. *Вай рецепттэ со ныллы юромо возьматом, – ушьяськемез потйз на, лэся, солэн [Павеллэн], одйг номеро укное бумага мычиз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 152). 'Давай твой рецепт

специально покажем той девушке, – видимо, ему [Павлу] захотелось еще похвастаться, протянул бумажку в окошечко под номером один’.

Вышеуказанные примеры демонстрируют ошибочное употребление количественного числительного вместо порядкового. Семантически верным является употребление следующих конструкций: *Даша, эн кышка мынэсьтым. Лыкты Набережной переулокысь **дас тямьсэти номеро** корка* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 131). ‘Даша, не бойся меня, приходи в дом под восемнадцатым номером Набережного переулка’. *Интыяськызы Свердлов урамысь **витетий номеро** юртлэн жьыт пал люкетаз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 17). ‘Расположились в доме под пятым номером с западной стороны на улице Свердлова’. *Кызь укмысэти номеро школаысьтызы сизьыметий «А» классазы но сыче чебер нылъёс ой вал шат* (Е. Загребин. Тулыс зор. 368). ‘Разве в их школе номер двадцать девять в седьмом «А» классе не было таких красивых девушек’.

Но довольно часто (а в современных республиканских газетах, по нашим наблюдениям, во всех без исключения случаях) встречается употребление слова *номеро* ‘с номером, под номером’ с цифровым обозначением, не снабженным необходимым в данном случае показателем порядкового числительного, написанным через дефис: *Райцентре ветлыкуз, Эльза ялан дугдылиз селоысь гостиницалэн **13 номеро** комнатаяз* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 8). ‘Приезжая в райцентр, Эльза всегда останавливалась в комнате под 13 номером сельской гостиницы’. *Ижысь Ленин ёросысь **167 номеро** нылпи садэз туж кема пуктыны выризы* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 31-тй август. 2). ‘Детский сад номер 167 Ленинского района Ижевска строили очень долго’. ***56 номеро** школамы гимназия луэм бере мыным чектйзы наукая но методикая ужен кивалтйсь луыны* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 22-тй июль. 3). ‘Когда наша школа номер 56 стала гимназией, мне предложили возглавить работу по науке и методике’.

На такое употребление, вероятно, оказал свое влияние русский язык, где при выражении номера используется количественное числительное: *дом номер*

пять [Кельмаков 2003б: 21]. В русском языке собственно-количественные числительные наряду с выражением абстрактного количества и количества как признака предмета обозначают и порядковое место предмета при счете: *дом шесть квартира тридцать* [РЯ 1997: 626].

Такое же употребление и в финском языке: *ylioppilaslehdessä numerossa viisi* 'в студенческой газете номер пять' [ISK 2005: 765].

В удмуртском языке возможно также использование форм, являющихся омонимичными с порядковыми числительными, но совершенно отличающихся по значению и представляющих собой форму переходного падежа. Чаще всего они отвечают на вопрос *кытӥ?* 'где?' и отмечают местонахождение, приобретая значение 'в стольких-то местах': *Та нус Олександрлы туж тодмо: кылем арын Гирой Глашалы ыжтӥзэ кузьмаз, кузьым ыжтилэн пель бордаз таӥе ук нусэз вал – кыктӥтӥ чалыш вандэмын* (Г. Красильников. Вуж юрт. 278). 'Этот знак очень знаком Олександру: в прошлом году Гирой подарил Глаше ягненка, на ухе дареного ягненка был такой же знак – в двух местах косые надрезы'. *Али гинэ адӥиз со [Таня] бур кызылэсь кыкетӥ мур нярӥземзэ, вир потэмзэ* (Т. Архипов. Лудӥи шур дурын. 26). 'Только сейчас увидела она [Таня] в двух местах глубоко пораненную правую руку, кровотечение'. *Витетӥ-куатетӥ бугырӥяз [Миша]* (С. Самсонов. Дыдыкъӥс бус пӧлы уг йыромо. 126). 'Порылся [Миша] в пяти-шести местах'.

С данным значением используется и форма *одӥгетӥ* 'в одном месте' (как было отмечено, в значении 'первый' выступают супплетивные *нырысь, нырысетӥ*): *Трос лыдӥи ни, нош тонэ кызыы валаны кулэ, одӥгетӥ но гожтэмын өвӧл ук* (Г. Медведев. Бадӥым нунал. 52). 'Уже много читал, а как тебя понимать, ведь ни в одном месте не написано'. *Одӥгетӥ гинэ кышӥязы ай, нош жильдӥськи ни, шундые кысӥз кадъ* (В. Е. Смирнов. Будо бадярӥс. 109). 'Только в одном месте заштопали, а уже раскис я, как будто солнце мое погасло'.

2.2.7. Неопределенно-количественные слова

2.2.7.1. Выделение группы слов с неопределенно-количественным значением

В удмуртском языке среди количественных числительных исследователи выделяют группу неопределенно-количественных числительных. К таким числительным относят слова типа *уно, трос, данак, лачак, тачак, ятыр, долак, байтак* 'много', *ичи, өжыт* 'мало, немного' [Жуйков 1937:18; Ушаков 1982: 75]. В научной грамматике удмуртского языка они называются неопределенно-количественными словами [ГСУЯ 1962: 151]. Эти слова могут сочетаться как с существительными, так и с глаголами и отглагольными словами: *Трос кырзанъёсты кырзазы соос, артэ пуксьыса, киоссэс ог-огзылэн пельпумъёссы вылэ поныса* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 75). 'Много песен спели они, усевшись рядышком и положив руки на плечи друг друга'. *Трос вераськыны со [Алексей Степанович] уг яраты* (Т. Архипов. Адмилэн чеберез. 140). 'Он [Алексей Степанович] не любит много говорить'. *Табере Барсковлэн ичи кылем ужасъёсыз но солы мыто, кудйз-огез войнаысь револьверен, винтовкаен, патронъёсын бертэм* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 184). 'Теперь и оставшиеся в небольшом количестве работники Барскова возражают ему, некоторые, оказывается, вернулись с войны с револьвером, винтовкой, патронами'. *Соин ик нырысь чукнаяз ик данак тодмоосыныз пумиськиз [Тамара] но сомында пол ик мупыр виян калэ вуылйз* (Г. Перевощиков. Сюлэмтэм дунне. 13). 'Поэтому уже в первое утро встретила [Тамара] со многими знакомыми и столько же раз чуть сквозь землю не проваливалась'. *Машина доры культю нулйсьёсыз лачак* (Р. Валишин. Төл гурезь. 26). 'Много тех, кто носит снопы к машине'. *Ачим ке, ас поннам, йырам, нырысетй пумиськонмы дыръя ик суредай ини сое: солэн чеберез кыче ке но кезыт вал,*

сыёе кышноос ульчаын – тачак (Л. Нянькина. Ваёбыж кар. 109). 'А сам же про себя, в голове, еще при нашей первой встрече уже нарисовал ее: ее красота была какой-то холодной, таких женщин на улице – много'.

Таким образом, оказываясь в составе различных синтаксических конструкций, поясняя как существительные, так и отглагольные формы, эти слова могут выступать в роли не только числительных, но и других частей речи.

Группу неопределенно-количественных числительных выделяют и в других языках: коми *уна* 'много', *этиша* 'мало', *неуна* 'немного' [СКЯ 1955: 190]; мар. *шуро* 'много', *ятыр* 'довольно много', *шагал* 'мало', *икмыняр* 'несколько' [СМЯ 1961: 123]; венг. *sok* 'много', *néhány* 'несколько', *kevés* 'мало' [Майтинская 1955: 159]; хант. *ар* 'много', *аршак* 'побольше', *шимак* 'мало' [Соловар, Спирякова 2000: 69]...

Выделяют отдельную группу неопределенно-количественных числительных и в русском языке [Виноградов 1986: 260; Валгина 2001: 260; СЛРЯ 1996: 225; СРЯ1 2001: 125], хотя в последнее время и в русистике существуют спорные мнения об отношении этих слов к именам числительным [Дудников 1990: 248; СРЯ2 2001: 435], подчеркивающие, что, вероятно, рассматриваемая группа слов с количественным значением имеет наречное или местоименное значение.

2.2.7.2. О лексико-грамматической принадлежности слов с неопределённо-количественным значением

Можно ли слова типа *трос*, *уно*, *данак* 'много', *ичи*, *ёжыт* 'мало, немного' отнести к именам числительным? Рассуждения на эту тему позволяют нам привести следующие возражения против данного мнения:

1. Вышеназванные слова не выражают самого главного в семантике числительных – точно обозначенного количества считааемых единиц или

приблизительного числа в определенных рамках. Обратимся к определению числительных: “Числительное – класс однозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом мыслительные категории порядка при счете, кратности (повторяемости), совокупности” [Яз 1998: 549]. Не обозначая точного, конкретного количества, уже своим лексическим значением данные слова лишь противоречат определению числительных. Сравним предложения: *Куинь толэзь ёоже Крымын улэмез но эмъяськемез солэсь [Машалэсь] егит мугорзэ юнматйз* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 227). ‘Три месяца пребывания в Крыму укрепили ее [Маши] фигуру’. *Трос толэзьёс ёоже ини соослэн бригадазы основной сооружениын ужась бригадаос пöлын нырысь инты басьтэ* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 141). ‘Уже в течение многих месяцев их бригада занимает первое место среди бригад, работающих на основном сооружении’.

В первом случае мы знаем точное количество месяцев (три), а во втором предложении об их количестве нельзя даже догадаться – их число может доходить и до сотни, а может быть и в пределах четырех-пяти.

Нельзя обойти стороной и тот факт, что имена числительные, в отличие от других частей речи, имеют четкую, жестко определенную семантическую системность, в которой каждый элемент (даже числительные приблизительного значения, не обозначающие точного количества) имеет свою собственную нишу, строго определенное местоположение. Так, к примеру, числительное со значением ‘девять’ располагается между числительными со значениями ‘восемь’ и ‘десять’, его место постоянно и не может оказаться между какими-либо другими элементами рассматриваемой системы. Эта закономерность свойственна не только одному отдельно взятому языку, а всем языкам без исключения. В таком случае напрашивается вполне оправданный вопрос: в каком конкретном месте данной жесткой, точной системы располагаются рассматриваемые слова? Ответ очевиден: они оказываются вне системы, поскольку никак не вписываются в эти определенные выражением конкретной количественной семантики рамки.

2. Рассматриваемые слова способны сочетаться не только с единицами конкретно-предметного значения, но и со словами, обозначающими абстрактные понятия, неисчисляемыми существительными (*трос ву* 'много воды', *ӧжыт сюлэмшугьяськон* 'мало беспокойств', *трос чидан* 'много терпения'), обозначая размер объема без указания на число, чего нельзя сказать о числительных, это противоречит их семантике: *Трос кужымзэ но визьзэ сётӱз, дыр, дышетӱсез, сое [Сашаез] школазылэн данъяськонзэ карон вылысь* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 97). 'Много сил и ума отдал, наверное, его учитель с целью сделать его [Сашу] гордостью их школы'. *Катьсы ӧжыт татысь колхозникъёслэн, вырзӱтыны шуг* (Г. Медведев. Бадӱым нунал. 78). 'Сил у здешних колхозников мало, сложно их сдвинуть'. *Трос валантэмез та улонын* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 71). 'Много непонятного в этой жизни'. *Валерик лачак коньдон ваем* (Кенеш. 2009-тӱ ар, № 2. 48). 'Валерик принёс, оказывается, много денег'. Имена числительные весьма редко оказываются в роли определения к существительным с абстрактным значением.

Возможность сочетания слов данной группы с существительными, обозначающими недискретные, абстрактные понятия, подчеркивается исследователями марийского языка: *Тошто мурышто куан шагал*. 'В старинных песнях радости мало' [Гаврилова 2006: 23].

3. Рассматриваемая группа слов может употребляться в сочетании с усилительными словами-интенсификаторами типа *туж, ортчыт, уката, укыр* 'очень, чрезмерно и т. д.' и др., что не наблюдается в случае с числительными: *Тӱни соин но, дыр, собрание туж трос калык люкаськиз* (Г. Архипов. Адымилэн чеберез. 143). 'Вот и поэтому, наверное, на собрание пришло очень много народу'. *Соин сэрен фронтовикъёс пӧлысь пегасьёс уката уно луизы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 192). 'По этой причине дезертирующих среди фронтовиков стало еще больше'. *Полиция, стражникъёс та вадескын укыр трос йылӱзы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 167). 'Полиции, стражников в этот период слишком много прибавилось'. *Лыдзиськыны дыр туж ӧжыт шеде* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пӧлы уг йыромо. 6). 'Времени читать очень

мало выпадает'. *Мынам җуказе бызбылон интые укыр трос* (С. Самсонов. Дыдыкҗёс бус пёлы уг йыромо. 144). 'У меня завтра слишком много мест для посещения'. То же и в марийском языке: *Киндым кушко колташашыжым Жаров пеш шагал еулан шижтарен*. 'О том, куда надо отправить хлеб, Жаров предупредил очень мало людей'. *Тыгак Маруся ден Дунят немычла пеш шагал мутым умылат*. 'Маруся и Дуня также очень мало слов понимают по-немецки' [Гаврилова 2006: 23].

4. Данные слова в начальной форме могут иметь сравнительную степень, присоединяя к себе суффикс *-гес (-гем)* (*тросгес, уногес, ичигес, тросгем*), приобретая при этом значение 'больше, меньше', чего также нельзя сказать о числительных: *Вае асьмеос, политикаез огдырлы палэнэ кельтыса, тросгес фактҗёс люканы тыршоме* (М. Петров. Вуж Мултан. 283). 'Давайте мы, оставив на некоторое время политику в стороне, попытаемся собрать побольше фактов'. *Котьма ке но, соос асьмелэсь тросгес тодо но валало* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 138). 'Во всяком случае, они знают и понимают больше нас'. *Кинэ тросгес яратйськод – гордҗёсты-а, тодьыосты-а* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 211)? 'Кого больше любишь – красных или белых?'. *Кулэяз общественной ужамы налог октыломы, кинлэн доходэз бадзым, солэсь уногес басьтомы* (Кедра Митрей. Зурка Вужгурт. 157). 'При необходимости в нашей общественной работе будем собирать налоги, с тех, у кого доход большой, будем брать больше'. *Соин мон каменщикҗёслэн группазы куриськи: отын дышетсконэз оҗытгес* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 93). 'Поэтому я попросился в группу каменщиков: там учиться поменьше'. *Соин ик ас малпанзэс вераны дйсьтйсьёс весь ичигес кылизы* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 55). 'По этой причине осмеливающихся высказать свое мнение осталось все меньше'. *Кузьымез, ма, уксеен вераса, олома дуно вылымтэ – нбыль коньылэсь оҗытак гинэ шат ятыргес* (Г. Перевощиков. Гужем лымы. 54). 'А подарок, говоря деньгами, не оказался особо дорогим – разве немного больше четырех копеек'.

Суффикс сравнительной степени *-рак* могут присоединять слова подобной лексико-семантической группы и в марийском языке, как отмечается исследователями, это сближает их с именами прилагательными: *Шымыр гынат, окса шагалрак пытыже манын, Театр площадьыш шумеш йолын кайыш*. 'Хоть и семь копеек, но, чтобы денег ушло меньше, пошёл пешком до Театральной площади' [Гаврилова 2006: 23].

Подобно прилагательным, категорией сравнительной степени данные слова обладают и в коми языке: кп. *Татӧн вӧввес унажык*. 'Здесь лошадей больше' [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 36)]. Примечательно, что все рассматриваемые слова еще характеризуются такой чертой, как совмещение значения числительных с функциями наречий как при отсутствии, так и при наличии сравнительной степени: *Уна сӥйны*. 'Много кушать'. *Унаӧн етшажык сӥйны*. 'Много меньше кушать'.

Ссылаясь как раз на данное свойство – наличие степени сравнения – в башкирском языке такие «слова, обозначающие число», к примеру, *куп* 'много', *ал* 'мало', квалифицируют как имя прилагательное, отделяя их таким образом от разрядов количественных числительных [Дмитриев 1948: 88].

5. Наконец, рассматриваемая группа слов довольно часто и последовательно употребляется с глаголами и отглагольными формами, являясь в предложении обстоятельством. Данная черта, несомненно, подчеркивает сходство исследуемых слов с наречиями. Обратим внимание также и на то, что и в подобных случаях возможно использование степеней сравнения: *Малы бен сѣтаки йӧл ӧжыт кыскиськомы* (С. Самсонов. Дыдыкӧс бус пӧлы уг йыромо. 47). 'Почему же все-таки молока мало надаиваем'. *Ас гуртаз но [Павел Игнатъевичлэн] ӧжы-выжыосыз, эшӧсыз, тодмоосыз гинэ но ӧжытгес но ӧжытгес кылӧ* (П. Чернов. Тулысысен сӥзьылозь. 5). 'И в своей [Павла Игнатъевича] деревне родственников, друзей, даже знакомых остается все меньше и меньше'. *Вить ар талэсь азьло-ай но тысь, пудо вордонысь продукция сярысь, данаклы тросгес люкаське вал* (С. Самсонов. Дыдыкӧс бус пӧлы уг йыромо. 79). 'Даже ещё только пять лет назад зерна, по сравнению с

продукцией животноводства, набиралось намного больше'. *Дюбин но соин байтак курадзиз уни* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 163). 'И Дюбин с ним уже много страдал'.

6. Возможным оказывается также употребление с наречиями и прилагательными в конструкциях со сравнительной семантикой, где рассматриваемые слова несут вспомогательную роль, основное лексическое значение выражается наречием и прилагательным: *Юбкаез өжыт кузьгес мед луоз вылэм* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 153). 'Была бы юбка немного подлиннее'. *Илья Фомичез Малмыжын толэзь ёрос возизы, нош котьма ке но, урядникъяс өжыт чалмытгес луизы* (М. Петров. Вуж Мултан. 234). 'Илью Фомича продержали в Малмыже около месяца, но, во всяком случае, урядники стали немного потише'. *Пильын трослы егитгес: алигес гинэ кышноясыкыз* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 7). 'Филипп намного моложе: только недавно женился'.

В то же время мы не можем упускать из виду и тот факт, что ряд черт оказываются общими и сближающими рассматриваемые слова как с именем числительным, так и с прилагательным. В частности, можно отметить, что, определяя имя существительное, данная группа слов достаточно часто имеет выделительно-указательный суффикс, при этом наблюдается согласование между определением и определяемым. Как отмечалось ранее, этот признак характерен и имени числительному, и прилагательному, как любому синтаксическому определению: *Тросаз гуртьёсын но югдур шугъясыкымон өвöл* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 28-тй август. 2). 'И во многих деревнях ситуация не затруднительная'. *Тросэзлы адямиослы со маке но выльзэ ваиз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 190). 'Многим людям он принес что-то новое'.

Следующая общая черта – употребление вне связи с существительным, при этом наблюдается субстантивация рассматриваемых слов: *Егит дырысеныз ик нюлэскын улэ Матрон. Гожтэт но уг тоды. Озыы ке но, троссэ мукетъяслэсь жечгес вала* (Р. Валишин. Тöл гурезь. 36). 'С молодости живет

Матрена в лесу. И грамоты не знает. Несмотря на это, многое понимает лучше других'. *Тросэз, ма, умой-умой валаса но оз вуттэ, дыр, та шудон-серектон овёл шуыса* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 17). 'Да, многие, наверное, как следует и понять не успели, что это не игра'. *Соослэн кырЗан гурзы али ке но данакезлы тодмо* (Е. Афонин. Йырмурт. 22). 'Мелодия их песни до сих пор знакома многим'.

Весьма понятна причина отнесения рассматриваемой лексико-грамматической группы слов к именам числительным, так как среди их совокупности грамматических свойств можно обнаружить такие, которые сближают исследуемые слова с числительными, к примеру, использование с послелогом *кузя*, образуя значение совокупности, группы лиц: *Юись-чагиськись воргоронъёс кадъёсыз но чужыса лэзёно: ёжыт кузягес но ужаны пөрмытомы* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 124). 'Нужно выгнать и пьющих-жалующихся мужчин: и в меньшем количестве с работой справимся'; или же выражение кратности, образуемое с помощью послелога *пол* 'раз': *Наушникъёсын радиоприёмникысьтыз трос пол кылыліз ни «Священная войнаез» нылаш* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 194). 'Уже много раз слышала девушка «Священную войну» из своего радиоприемника с наушниками'.

Таким образом, ряд грамматических черт сближает рассматриваемую группу слов с прилагательными, другие признаки являются сходными со свойствами имен числительных. Систематизируем грамматические особенности данных количественных слов и отразим их в таблице, выделяя черты, общие с признаками имен числительных, и характеристики, сближающие их с именем прилагательным:

Таблица 1.

Грамматическое свойство	Числительное	Прилагательное
Употребление в качестве определения существительного	+	+
Возможность определять абстрактные существительные	-	+
Употребление с усилительными словами	-	+

Наличие форм степеней сравнения	-	+
Адвербиализация (при употреблении с глаголом и отглагольными словами)	-	+
Употребление с выделительно-указательным суффиксом, согласуясь с определяемым словом	+	+
Субстантивация	+	+
Употребление с послелогом <i>кузя</i> со значением собирательности	+	-
Выражение кратности при помощи послелога <i>пол</i>	+	-

Таким образом, данная лексико-семантическая группа слов, исходя из их морфологических и синтаксических функций, а также основываясь на том, что их лексическое значение несколько отличается от основной семантики имени числительного – выражение точного количества, абстрактного числа, может быть отнесена либо к прилагательным, обозначающим количественный признак, либо к наречиям в зависимости от того, со словом какой части речи связана рассматриваемая словоформа – с существительным или глаголом (а также и с отглагольными формами).

2.2.8. Наречия, образованные от имен числительных

2.2.8.1. О разделительных числительных

Слова, выделяемые нами в отдельную часть речи – имя числительное, объединяет их обозначение отвлеченного числа, количества предметов и явлений, порядка предметов и явлений. Однако по значению и способу образования среди числительных удмуртского языка можно выделить группу, имеющую несколько форм:

а) повторное употребление количественных числительных, имеющих форму творительного падежа – *кыкен-кыкен* 'по два', *сизымен-сизымен* 'по семь': *Бусы уже оген-оген, пе, мед ветлозы* (М. Петров. Вуж Мултан. 221). 'На полевые работы по одному-де пусть ходят'. *Уксё сярись вераськыны возыт ке, малы соку государство куанер крестьянъёслэсь сюрсэн-сюрсэн заём но налог басьтыны уг възьдаськы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 141). 'Если стыдно говорить о деньгах, то почему тогда государство не стыдится тысячами брать у бедных крестьян заём и налоги'. *Гуртэ тани оген-оген фронтовикъёс бертыны кутскизы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 156). 'Вот в деревню начали по одному возвращаться фронтовики';

б) парное употребление количественных числительных, имеющих форму творительного падежа. Числительное, обозначающее меньшую величину, стоит впереди числительного, обозначающего большую величину – *оген-кыкен* 'по одному-по два', *витен-куатен* 'по пять-по шесть': *Тани оген-кыкен мукет кышномуртъёс но вуизы, обинь адями куараен шулдырак луиз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 45). 'Вот по одному-по два стали подходить и другие женщины, овин стал оживлен людскими голосами'. *Милям отделениямы ньыль палата, дас кыкен – дас тямысэн кёласъёсыз но вань – куатьтон адямилэсь ятыр люкаське* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 226). 'В нашем отделении четыре палаты, есть спящие и по двенадцать-по восемнадцать – набирается больше шестидесяти человек'. *Час мында ортчыса, егитъёс оген-кыкен вуылыны кутскизы* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 119). 'Спустя около часа, по одному-по два стали приходить молодые люди';

в) числительное во множественном числе в творительном падеже (в данном качестве чаще всего выступают числительные, обозначающие десятки, сотни, тысячи): *Сюосын, уно сюосын кошкызы воргоронъёс Кузон пала* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 89). 'Сотнями, многими сотнями ушли мужчины в сторону Казани'. *Татын соос олокёня сюосын ук* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 55). 'Их же здесь несколькими сотнями'. *Миллионъёсын адямиос ой бырысалзы* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 124). 'Миллионами

люди не погибали бы'. *Сю сюрсьёсын пленэ шедиллям* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 130). 'Сотнями тысяч попали в плен (оказывается)'. *Сюрсьёсын усьтйськызы вузкарысь магазинъёс, сиськон интыос* (Е. Афонин. Йырмурт. 127). 'Тысячами открылись магазины, столовые'. *Москваысь кивалтйсьёслы, газет, журнал редакциосы сюосын гожтэтъёс кошкизы* (Л. Емельянов. Кудпала берга дунне питран. 6). 'Московским руководителям, в редакции газет, журналов сотнями пошли письма';

г) форма творительного падежа числительного приблизительного счета, образованного при помощи суффикса -о (-ё): *Кышномурт паймыса учкиз мон шоры: та дырозь адъемез вылымтэ на, лэся, огпол кутскемаз дасоен пирожкиос басьтйсь муртэ* (Г. Красильников. Тонэн кылысько. 209). 'Женщина удивленно посмотрела на меня: до этого времени ей, видимо, еще не приходилось видеть человека, за один раз покупающего по десятку пирожков'. *Председатель, бригадиръёслы но ивортытэк, адямиосты ужлэсь мозмытъя, нуналлы быдэ дасоен запискаос сётъя* (Т. Архипов. Лудзи шур дурын-2. 151). 'Председатель, не сообщая и бригадирам, освобождает людей от работы, ежедневно выдает по десятку записок'.

Кроме того, встречаются и случаи, когда числительное приблизительного счета выступает в творительном падеже множественного числа: *Мон кадъ куноосты дасоосын пумитаськод но келяськод луоз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 153). 'Таких гостей, как я, десятками встречаешь и провожаешь, наверное'. *Клуб азьысь быдэс падвожез дасоосын кисьтаськись электролампаос юг-юг тылын югдыто* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 171). 'Всю площадку перед клубом ярким светом освещают десятки светящихся электроламп'. *Николай Егоровичлы ушъям кыл инёк луиз, со эшсэ лабораториосы но пыртаз на, машинаослэсь нимъёссэс но маркаоссэс дасоосын кисьтйз* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 44). 'Николаю Егоровичу понравились похвальные слова, он еще сводил своего друга в лаборатории, десятками называл названия и марки машин'. *Али азбар буш ини, нош нуназе куазен дасоосын кыткэм уробоос сыло, валъёсыз думылон инты но уг тырмы*

(Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 75). 'Сейчас двор уже пуст, а днем десятками стоят повозки, не хватает мест для привязи лошадей'.

В научной грамматике удмуртского языка [ГСУЯ 1962: 159] эта группа форм названа собирательно-разделительными числительными.

Разделительные (или дистрибутивные) числительные традиционно выделяются во многих языках:

а) саам. *εftε-εftε* 'по одному', *kut`e- kut`e* 'по двое' [Керт 1975: 228];

б) хант. *-^ta/-^tä: ёjktä* 'по одному', *kitk^tä* 'по два' [Хонти 1993: 310]; эта группа названа делительными (или распределительными [Соловар, Спирякова 2000: 66]) числительными и представляет собой количественное числительное в форме локативно-инструментального падежа;

в) манс. *akwa-l* 'по одному', *xürtkl* 'по три' [Ромбандеева 1993: 291];

г) эрз. *кавтонь-кавтонь* 'по два', *колмонь-колмонь* 'по три' [ЭК 2000: 120]; по своей структуре они представляют повторное употребление количественных числительных в генитиве. Некоторые ученые относят такие формы к наречиям [Феоктистов 1975: 331];

д) башк. *икешкр-икешкр* 'по двое' [ГСБЛЯ 1981: 164].

В грамматиках некоторых языков слова с подобной семантикой названы наречиями, например: венг. *harmankent* 'по трое' [Балашша 1951: 115]; рус. *по двое, по трое* [Виноградов 1986: 302]; мар. *коктын-коктын, кокыте* 'по двое' [Игнаева 1997: 10]; фин. *uksin* 'один, в одиночестве', *kahden* 'вдвоем' [Ikola 2000: 109], где *-n* является показателем инструктива. В современном татарском языке подобные конструкции «со значением количественного признака действия в соответствии с числом лиц или одушевленных предметов» также рассматриваются как наречия: *иккУлкп* 'вдвоем', *бишкУлкп* 'впятером' [Ганиев 2005: 291].

По всем грамматическим характеристикам, на наш взгляд, и в удмуртском языке было бы правильнее отнести рассматриваемую группу слов к наречиям, образованным от имен числительных, придерживаясь следующих аргументов:

а) как и наречия, данные конструкции представляют собой застывшие неизменяемые формы;

б) они не могут определять существительное и в предложении поясняют глагол или иные (от)глагольные формы, являясь обстоятельством.

Если обратиться к близкородственному коми языку, то и здесь выделяются наречия, образованные от числительных с помощью суффикса *-өн*: **Кыкён** *мунісны фронт вылө* [СКЯ 1955: 188]. 'Вдвоем ушли на фронт'; в коми-пермяцком: *И кутчисö ня овны да уджавны нёльён: старик вöрын да ыб вылын, старухаыс нывкаэскöт – керкуын да карта пытшкын* (ЗК. 75). 'Стали они жить да работать вчетвером: старик – в лесу да в поле, старуха с дочерьми – в избе да хлеву'. Как и в удмуртском языке, они неизменяемы и поясняют глагольные формы. Следует отметить, что некоторые ученые конструкции, типа *кыкен-кыкен* 'по двое', и в удмуртском языке относят к наречиям [Серебренников 1963: 350; Тепляшина, Лыткин 1976: 196].

Нужно обратить внимание и на тот факт, что числительное *ог*, *одйг* 'один' может употребляться в форме *оген*, *одйген* в значении 'одинокий, в одиночестве' и в предложении пояснять как глагол, отглагольные слова, так и существительные, таким образом, может быть как обстоятельством, так и определением: *Атаеныз анайзэ кыдёкысь шаеръёсы келямзы бере, Чут Манялэн сюлэмыз уката но съöd эгыр кадь луиз, укыр секыт угось оген кыльыны* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 18). 'После отправления мамы с папой в далекие края сердце Мани стало совсем как черный уголь, ведь так тяжело оставаться одной'. *Пöлазы одйген бадь нёрьёс но тöллы нялтас мыкыръяськыса сыло* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 48). 'Среди них, качаясь на ветру, стоят и одинокие ивовые прутья'. *Оген улон адямилэн йыраз пöртэмесь малпанъёс кылдытэ* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 55). 'Одинокая жизнь (букв. 'жизнь в одиночестве') в голове человека порождает разнообразные мысли'; *Оген сыёе книгаез лыдзыны секыт* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 12). 'Тяжело одному читать такую книгу'. *Зэм ик ведь: оген лёгем сюрес секыт но сюбег, нош ёошен лэсьтэмтйз пыдъёс асьсэос вამышто* (Г. Красильников. Арлэн

кутсконэз. 153). 'Ведь действительно: проложенная в одиночестве дорога трудна и узка, а по протоптанной вдвоем ноги сами шагают'.

Когда данная форма в предложении поясняет существительное, ее можно квалифицировать как прилагательное: *Вылйын, пилемтэм лыз инмын, **оген тури** лоба но музъем вылысь гажан кузпалэзлы жингрес куараеныз вазиськылэ* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 165). 'Вверху, в безоблачном синем небе, летает одинокий журавль и своим звонким голосом обращается к своей любимой супруге с земли'. *Тани **оген тури** кеськыса быдэс арамаез сэзъялтйіз* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 178). 'Вот одинокий журавль криком всполошил всю рощу'. *Куд-ог нуналэ гурзэ но ёз эстылы [Зоя], толло шыдзэ шунтыса сие: **оген муртлы** трос-а бен кулэ* (Г. Красильников. Вуж юрт. 164). 'В некоторые дни и печку не топила [Зоя], ест, разогревая, вчерашний суп: одинокому человеку ведь много ли надо'. ***Оген** аядми, кышноез Христос доры вазьгес кошкиз* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пёлы уг йыромо. 131). 'Одинокий человек, жена его рановато ушла к Христу'. *Нюлэс шорысь **оген корка** вуимы* (Е. Самсонов. Зор бере. 18). 'Мы пришли к одинокому дому в середине леса'.

Типологическую параллель употребления разделительного числительного в качестве определения можно провести с использованием подобных конструкций в башкирском языке [ГСБЛЯ 1981: 164].

Таким образом, следует со вниманием относиться к формам слов, образованных от числительных с помощью показателя творительного падежа, ибо, судя по синтаксическим функциям, они относятся к наречиям, и нет необходимости выделять группу дистрибутивных числительных. В случае же с формой *оген, одйген*, которая может употребляться со значением 'одинокий, в одиночестве', нужно обращать внимание, со словом какой части речи она связана, и, уже исходя из этого, квалифицировать ее как наречие или прилагательное.

Форма творительного падежа, таким образом, достаточно часто используется в удмуртском языке для образования наречий от различных категорий числительных. Не стали исключением и порядковые числительные:

Юрттійсьёсыз шоры учкыса, со [Соснов] йырзэ шоналтійз но ачиз нырысетійен вамыштійз усьтыса дасям пияла ёс доры (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 171). 'Посмотрев на своих помощников, он [Соснов] кивнул головой и сам первым шагнул к открытой стеклянной двери'. *Трос уг вераськы [Максим], ачид ке өд вазы, нырысен уз вазы* (Г. Красильников Г. Пырtos. 376). 'Много не разговаривает [Максим], если сам не обратишься, первым не заговорит'.

Адвербиализация наблюдается, как уже отмечалось ранее (см. 2.2.6.2.), и в случае употребления заимствованного из русского языка порядкового числительного *первой* 'первый': *Колхозъёс кылдыку, первой гожтійськиз [Насъта], пыроно-а, өвёл-а шуса өз мога* (Г. Перевошиков. Йыбыртты музьемлы. 35). 'Во время образования колхозов, первой записалась [Настя], вступить или нет – не сомневалась'. *Артист сямен, первой котыръяса кутскиз, пальышаса вазиз* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 61). 'Как артист, сначала ходил вокруг да около, обратился, улыбаясь'. *Первой гинэ интыысьтыд вырзыны шуг вылэм, Павел Игнатъевич* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 93). 'Оказывается, только сначала трудно сдвинуться с места, Павел Игнатъевич'.

2.2.8.2. Другие формы отнумеральных наречий

Если в удмуртском языке более детально рассматривать словоформы, образованные от имени числительного, то можно отметить, что последние весьма продуктивно используются для образования наречий с помощью различных формантов.

Так одной из застывших, не изменяющихся форм числительного *одйг* 'один' является словоформа с лишительным значением *одйгтэм* 'без одного, до единого'. Как правило, в предложении она поясняет сказуемое, отглагольные формы, являясь обстоятельством: *Куара нуьёслэсь туссэс со [Дангыр] одйгтэм тодма ини* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 88). 'Начертание букв он [Дангыр] уже знает все без исключения (букв. без одного)'. *Табере со [Иллари́й поп] гуртьёсын улйсь калыклэсь лыдзэ одйгтэм тодэ ини, книгаосаз нимын-*

тулын пусйылэмын (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 71). 'Теперь он [поп Иллариий] знает численность всех жителей деревень без исключения (*букв. без одного*), имена всех отмечены в его книгах'. *Гуртьёслэсь одйг сэрегнум но уз кыль, гуртын калык вань-а, өвёл-а – уз чаклалэ, пушкаосын ыбылозы, пудо-животэз одйгтэм нуозы* (М. Лямин. Шудбур понна. 104). 'От деревень ни одной головешки не останется, не посмотрят – есть в деревне народ или нет, будут стрелять из пушек, скотину до единого уведут'. *Бырозы ук соос, Григорий, одйгтэм бырозы* (М. Петров. Вуж Мултан. 190). 'Погибнут ведь они, Григорий, до единого погибнут'.

Лишительный падеж в образовании наречий от числительных используется и в коми языке: *өтитöг – ставыс өтитöг* 'все без исключения, до единого' [Федюнева 1995: 114].

Следующей разновидностью наречий, образованных от имен числительных, являются формы с временным значением, образованные с помощью суффиксов *-ой* (со значением 'в течение столько-то дней'), *-ойскын* ('за столько-то дней'): *Куиньмой вöсяськыса улытозязы, сомында калыклы трос сиён-юон кулэ* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 108). 'Стольким людям, которые молятся в течение трех дней, нужно много еды'. *Кыктойскын-куиньмойскын бусыос көня ке көсатскизы на* (П. Чернов. Тулысысен сйзьылозь. 108). 'За два-три дня поля еще немного подсохли'. *Куиньмой улыса, мукет чипыос но көм пушкысьтызы потйллям, азбартй анайзы сьöры бызьыло ни, пе* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 138). 'Спустя три дня, и другие цыплята вылупились из своей скорлупы, уж бегают-де по двору за своей матерью'. *Но куазь салкым улэмен, ужъёс жёсгазы: кизён дасой кыстйське ни* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 113). 'Но из-за прохладной погоды работы задержались: посевная длится уже десять дней'. *Туннала нуналэ кыктойскын книга печатлало ни* (Удмурт дунне. 2006-тй ар, 14-тй ноябрь. 4). 'В сегодняшние дни за два дня уже книги печатают'.

Для выражения значения 'на столько-то дней' к вышеуказанной форме с временным значением добавляется показатель дательного падежа – *-лы*, таким

образом, рассматриваемой конструкцией приобретает дополнительную семантику цели, намерения: *Тон ачид африканской крокодил кадь: одйг пол пуксемад куиньмойлы сиськиськод* (Г. Красильников. Вуж юрт. 290). 'Ты сам как африканский крокодил: за один присест наедаешься на три дня'. *Пук, пук, коть татын ке но шутэтскы. Ужез уд быдты, кулэм берад но куиньмойлы кылёз на* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 147). 'Сиди, сиди, хоть здесь отдохни. Работу не переделаешь, и после смерти еще на три дня останется'. *Одйг чипы, выньёсыз-сузэрёсыз сярысь, куиньмойлы вазьгес вордйськем* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 138). 'Один цыпленок, по сравнению со своими братьями-сестрами, родился раньше на три дня'.

Наречия, образованные с помощью суффикса *-ой*, могут употребляться и в сочетании с послелогом *ёоже* 'в течение': *Шайгу вылысь кадь пу кирокыктой ёоже солэн [Камай Онтонлэн] жезы аяз сылйз* (М. Петров. Вуж Мултан. 161). 'Деревянный крест, похожий на крест с кладбища, стоял перед его [Камай Онтон] воротами в течение двух дней'. *Агай куиньмой ёоже дорын улйз на, паспорт басьтйз* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 197). 'Брат еще в течение трех дней был дома, получил паспорт'. *Куинь тракторёс куиньмой ёоже дас тямыс гектар гыриллям* (Г. Архипов. Лудзи шур дурын. 257). 'Три трактора за три дня вспахали восемнадцать гектаров'.

С наречиями соотносима и форма, образованная от усеченной формы числительного *одйг* 'один' *ог* с помощью форманта *-нын*: *огнын* 'в одиночку'. В предложении эта форма также чаще всего поясняет сказуемое и также является обстоятельством: *Огнын, пе, венез но жутыны секыт, нош дэмен, огья кужымен гурезез но берыктод* (Г. Перевошиков. Тодды куака. 555). 'В одиночестве-де и иголку поднять трудно, а вместе, общими силами и гору перевернёшь'. *Дорам огнын, татын огнын* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 80). 'Дома в одиночестве, здесь в одиночестве'. *Огнын мёзмыт* (С. Ширококов. Чукдор. 24). 'Одному грустно'.

Наречием, образованным от числительного *одйг* 'один', является также форма *огенак* 'в одиночку'. Если рассмотреть это слово, то можно отметить,

что оно образуется с помощью суффиксов *-ен-* и *-ак*, которые являются деривационными суффиксами наречий [ГСУЯ 1962: 307]: *Ма кызыбы-о шум уд поты: Антонина Петровна лэн огенак будэм нылыз сыче өрзилы бызе бере* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 225). 'Ну как не радоваться, раз выросшая в одиночку дочь Антонины Петровны выходит замуж за такого орла'. *Огенак лобись муш кузёезлэн пурьыстам тушаз дэмже ке, пересь мушкась сое кияз басьтэ но адямиен кадь вераське* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 38). 'Если летящая в одиночестве пчела запутывается в поседевшей бороде своего хозяина, старый пчеловод берет её в свою руку и разговаривает, как с человеком'.

Это же слово может адъективироваться, в предложении выступая в качестве определения: *Улйын, кыдёкын, мышке кылё кизем бусыос, арамаос но шуръёс, гуртъёс но тэль шорын сылйсь огенак юртъёс, машинаос но адямиос* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 192). 'Внизу, вдалеке, позади остаются засеянные поля, рощи и леса, деревни и расположенные в лесу одинокие дома, машины и люди'. *Пуксёз Сима укно дуре но учкыса мыноз, кызыбы паськытэсь кыръёс бергаса-бергаса ортчо, огенак гуртъёс, мең жэужыт гурезьёс* (Е. Самсонов. Зор бере. 120). 'Сядет Сима к окну и будет смотреть, как кружась проходят широкие степи, одинокие деревни, крутые высокие горы'.

Следующая словоформа, образованная от числительных, но по своим признакам относящаяся к наречиям, является образование от порядковых числительных с помощью выделительно-указательных суффиксов в форме винительного падежа *-зэ (-сэ)*, имеющее значение 'в такой-то раз': *Куинетйзэ вазиськисько ини — кылэм уд кариське* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 176). 'Обращаюсь уже в третий раз – вы не слышите'. *Радин Катяз куиньметйзэ чупаз* (М. Коновалов. Вурьысо бам. 27). 'Радин поцеловал Катю в третий раз'. *Адями пересьме ке, вунэтэ-а, мар-а аслэсьтыз пинал дырзэ, уг тоды ни, лэся, нырысьсэ яратыны кутскемзэ* (Г. Красильников. Пыртос. 377). 'Когда человек стареет, похоже, забывает свою молодость, видимо, не помнит, как первый раз

влюбился'. Али солы **нырысьсэ** кыдыдэс вылын кадь адскиз колхозлэн куанермон мугез но, Чипеевлэн йӧвалег вылэ шедьыса гурезь улланы гылземез но (Г. Перевощиков. Йыбыртты музеймлы. 44). 'Сейчас ему в первый раз как на ладони стали видны и причина обеднения колхоза, и соскальзывание оказавшегося на льду Чипеева вниз под горку'.

Наречия, образованные от порядковых числительных со значением 'в такой-то раз', выделяются в венгерском языке: *heted-ik* 'седьмой', *heted-szer* 'седьмой раз' [Майтинская 1976: 402].

Подводя итоги данного раздела, можно отметить следующее:

а) в удмуртском языке нет необходимости выделения отдельной группы разделительных (дистрибутивных) числительных;

б) от имен числительных достаточно продуктивно с помощью различных суффиксов образуются наречия, которые представляют собой застывшие формы числительных в том или ином падеже (*оген-кыкен* 'по одному-по два', *ныылетсэ* 'в четвертый раз'), или же это формы, образованные с помощью деривационных суффиксов (*куиньмой* 'в течение трех дней', *кыктойскын* ('за два дня')).

Глава 3. Синтаксис имени числительного

3. 1. О синтаксических функциях имен числительных удмуртского языка

Имя числительное в удмуртском языке обладает рядом специфических морфологических черт, отличающих ее от других частей речи. Но общая картина о числительном как о знаменательной части речи окажется неполной без описания его синтаксических функций, без учета того, как ведет себя имя числительное в составе словосочетания, целого предложения, в связи с другими членами предложения (хотя нередко нами при выявлении принадлежности к той или иной части речи слов, образованных от числительного, учитывался и синтаксический признак, иной раз он оказывался чуть ли не ведущим), какие особенности сближают его с другими частями речи, и что именно является специфическим.

Среди данных синтаксических особенностей прежде всего необходимо отметить то, что имя числительное весьма свободно и последовательно может выступать в роли всех членов предложения, как главных, так и второстепенных.

3.1.1. Числительное в роли подлежащего

Числительное в роли подлежащего чаще всего выступает, когда стоит самостоятельно, определяемое существительное лишь подразумевается, или же когда ведется обычный счет. Подлежащим может быть как количественное, так и порядковое числительное: *Озыы ке но, одйгез но пыдес йылысьтыз уг султы* (Р. Валишин. Тӧл гурезь. 55). 'Даже так ни один не встает с колен'. *Уд вала адями сюлэмез: малы со куд-огзэ адӟонтэм каре, мукетсэ гажса, нош куиньметйез со понна вань-а, өвӧл-а – номыр кадь уг поты* (Р. Валишин. Тӧл

гурезь. 61). 'Не поймешь человеческое сердце: почему оно некоторых ненавидит, другого уважает, а третий для него существует или нет – ему все равно'. *Дас одйг гурт. Соос пöлысь сизыьмез Тылошурлы воксё палэнэ пуксьылэмын* (С. Самсонов. Дыдыкьёс бус пöлы уг йыромо. 13). 'Одиннадцать деревень. Из них семь расположены совсем в стороне от Тылошура'. *Куамын кык лэсьтйськисьёс но соослы юрттыны висьямьёс пöлысь дас ньылез ёшатскон договор гожтйзы* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 42). 'Тридцать два строителя и четырнадцать из числа выделенных им помощников подписали договор о соревновании'. *Алигес Гарасьлы дас сизыым тырмиз* (Е. Загребин. Тулыс зор. 326). 'Недавно Герасиму исполнилось семнадцать'.

Как видно из примеров, в ряде случаев числительное-подлежащее оказывается с выделительно-указательным суффиксом, т. к. оно замещает конкретное существительное или же определенное число (группу, совокупность) тех или иных предметов (из множества подобных): *Первойыз ёушка, кыкетйез вöя, нош куинетйез ваньзэ одйг тусьем каре* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 18). 'Первая подпаливает, вторая подмасливает, третья все делает на одно лицо'. *Огвакыт соос кыкназы чал-чал пукизы: одйгез – дырын-дырын вушйылыса, нырзэ кыскаса* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музьемлы. 117). 'Одно время они оба посидели молча: один – время от времени зевая, шмыгая носом'.

Абстрактное числительное, свободное от имени существительного, имеет возможность быть подлежащим и в коми языках: кз. *Дас юксё кык вылö*. 'Десять делится на два' [Кя 1998: 223]; кп. *Дас оз янсöтсьы куим вылö остатоктöг*. 'Десять не делится на три без остатка' [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 35)]. Замещая опущенное имя существительное и выступая в качестве подлежащего, числительное в коми-пермяцком языке также употребляется и в маркированной форме с *-а* (данный показатель возможен и с заимствованными из русского языка числительными): *Пятнадцать морт уджалисö, а двенадцатя шоччисисö*. 'Пятнадцать человек работали, а двенадцать отдыхали'.

3.1.2. Числительное в роли сказуемого

Числительное в роли сказуемого может употребляться как в сочетании со вспомогательным глаголом, так и без него. Рассматривая порядок слов в предложении, сказуемым которого является имя числительное, можно обнаружить тенденцию расположения числительного-сказуемого в конце предложения: *Асьсэ санаториын кино возматов, нош военнойёслэн залзы **кык**: коть киное пыр, коть танеце* (С. Самсонов. Гожтйсько тыныд – сопал дунее. 58). 'В их санатории показывают кино, но у военных два зала: хоть в кино заходи, хоть на танцы'. *Нош пияшлэн лул-сюлэм – югыт бабля пилемъёс вылын, малпан **одйг**: эшио, эшио* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 22). 'А настроение у мальчишки – на светлых пушистых облаках, мысль одна: еще, еще'. *Тодйськоды-а, пе, малы адямилэн ымыз **одйг луэ**, кыиз но пельыз – **кык*** (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 61). 'Знаете-де, почему у человека рот один бывает, рук и ушей – два'. *Соослы, строительстволэсь самой секыт но бадзым ужъёссэ быдэсьясъёслы, уй но нунал но **одйг**: йыррьё, гудо, вортто сюез* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 139). 'Им, выполняющим самые трудные и большие дела строительства, и день и ночь одна: грызут, копают, возят землю'. *Врач азын котькудйз адями **одйг луыны кулэ**, висёнлэн рангъёсыз өвёл* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 142). 'Перед врачом все люди должны быть одинаковыми, у болезни нет рангов'. *Удмуртиысь пияш **кыкетй луиз**, нош куинетй интые потйз Татарстанысь Ильмур Закиров* (Удмурт дунне. 2007-тй ар, 28-тй август. 5). 'Мальчик из Удмуртии стал вторым, а на третье место вышел Ильмур Закиров из Татарстана'. *«Яратйсь муртлэн синмыз **сизьым**», – юнме вераллянтэ, дыр* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 75). '«У любящего человека глаз семь», – вероятно, не зря сказано'.

Оказываясь в качестве сказуемого, имя числительное в удмуртском языке не приобретает никаких специальных маркеров, чаще всего лишь позиционно оказывается в конце предложения, такое же явление наблюдается и в марийском языке: *Иванын йочаже **нылыт***. 'У Ивана детей четверо' [СМЯ

1961: 121]. В коми-пермяцком языке числительное, выступающее в позиции сказуемого, приобретает суффикс *-а (-я)*, показывающий итоговый счет [Кривощекова-Гантман 1985 (по: 2006: 121)]: *Велӧтчиссез классас **тридцатя***. 'Всего учеников в классе тридцать'.

Заметим, что в удмуртском языке отсутствует согласование подлежащего со сказуемым-числительным и в грамматическом числе, в коми-пермяцком можно отметить и данное явление, что еще больше сближает коми числительное с именем прилагательным: *Нія вӧлісӧ **витаӧсь***. 'Их было пятеро'. *Быдӧсыс курӧггес **пятнадцатяӧсь***. 'Всего куриц пятнадцать' [Кривощекова-Гантман 1956 (по: 2006: 33)].

Что же касается порядка расположения числительного коми языка по отношению к имени существительному, то перестановка местами (а именно расположение в позиции после существительного) приводит лишь к изменению смысла словосочетания – приобретения значения приблизительного количества, но не влечет изменения синтаксической функции числительного, как это происходит в удмуртском языке: *керку вит* 'приблизительно пять домов', *кольть квать* 'около пяти яиц', *лун нӧль* 'дней пять': *Гарьямӧ **метр кык** пыдына ыджыт яма*, – *висьталіс инженер аслас решение йылісь*, – *лӧдзам сэтчӧ сруб*. 'Выкопаем глубиной приблизительно два метра большую яму, – сказал инженер о своем решении, – спустим туда сруб' [Кривощекова-Гантман 1967 (по: 2006: 71)].

3.1.3. Числительное в роли определения

Числительное достаточно часто выступает в качестве определения: *Будӧсь нылаш но, анаезлэн мадемезъя, син аяз пуктыны кутскиз атаезлӧсь **кызетӧ** арӧсы кызыы быремзэ* (Р. Валишин. Тӧл гурезь. 15). 'И подрастающая девочка, по словам матери, начала представлять, как погиб ее отец в двадцатые годы'. *Одӧг гуын **кык** гондырӧс уг уло* (Е. Загребин. Тулыс зор. 10). 'В одной яме два медведя не живут'. *Одӧг пересь туж шонер верам вылэм*: «*Зеч улэмед*

потэ ке, чиган валэз эн басьты, кышноедлэсь кылзы но, ас сяменыд лэсьты, шузиосын эн герзаськы» (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 152). 'Один старик, оказывается, очень правильно сказал: «Если хочешь жить хорошо, не покупай лошадь у цыгана, слушайся жену, но делай по-своему, с дураками не связывайся»'.

Являясь определением имени существительного, числительные нередко принимают выделительно-указательный суффикс, и в этом случае наблюдается полное согласование определяемого с определением: *Кыкысьтыз ик возысь мешокъёс гуэ тыремын* (Р. Валишин. Төл гурезь. 9). 'Из обеих повозок мешки сложены в яму'. *Озыы шуэ педтехникумысь одйгез дышетйсьсы* (Р. Валишин. Төл гурезь. 62). 'Так говорит один их учитель из педтехникума'. *Огзэ педалез зйби, мукетсэ – машина вырзиз* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пёлы уг йыромо. 26). 'Одну педаль нажал, другую – машина тронулась'. *Пыдын ветлонъяз ветлонъяз учке но – огаз вашкала урамын Паустовскийлэсь вань томъёссэ кыре поттыса вузало* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 16). 'Ходил-ходил пешком, смотрит – на одной из старинных улиц продают все тома Паустовского'.

Согласование можно наблюдать и в случае употребления существительного с послелогом, выражающем пространственное отношение. В таком случае числительное, определяя существительное, больше грамматически зависимо от семантики послелога: *Одйгаз дёды бёрсы думемын вал Дэмдор Кымыс но* (Р. Валишин. Төл гурезь. 105). 'За одними санями привязан был и Дэмдор Кымыс'. *Яке нульёс борды кортчоогъёс йыгано, собере нюлэскысь одйгаз, Аркашлэн самой яратоно, чем ветлоно сюрес вылаз кельтоно* (Н. Самсонов. Адзон. 65). 'Или к доскам прибить гвозди, затем оставить на одной самой любимой Аркадием дороге, по которой он часто ходит'. *Одйгысьтыз корка бордысь Фаина адзиз виль киноплакатэз* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 166). 'На одном из домов Фаина увидела новый киноплакат'. *Вож буюм капкалэн юбо йыльёсаз куиняз ик левъёс; соос азь пыдъёссэс азьлань куштыса, кузь изнэсо йыръёссэс өжыт кырыж возыса*

кыллѣ (М. Петров. Вуж Мултан. 243). 'На всех трех столбах выкрашенных в зеленый цвет ворот лвы; они лежат, раскинув вперед передние лапы, немного скривив длинногривые головы'.

Числительное может быть определением не только нарицательного, но и собственного имени существительного: *Галя валатскиз, малы нылъѣслэсь бѳрсяз лыктэмзэс: татын соос куинь Галяос вылѣллям* (Г. Мадьяров. Аналтэм сяська. 49). 'Галя поняла, почему девочки шли за ней: оказывается, их здесь было три Гали'. *Зэмен но. Огез Иськан кошкиз, зучодем Иськанэз вуиз* (В. Ар-Серги. Тулкымъѣс вылын – пыжед. 148). 'И правда. Один Иськан уехал, обрусевший Иськан приехал'. *Кык Иськанъѣслэн яратонзы одѣг вылэм* (В. Ар-Серги. Тулкымъѣс вылын – пыжед. 140). 'У двух Иськанов любовь была одна'. *Гавилэн одѣг Нюркаез вань, Нюркалэн – одѣг Гавиез* (Н. Самсонов. Агбай. 269). 'У Гави есть одна Нюрка, у Нюрки – один Гави'.

Как бы парадоксально это не звучало, но имя числительное может быть определением и отнумеральных слов, иными словами с количественной стороны характеризовать слово, выражающее некое количество. Определяемое слово в таких случаях абстрагируется, субстантивируется: *Лѣял вылэ пуксьыса, аттестатме поттѣ. Отын кык «нылез»* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 102). 'Усевшись на пенек, достал свой аттестат. Там две «четверки»'. *Бойков но пыриз, картаен шудэмысь дугдѣз но одѣг «вить» басьтѣз со, озьы кызь балл люказ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 122). 'И Бойков поступил, перестал играть в карты и получил одну «пятерку», так набрал двадцать баллов'.

3.1.4. Числительное в роли дополнения

Имя числительное выступает в предложении в качестве дополнения, когда замещает имя существительное, или при счете, каких-либо вычислениях: *Собере со пасьталазэ огазе ватса но куиньлы люк* (Р. Валишин. Тѳл гурезь. 45). 'Затем эту ширину сложи воедино и раздели на три'. *Соин ик огезлы но кыкезлы мыло-кыдо вазиське [Тагир]* (Р. Валишин. Тѳл гурезь. 68). 'Поэтому к

одному и второму радостно обращается [Тагир]'. *Куиньметйэ* нокинлы уг сёто на (Г. Медведев. Бадзым нунал. 126). 'Третий пока никому не дают'. *Армие кошкыкум, кыксэ мертто* (Е. Загребин. Тулыс зор. 9). 'Когда буду уходить в армию, два посажу'. *Кузпалъёс Алексеевъёс егитэсь өвёл ини – кыксылы ик ньыльдонлэсь орчемын, дыр* (Р. Валишин. Тёл гурезь. 76). 'Супруги Алексеевы уже немолодые – обоим, наверное, больше сорока'. *Кыксэ быдэстыны удалтоз, дыр. Куинетйеныз вот герзаськи но ноказыы люкиськыны уг быгатйськы* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 152). 'Два, наверное, удастся закончить. Вот с третьим связался и никак не могу расстаться'. В коми языке: *Дасёс юкёй кык вылө*. 'Десять разделите на два' [Кя 1998: 223].

3.1.5. Числительное в роли обстоятельства

Числительное оказывается в предложении в роли обстоятельства, выступая в форме местных падежей: *Братцы-кролики, одйгысь гинэ жэузылом, тусьты-тйрлык миськыны ву өвёл* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пёлы уг йыромо. 150). 'Братцы-кролики, будем хлебать из одной, посуду мыть воды нет'. *Нош Павел Игнатъевич тодэ – куатьтонысь кемалась потэмын ини [Савелий Никифорович]* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 13). 'Но Павел Игнатъевич знает – уже давно ему [Савелию Никифоровичу] за шестьдесят'. *Уждунмес толэяз кызь витёзь, собере дас витёзь кулэстйм* (Г. Перевощиков. Йыбыртты музъемлы. 42). 'Заработную плату в месяц сократили (мы) до двадцати пяти, затем до пятнадцати'. – *Кöня час? – Куине мынэ, – часэзлэсь жэуась стрелкаоссэ учкиз Гриша* (В. Ар-Серги. Тулкымъяс вылын – пыжед. 31). '– Сколько времени? – Третий пошел, – Гриша посмотрел на светящиеся стрелки своих часов'. *Нырысь укно – кезыт куртчонъяс, кыкетйяз – шыд, куинетйяз – сйлын пöрам, жук но мукет, басьтйськод мылкыд каремедъя, ньылетйяз – маке но ческытэз – компот, кофе, чай* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 31). 'Первое окно – холодные закуски, во втором – суп, в третьем –

мясное, каша и другое, берешь по своему желанию, в четвертом – что-нибудь из сладкого – компот, кофе, чай’.

Довольно часто числительное, маркированное притяжательным суффиксом, выступая в роли обстоятельства, выражает возраст: *Мон витьтон витьям выжыса но асме егит шуисько* (П. Чернов. Тулысысен сйзыбылозь. 26). ‘Даже в свои пятьдесят пять (букв. ‘перейдя в мои пятьдесят пять’) я называю себя молодым’. *Їапак тий ёз гинэ вылэм ай соку Сандыр, дас витьсэ тырмытыса, дас куатяз гинэ потэм* (Г. Перевощиков. Ёыбыртты музьемлы. 124). ‘Как раз вашего возраста был тогда Саша, пятнадцать исполнилось, шел только шестнадцатый год (букв. перешел в свои шестнадцать)’. *Кызыы уд пукы, пие, кызыы уд пукы. Тямыстон укмысэтийям потий ини, тямыстон укмысэтийям* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 104). ‘Как не сидеть, сынок, как не сидеть. Мне уже пошел восемьдесят девятый, восемьдесят девятый’.

Таким образом, в синтаксическом отношении числительные удмуртского языка характеризуются тем, что они обнаруживают возможность различного сочетания с другими словами, при этом также принимать все допустимые формы падежной системы удмуртского языка (см. 2.2.2.) и в связи с этим могут являться различными (как главными, так и второстепенными) членами предложения.

3.1.6. Вводные слова

Кроме всего прочего, нельзя упускать из виду и то, что порядковые числительные достаточно часто выступают в качестве вводных слов, семантически выражая порядок изложения, мыслей, доводов: *Вот ма. Нырысь ик, мон туннэ бригадир интые кылемын. Тод кинэн вераськемдэ. Кыкетйез, милемлы лекция лыдзыны од ке лыкты, мын складэ* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 30). ‘Вот что. Во-первых, я сегодня остался вместо бригадира. Знай, с кем разговариваешь. Во-вторых, если не лекции нам читать пришел, иди на

склад'. *Нырысь ик, лач-лач пуктылон сярись сюлмаськиськод. Кыкетйез, октон сярись сюлмаськоно* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 125). 'Во-первых, заботишься о плотной кладке. Во-вторых, нужно позаботиться о сборе'. *Нырысь ик, куштйськоно луоз музьемез арендае басьянлэсь; кыкетйез, уш кошкымон (паймымон) чебер ужсти будэтйид, пие* (Е. Афонин. Йырмурт. 102). 'Во-первых, нужно будет отказаться от аренды земли; во-вторых, ты вырастил удивительно красивого жеребца, сынок'. *Нырысь ик, тросэзлы киязы пычал кутано луоз. Кыкетйез, татчы кылемъёсыз фронтэ мынэмъёслэсь но ужзэс быдэсьяно луозы* (Т. Архипов. Луджи шур дурын. 13). 'Во-первых, многим придется взять в руки ружье. Во-вторых, оставшимся здесь придется выполнять и работу ушедших на фронт'.

3.2. Числительное в составе сложного слова

Еще одна деталь, которую необходимо учитывать при определении синтаксической роли имени числительного в предложении – это возможность числительного оказываться одним из компонентов сложного слова. Здесь возможны различные подходы и трактовки, ибо в настоящее время по правилам удмуртского правописания встречаются как слитно-оформленные, так и раздельно-оформленные сложные слова. Что касается последних, то в большинстве случаев они все-таки чаще всего воспринимаются как словосочетания, так как именно словосочетание в данном случае является исходной единицей для образования сложного слова. В удмуртском языке этот вопрос является актуальным и спорным, в последнее время исследователи всерьез задумались о подобных конструкциях. Так Д. А. Ефремов, рассматривая прилагательные-композиции подчинительного типа, приходит к выводу, что сложные слова типа *куиньяресъем* 'трехлетний' целесообразнее писать слитно [Ефремов 2004: 83].

Тому, что подобные конструкции являются именно сложными словами, а не словосочетаниями, исследователь приводит достаточно убедительные доказательства, выделяя следующие особенности прилагательных-комполит¹⁷:

1. «Цельнонаправленность», т. е. элементы комполит обозначают одно целостное лексическое значение, каждый компонент конструкции не характеризует один и тот же предмет по отдельности, а только в совокупности: *Нош ньылдон аресъем казакныллэн возжпотонэз сьлтöллэсь но кужмогес вылэм* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 17). 'А злость сорокалетней незамужней женщины оказалась сильнее бури'. *Та фонарь пиялалэсь ньыль сэрго ящик выллем лэсьтэмын* (Р. Валишин. Төл гурезь. 107). 'Этот фонарь сделан из стекла как четырехугольный ящик'.

2. «Взаимообусловленность и взаимопроникновение» сегментов, в силу чего невозможно опустить какой-либо компонент без потери смысла и цельности слова: *Улэ со [Урванцев] туэ гинэ пуктэм куать сэрго, бадзым коммунальной коркан* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 80). 'Живет он [Урванцев] в построенном в этом году пятистенном большом коммунальном доме'. *Специалиситъёслы, механизаторъёслы но егит кузпальёслы ньыль квартирай кык корка пуктэмын* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 7). 'Специалистам, механизаторам и молодым супругам построено два четырехквартирных дома'.

3. «Синтаксическая цельность» – компоненты сложного слова не могут выступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами и в предложении выступают как один член: *Кирпич гид кык люкето, соосыз улыно-вылыно юрт герза* (П. Чернов. Тулысысен сйзъылозь. 42). 'Кирпичный хлев из двух отделений, их связывает двухэтажное здание'. *Куинь кузя пуко: Зоя куинь аресъем нылыныз татчы вуэм* (Р. Валишин. Төл гурезь. 60). 'Сидят втроем: приехала Зоя со своей трехлетней дочерью'. В первом предложении рассматриваемая конструкция является сказуемым, во втором – определением.

¹⁷ Подбор примеров осуществлен нами в соответствии с тематикой нашего исследования.

Кроме всего прочего, Д. А. Ефремов отмечает наличие одного самостоятельного силового ударения, мотивированность сложного слова соответствующим словосочетанием и наличие типологически похожих сложных слов в различных языках, в которых при этом и в правописании наблюдается слитно-оформленность.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что имя числительное выступает в качестве одного из сегментов сложного прилагательного, компоненты которого воспринимаются как единое целое, а не в качестве отдельных элементов. Раздельное написание подобных конструкций лишь влечет за собой возможные разночтения в смысловом отношении, к примеру: *Дас куать аресьем пиосыз военной ужлы дышетыны капчи өвөл* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 93). 'Шестнадцатилетних мальчишек нелегко обучать военному делу'. *Соин артэ дас ньыль этажен юртъёс сыло* (В. Смирнов. Будобадяръёс. 112). 'Рядом с ним стоят четырнадцатизэтажные здания'. Раздельное написание и отсутствие контекста дает вполне обоснованный грамматический повод перевести данные предложения следующим образом: 'Шестнадцать годовалых мальчишек нелегко обучать военному делу' или 'Десять шестилетних мальчишек нелегко обучать военному делу'; 'Рядом с ним стоят десять четырехэтажных зданий'. Именно слитное написание могло бы избавить нас от подобных разночтений и возможных недоразумений в переводах удмуртских текстов на другой язык.

Данные конструкции, подобно большинству имен прилагательных, имеют также тенденцию к субстантивации, выступая в предложении в таком случае в качестве подлежащего, дополнения: *Со уин вуизы ук ньыль пыдоосыд* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 116). 'Той ночью появились эти четвероногие'. *Витьтон аресьёсыз но луыло* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 54). 'Бывают и пятидесятилетние'. *Давай, браток, бертэм поннад огзэ коть аслэсьтыдзэ, вить кизилиёзэ, пукты, тон понна юом* (С. Самсонов. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо. 52). 'Давай, браток, за свое возвращение одну хоть свою, пятизвездочную, поставь, за тебя выпьем'. *Кышкыт адыми, кык ымныроосын*

пумиськылонлэсь Инмар мед утёз вал (Е. Афонин. Йырмурт. 136). 'Страшный человек, упаси Бог встретиться с двуликими'.

Все рассмотренные конструкции образуются по модели числительное + существительное (в большинстве случаев оно оказывается маркированным показателями *-o(-ё)* или *-ем*). Суффиксация в подобных случаях также влечет за собой слитное написание, что отмечают, к примеру, в правописании финских сложных прилагательных: «*Jos sanaliittoon (kokonaisuutena) liittyy johdin tai yhdyssanan jälkiosa, jää sananväli pois*»¹⁸ [Kola 2000: 110]. В целом, перед нами оказывается следующая картина: образованное первоначально словосочетание, первым компонентом которого является числительное, вторым – существительное, типа *куинь арес* 'три года', подвергается суффиксации с образованием сложного прилагательного – *куиньяресъем* 'трехлетний'. Таким образом, словообразование происходит по модели (числительное + существительное) + суффикс *-o(-ё)* или *-ем*.

Происходит лексикализация данных словосочетаний, и они приобретают одно целостное, неделимое значение, соответственно, и в предложении они имеют одну и ту же синтаксическую функцию.

Рассматриваемый вопрос (слитное или раздельное написание сложных прилагательных) кажется вполне разрешимым в пользу первого мнения, если брать во внимание правописание сложного прилагательного, первым компонентом которого является простое имя числительное, а вторым – имя существительное, как в примерах, приведенных выше. Несколько интереснее оказываются случаи, когда первым компонентом подобных конструкций выступает сложное, составное имя числительное или, к примеру, числительное приблизительного значения: *Ми солэн (анайлэн) дас ньыль-дас вить аресъем сюзэреныз гинэ кылиськеммы* (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 92). 'Мы, оказывается, остались только с ее (мамы) четырнадцати-пятнадцатилетней младшей сестрой'. *Ос ваяк усътйське но, быг-быг мугоро, ог куамын аресъем*

¹⁸ Если к словосочетанию (в целом) добавляется словообразовательный суффикс или окончание сложного слова, промежуток между словами стирается.

кышномурт пыре (Р. Валишин. Төл гурезь. 72). 'Дверь настезь распаивается, и входит полнотелая женщина лет тридцати'. *Тыро шукод бере, талы коть мар но со басьяны яралоз, – ог тямьс-укмыс аресъем пиез пала йырыныз шонтйз со* (Г. Перовощиков. Сюлэмтэм дунне. 94). 'Раз говоришь, что будешь платить, хоть пригодится на покупку чего-либо для этого, – кивнул он в сторону сына восьми-девяти лет'. *Урдэсказ жсамак уйертыса, Нюра адзиз: вөзас ог дас – дас ньыль аресъем кык пияшъёс сыло* (Г. Перовощиков. Сюлэмтэм дунне. 23). 'Мельком взглянув в сторону, Нюра увидела: рядом с ней стоят двое мальчишек лет десяти-четырнадцати'. *Гуртысь укмыстон процентэз дас ньыль – дас тямьс аресъем егитъёс со понна гинэ уло, дыр* (Е. Панфилова. Мумы. 9). 'Девяносто процентов деревенской молодежи четырнадцати-восемнадцати лет только для этого и живут, наверное'.

В финском языке: *ajaa seitsemää–kahdeksaakymppiä* [ISK 2005: 418]. "Kirjoituksessa summayhdysosan osia voi kytkeä paitsi yhdys- tai ajatusviivaa myös vinoviiva, esim. *joko/tai -kysymykset*"¹⁹.

Возможно, такой подход к правописанию сложных прилагательных рассмотренного типа оказался бы подходящим и удмуртскому языку: числительные, находящиеся в равноправных отношениях к определяемому слову, писать через косую черту, и через дефис прибавлять существительное, имеющее соответствующие суффиксы: *куинь/ньыль-аресъем* 'трех-четырёхлетний', *огсизъым/тямыс-аресъем* 'примерно семи-восемилетний', *даскык/дасньыль-этажъем* 'двенадцати-четырнадцатиэтажный'.

Имя числительное может оказаться также и в составе глаголов, отглагольных слов – сложных слов, состоящих из двух компонентов: числительное + существительное. Вербализация словосочетания происходит при одновременном присоединении глагольного суффикса *-яськ-*: *Бен оgez но озьы öз ветлы ини – ньыльпыдьяськыса гинэ, вераськыны но шыпыртыса сяна*

¹⁹ В правописании части сложного слова могут быть соединены кроме дефиса и тире также косой линией, например: *joko/tai -kysymykset*.

өз вераське (П. Чернов. Тулысысен сйзылыозь. 7). 'Да ни один уже так не ходил – только на четвереньках, да и разговаривали уже только шепотом'. *Кыкыдыяськемез бере, шонертйськытэк ик, аядми, киосыныз чабкылыса, дйськутсэ сузяны выриз* (Чернов П. Тулысысен сйзылыозь. 26). 'После того, как встал на обе ноги (букв. одвуножился), так и не выпрямившись, человек, похлопав руками, постарался почистить одежду'.

3.3. Имя числительное и категория числа

Категория числа и имя числительное. И в том и в другом случае, бесспорно, речь идет о каком-либо количественном обозначении в сложнейшей системе языка. Соотносимы ли эти понятия в удмуртском языке? Как они соприкасаются друг с другом? Возможно ли рассмотрение двух этих понятий в единстве?

Категория числа, как отмечает В. М. Никитевич [1963: 52], представляется достаточно «прозрачным» грамматическим явлением, обобщенно отражающим реальные различия между одним предметом (явлением) и их множеством.

Число – грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли [ЛЭС 1990: 583]. Категория числа в любом языке представляется грамматическим признаком, обобщенно отражающим реальные различия между одним предметом (явлением) и их множеством. Таким образом, наиболее простой структурой категории числа является бинарная, в которой и наблюдается яркое противопоставление единичности и множественности. Кроме того, достаточно большое количество языков обнаруживают в своей системе еще и двойственное число.

Грамматическая категория числа в современном удмуртском языке также является бинарной. Обе эти формы в современном языке могут быть представлены в сочетании имени существительного с числительным, при этом одно и то же числительное может быть определением как к существительному

во множественном, так и в единственном числе. К примеру, в мордовских языках мы наблюдаем несколько иное явление: числительные от 2 до 10 требуют формы множественного числа существительных, остальные – единственного числа: эрз. *Панжадо платформанть лангсо кавто танкат*. 'На открытой платформе два танка'. *Эзь марявгак, кода чиизе кемгавксово вайгельбенть*. 'Не заметил даже, как пробежал восемнадцать километров' [ГМЯ 1980: 247]. Хотя, как отмечают исследователи, это правило «не соблюдается в фольклоре»: *Кемгафтува братт, лемсненок аф фкат, тевсненок аф фкат*. 'Двенадцать братьев, и имена разные, и дела разные' [Липатов 1988: 92].

Удмуртский язык не является единственным в параллельном и равноценном использовании подобных комбинаций, ибо, как отмечают исследователи, «in some languages, numerals may modify singular nominals, rather than plurals»²⁰ [Hurford 1987: 153].

Соответственно, один из вопросов, который будет рассмотрен в этой главе – это число имени существительного в сочетании с числительным. Другой вопрос, который назревает в связи с этим, – выделяется ли категория числа у имени числительного, как бы парадоксально это не звучало?

3.3.1. О числе имени существительного в сочетании с числительным

В сочетании с количественным числительным в удмуртском языке, как показывают наблюдения и подчеркивают большинство источников, существительные могут стоять как в единственном, так и во множественном числе: *Милям гуртысьтымы Съод Ондыръян шуэм сямен, кык луд кеч съöры эн уиськы, огзэ но уд куты* (Архипов Т. Адымилэн чеберез. 174). 'Как говорит Съод Ондыръян из нашей деревни, не гонись за двумя зайцами, ни одного не поймашь'. *Ньылез койкаос бушесь, витетйез вылын урдсйн кылле кыче ке*

²⁰ В некоторых языках числительные могут определять имена в единственном числе, так же как и во множественном.

адями (Красильников Г. Арлэн кутсконэз. 20). 'Четыре кровати свободные, на пятой на боку лежит какой-то человек'. *Логиновлы кык артысь комнатаосты висъязы* (Архипов Т. Адымилэн чеберез. 150). 'Логинову выделили две соседние комнаты'. *Куинь нунал но куинь уй вামышъязы* (Самсонов Е. Уй пал симфония. 52). 'Три дня и три ночи шагали (они)'. *Тямыстон кык егит пиос но нылъёс, тямыстон кык врачъёс* (Красильников Г. Арлэн кутсконэз. 85). 'Восемьдесят два молодых человека и девушек, восемьдесят два врача'.

Частотность употребления существительного в единственном и во множественном числе в сочетании с количественным числительным можно представить в таблице (данные получены методом сплошной выборки):

Таблица 2.

Источники	Чис. + сущ. в ед. числе	Чис. + сущ. во мн. числе	Числ.+прил.+сущ. в ед. числе	Числ.+прил.+сущ. во мн. числе
Господа нашего... 1877	92 % (61)	8 % (5)	80 % (4)	20 % (1)
Munkácsi Bernát... 1896	81% (107)	19 % (26)	41 % (5)	59 % (8)
Кедра Митрей. Секыт зйбет.	81% (105)	19 % (24)	20 % (2)	80 % (8)
Лямин М. Шудбур понна.	81% (123)	19 % (28)	37 % (3)	63 % (5)
Петров М. П. Вуж Мултан.	73% (318)	27% (117)	6 % (1)	94 % (14)
Красильников Г. Д. Тонэн кылисько.	86 % (94)	14 % (15)	-	100 % (5)
Архипов Т. А. Адымилэн чеберез.	69% (184)	31 % (81)	-	100 % (18)
Самсонов Е. Уй пал симфония.	75% (334)	25% (110)	26 % (4)	74 % (22)

Пукроков Ф. Кизили ныл.	83% (153)	17 % (32)	20 % (3)	80 % (12)
В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед.	65% (117)	35 % (63)	-	100 % (12)
Романова Г. Жужыт- жужыт гурезе.	86% (113)	14 % (19)	-	100 % (4)
Итого:	73 % (1731)	27 % (647)	15 % (22)	85 % (127)

Таким образом, исходя из полученных данных, в удмуртском языке существительное в сочетании с числительным в большей степени (73 %) употребляется в единственном числе, хотя со временем широкую распространенность получает и модель числительное + существительное во множественном числе. На наш взгляд, употреблению конструкций подобного типа все-таки большое влияние оказывает русский язык, который занимает довлеющее положение. В данном случае мы можем исключать близость татарского языка, ибо в современном татарском определяемое существительное при числительном также обычно употребляется в форме единственного числа: *бер китап* 'одна книга', *биш китап* 'пять книг', *ун китап* 'десять книг', *й|з китап* 'сто книг' [ТГ2 1993: 282]. Синтаксическое сочетание «числительное количественное + существительное в единственном числе» характеризует не только татарский, но и все тюркские языки, например, в башкирском: *утыл киман* 'тридцать книг', *алтмыш |й* 'шестьдесят домов', *й|l бала* 'сто детей'. Дословно здесь сказано: 'тридцать книга', 'шестьдесят дом', 'сто дитя' (эти сочетания оказываются буквально идентичными конструкциям удмуртского языка). Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмета, язык как бы считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности [Дмитриев 1948: 89].

Модель типа числительное + существительное в единственном числе характерна всем финно-угорским языкам. У существительного формальное выражение множественности отсутствует, иначе говоря, множественность выражается только числительными: кз. *квэйт морт* 'шесть человек', *сё поти*

’сто жердей’ [СКЯ 1955: 180]; кп. *куим морт мунисö уджавны* ’три человека пошли на работу’ [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 33); мар. *лу книга* ’десять книг’ [СМЯ 1961: 119]. В языках индо-европейской семьи в подобных случаях используется существительное во множественном числе, это явление оказывает достаточно заметное влияние и на другие языки, так, к примеру, исследователи отмечают воздействие и на финский язык: «Indogermanisten kielten vaikutusta on, että ulkomaalaissuomea puhuvat taivuttavat lukusanan jälkeistä nominiä monikossa» [Koivisto 1994: 190].

Употребление существительного во множественном числе, как уже было отмечено, возможно в мордовских языках: *Мон раминь кавто книгат*. ’Я купил две книги’ [Морфология... 1939: 33]; *Школазонк састь работама кафта учительхть*. ’В нашу школу приехали работать два учителя’ [Рогожина 2000: 150]. При этом современные исследователи предлагают рассматривать сочетания числительное + существительное в качестве единого члена предложения, т. к. синтаксически они не членятся [Рогожина 2000: 150].

Но в удмуртском языке не все существительные, сочетающиеся с числительным, употребляются во множественном числе. Имеются определенные семантические группы существительных – нумеративы²¹, которые при сочетании с числительным обычно выступают в форме единственного числа. Нумеративы, или нумеративные слова, обозначают не конкретный предмет, являющийся объектом исчисления, а ту счетную категорию, к которой этот предмет относится. Это существительные, обозначающие денежные единицы (*манет* ’рубль’, *коньы* ’копейка’, *копейка* ’копейка’), временные отношения (*ар* ’год’, *нунал* ’день’, *уй* ’ночь’, *толэзь* ’месяц’, *арня* ’неделя’, *минут*, *час*, *арес* ’год’ (при выражении возраста) и т. д.), меры измерения (*грамм*, *килограмм*, *метр*, *тонна*, *гектар*, *литр* и т. д.): *Куать ар талэсь азьло вал со, таёе ик шулдыр сйзьыл нуналэ* (М. Петров. Вуж Мултан. 5). ’Было это шесть лет тому назад, в такой же пригожий осенний

²¹ Некоторые исследователи используют термин мезуративы. Отмечают, что системы мезуративов являются «результатом скрещивания естественных языков с метаязыками точных и естественных наук, экономики» [ККСЕЯ 1990: 20].

день'. *Туэ дас сизыым арес тырмиз Дашалы* (М. Петров. Вуж Мултан. 116). 'Этой весной Даше исполнилось семнадцать лет'. *Нош тани та уин асьмелы эшио куамын иськем орточоно* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 97). 'А вот этой ночью нам еще тридцать километров нужно пройти'. *Кык нунал куспын дивизия куатьтон иськем азьланьскиз* (М. Лямин. Шудбур понна. 202). 'За два дня дивизия прошла вперед на шестьдесят километров'. *Куинь сю манет тырим* (Г. Красильников. Тонэн кылисько. 238). 'Мы заплатили триста рублей'.

Эти же существительные-нумеративы могут стоять и во множественном числе, но уже приобретая приблизительное значение, ограниченное пределом количества, выраженного числительным: *Тиледлы эшио куамын аръёс улыны кулэ на* (М. Петров. Вуж Мултан. 103). 'Вам еще нужно прожить лет тридцать'. *Кöня со [кран], куинь тоннаос ёсутэ, дыр* (Т. Архипов. Адямилэн чеберез. 16). 'Сколько он [кран], около трех тонн поднимает, наверное'. *Захарычлы, нырысь учкемен, кызь вить аресьёс луэ вал сётыны* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 42). 'Захарычу на первый взгляд можно было дать примерно двадцать пять лет'. – *Кема-а отын улод? – юасько. – Уг тодйськы. Дас часъёсозь, дыр* (С. Матвеев. Шузи. 32). '– Долго ли там будешь? – спрашиваю. – Не знаю. Примерно до десяти часов, наверное'.

Нельзя упустить из виду, что форма *аръёс* 'годы' широко используется не только со значением приблизительности, но в сочетании с порядковым числительным также и для выражения собирательного значения 'такие-то годы': *Тон тодйськод-а, кöня философъёсты быдтйзы асьмелэн куамын сизыметй аръёсы* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 188)? 'А ты знаешь, сколько философов погубили у нас в тридцать седьмые годы?'. *Куатьтонэти аръёсы колхозын вал шоры öзгес учке ни* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 31). 'В шестидесятые годы в колхозе на лошадь особо уже не смотрели'. *Быдзым ожмаськонлэсь азьло, куамынэти аръёсы, татысь котырак интыез пыраны-потаны луонтэм нюлэсьёс чоктаса возиллям ай* (Н. Самсонов. Агбай. 344). 'До великой войны, в тридцатые годы, всю местность в этой округе покрывали непроходимые леса'.

Нумеративы могут употребляться во множественном числе и в таком случае, если это сочетание является определенным лексическим единством, т. е. при отсутствии числительного существительное в данной конструкции не употребляется, оказывается семантически ущербленным: *Витътон аресъёсыз но луыло* (Т. Архипов. Адымилэн чеберез. 54). 'Бывают и пятидесятилетние'.

В качестве нумеративных слов порой могут выступать и вполне исчисляемые существительные, выражающие в семантическом отношении конкретные предметы, например, *ведра* 'ведро', *мешок* 'мешок', *тусьты* 'тарелка', *пуньы* 'ложка' – чаще всего это существительные, обозначающие какие-либо ёмкости, вместительность которых известна, или предметы, имеющие известный объём, размер, вес: *Та мусо нылъёслы одйг бидон йёл вайыны кулэ вал* (Е. Загребин. Тулыс зор. 7). 'Этим милым девушкам нужно было принести один бидон молока'. *Евдоким гур ыме кык-куинь кобы ву пальккыз но, омыр кёня ке пол пильылйськыз кадь* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 89). 'Евдоким плеснул в печь два-три ковшы воды, и воздух, казалось, будто несколько раз треснул'. *Со понна, пе, жыны стакан спирт сётыса лэзиз [Брянская]* (П. Чернов. Тулысысен сйзбылозь. 109). 'За это-де она [Брянская] отправила полстакана спирта'. *Чукнаяз няньтэк гинэ одйг чаша чай юиз [Бутаров]* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 11). 'Наутро даже без хлеба выпил [Бутаров] чашку чая'. *Сютэм улйсь Пчелин Подпругинлэсь одйг сукури няньзэ лушкам* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 113). 'Голодающий Пчелин украл у Подпругина один каравай хлеба'. *Палагей дас кык стакан тамакен бадзымзэгес [додьы] лэсьтытэк ойлась* (П. Чернов. Дор. 11). 'Пеллагее пришлось сделать большего размера [сани] за двенадцать стаканов табака'.

Нумеративы выступают своеобразным качеством исчисляемого предмета, и, таким образом, для отдельных категорий слов употребляются только им одним свойственные обозначения: скот исчисляется по головам (*дас йыр ыж* 'десять голов овец'), зерно – по мешкам (*куинь мешок чабей* 'три мешка пшеницы'), суп – по тарелкам (*кык тусьты шыд* 'две миски супа') и т. д.

Говоря о числе имен существительных, имеющих в качестве определения имя числительное, можно указать и такие случаи, когда употребление существительного во множественном числе зависит от структуры и содержания целого предложения, например: «Удмуртавтодор» *огазея сюрес лэсьтонъя 28 управлениосты* (Удмурт дунне). '«Удмуртавтодор» объединяет 28 управлений по строительству дорог'. *Алигес правительстволы пумит султыса бугыръясъкисьёс пöлын ужамен лыдъяса, 2 агаё-выно муртъёсыз виизы* (Гудыри). 'Недавно убили двух братьев, считая, что они работали среди восставших против правительства'.

Значение глагола-сказуемого *огазея* 'объединяет' в первом предложении определяет то, что объект не является единственным, а определение *агаё-выно* (букв. 'старший и младший братья') также предполагает наличие как минимум двух людей.

По данным, которые приведены в таблице 2, можно еще отметить, что в конструкции числительное + определение (прилагательное, причастие, местоимение) + существительное в большинстве случаев (по полученным методом сплошной выборки результатам 85 %) имя существительное выступает в форме множественного числа, например: *Соин йырин шат куке кык матысь адямиос пумиськизы кыдёкысь француз шаерын* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 137). 'Разве поэтому два близких человека встретились в далекой французской стране'. *Заводлы кык бадзымесь корпусъёс лэсьтыны кутскемын вал* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 11). 'Было начато строительство двух больших корпусов для завода'. *Кык жёужыт но меё гурезьёсыз сайкыса, юнматэм каръёс лэсьтйллям* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 25). 'Обрубив два высоких с крутыми склонами горы, построили укрепленные городища'. *Мыным аслым но корка дорысьтымы кык веськрес, жёужыт, бабылес мййы кызьпуос азын али ке но возыт* (Г. Романова. Жужыт-жужыт гурезе. 46). 'Мне и самой до сих пор стыдно перед двумя стройными, высокими, кудрявыми старыми березами, стоящими у нашего дома'.

На наш взгляд, доминированию такой формы способствует тот факт, что первичным по образованию является конструкция определение (прилагательное, причастие, местоимение) + существительное. Затем с целью дистрибуции нескольких объектов и единственного объекта существительное приобретает маркер множественного числа, например: *горд сяська* 'красный цветок' – *горд сяськаос* 'красные цветы'. Маркированное существительное указывает на множественность рассматриваемого предмета, а числительное, которое присоединяется впоследствии, лишь уточняет данное количество. Существительное же, в свою очередь, уже не утрачивает показатель множественного числа. Это подтверждается и тем, что невозможным оказывается перемена мест прилагательного и числительного в рассматриваемой синтаксической конструкции: «...the position of a numeral must be outside that of an adjective unmarked for plurality. Put simply, *red five houses* is ill-formed because a collection cannot be red; but *five red houses* is OK, because individual objects, such as houses, can be red»²² [Hurford 1987: 220].

Кроме того, наши наблюдения приводят к расхождению с выраженной в научной грамматике мыслью о том, что «существительное *мурт* 'человек', следующее за числительным, тоже не употребляется в форме множественного числа» [ГСУЯ 1962: 151], поскольку оно может встречаться как в единственном, так и во множественном числе: *Зэм ик, удыс дурын дас мурт ара* (Кедра Митрей. Секыт зйбет. 17). 'Действительно, на полосе жнут десять человек'. *Шурдо шур дурьсь куинь кызъёс дорын куинь муртъёс куазь пильмасъкемез учкыса сыло* (М. Петров. Вуж Мултан. 168). 'У трех елей у реки Шурдо три человека стоят, наблюдая, как погода становится пасмурной'. *Шаплы лыжникъёсты дас мурт бырйы* (М. Лямин. Шудбур понна. 144). 'Быстрых лыжников десять человек выбери'.

²² ... позиция числительного должна быть внешней по отношению к прилагательному, не имеющему показатель множественности. К примеру, *red five houses* (букв. 'красный пять домов') невозможно, так как коллекция не может быть красной; но *five red houses* 'пять красных домов' верная конструкция, так как индивидуальные объекты, как дома, могут быть красными.

Также, как показывают наблюдения и фактический материал, в форме единственного и множественного числа в сочетании с числительным может употребляться и слово *адями* 'человек': *Кема сьлїз со [Одоть], шур сьоры выжем куинь адямиос пала учкыса* (М. Петров. Вуж Мултан. 11). 'Она [Одоть] долго стояла, глядя в сторону трех людей, перешедших за реку'. *Кыдѣкысь кизилиос лек учко кык адямиослэсь такем шулдырьяськемзэс* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 7). 'Далекие звезды зло смотрят на такое веселье двух людей'. *Кык адями интые, азбар шоры тїрен юдэм сїль кылиз* (Кедра Митрей. Секыт зїбет. 120). 'Вместо двух людей в середине двора осталось разрубленное топором мясо'.

Выразим употребление *мурт* – *муртьѣс*, *адями* – *адямиос* в таблицах:

Таблица 3.

Источники	<i>мурт</i>	<i>муртьѣс</i>
Господа нашего... 1877	100 % (9)	-
Гаврилов Б. Произведенія...	60 % (3)	40 % (2)
«Гудыри» 1925	91,7 % (11)	8,3 % (1)
Кедра Митрей. Секыт зїбет.	100 % (8)	-
Петров М. П. Вуж Мултан.	83,4 % (5)	16,6 % (1)
Красильников Г. Д. Тонэн кылисько.	100 % (3)	-
Архипов Т. А. Адямилэн чеберез.	100 % (2)	-
«Удмурт дунне» 2001	100 % (8)	-
Итого:	88,4 % (49)	11,6 % (4)

Таблица 4.

Источники	<i>адями</i>	<i>адямиос</i>
Гаврилов Б. Произведенія...	100 % (4)	-
Кедра Митрей. Секыт зїбет.	100 % (1)	-
Петров М. П. Вуж Мултан.	-	100 % (3)
Красильников Г. Д. Тонэн кылисько.	-	100 % (2)
Архипов Т. А. Адямилэн чеберез.	-	100 % (6)
«Удмурт дунне» 2001	100 % (11)	-
Итого:	59,2 % (16)	40,8 % (11)

На основании анализа полученных данных можно сделать вывод о том, что существительное, сочетаясь с числительным, в большей степени в современном удмуртском языке употребляется в единственном числе, хотя довольно широко распространена и модель числительное + существительное во множественном числе.

3.3.2. О реликтах двойственного числа в удмуртском языке

В финно-угорских языках, как отмечают исследователи [Майтинская 1968: 153; Никитевич 1963: 52; Серебренников 1963: 92], система числа была не такой (состоящей из множественного и единственного), как это представлено в большинстве языков данной группы в настоящее время. Об этом могут свидетельствовать факты различий в выражении частных числовых значений. Так, понятие парности, обособляющееся часто в индоевропейских языках грамматически (как в русском языке реликтами двойственного числа можно назвать: *глаза, уши, бока*), в венгерском языке, как отмечает В. М. Никитевич [1963: 52], передается как единое целое по отношению к парным частям и органам тела, например: венг. *fél szemmel* 'одним глазом' буквально означает 'половиной глаз'.

Аналогичные языковые факты подтверждают существование двойственного числа в уральском праязыке, неоспоримым свидетельством этого является и то, что двойственное число все еще сохранилось в некоторых финно-угорских и самодийских языках, где парность можно выразить морфологически: манс. *бйка* 'мужчина' – *бйка-г* 'двое мужчин' – *бйка-т* 'мужчины', *колквѐ* 'домик' – *колквѐ-г* 'два домика' [Ромбандеева, Вахрушева 1984: 44]; хант. *қат* 'дом' – *қат-қән* 'два дома' – *қат-эт* 'дома' [Терешкин 1961: 30]; нен. *хасава* 'мужчина' – *хасаваха* 'двое мужчин' – *хасава''* 'мужчины', *не* 'женщина' – *нехэ* 'две женщины' – *не''* 'женщины' [Терещенко

1956: 40]. Вероятно, после распада финно-угорского языка-основы, двойственное число продолжает последовательно употребляться в угорских языках, саамских языках, а финно-волжская общность уже утрачивает данную систему числа.

Форма единственного числа в этих языках обозначает, как правило, один предмет, иногда два предмета. Последнее бывает в тех случаях, когда парные предметы осмысляются как единое целое, а части парных предметов – как половина целого, например: хант. *сапық пэлёк* 'один сапог' (букв. 'сапог половина'), *нас пэлёк* 'одна рукавица' (букв. 'рукавица половина') [Терешкин 1961: 30].

Двойственное число произошло именно из проявления парных предметов. По мнению О. Ф. Жолобова [2001: 100], «парность, явившаяся источником дуалиса, – это количество, которое выступает как род качества». Это окачественное количество, потому что парные предметы, пребывая в количестве двух, являются качественным повторением друг друга и образуют единство совместным воплощением симметричной пространственной конфигурации. Интегральный количественный компонент в семантике парных обозначений способствовал трансформации парного числа в двойственное.

Именно к реликтовым проявлениям двойственного-парного числа и можно отнести венгерское *fél kezem* 'однорукий' (букв. 'половинорукий'), *fél lábam* 'одноногий' (букв. 'половиноногий').

Быть может, от возможного двойственного числа и берет свое начало употребление в удмуртском языке понятия *пал* 'непарный, одинокий, один из пары' со значением 'один' с парными существительными (в основном это лексемы, обозначающие части тела, одежду, обувь): *Ондй шоры пал синмыныз но өз учкы [Пылькин]* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 16). 'Не взглянул [Пылькин] на Онди ни одним (букв. половиной) глазом'. *Яша, пал кыныз укно янак борды пыкъяськыса, шокатэк кадь сылйз* (С. Самсонов. Дыдыкъяс бус пöлы уг йыромо. 81). 'Яша, опершись к косяку одной рукой, постоял, словно бездыханно'. *Анаез борды жиситйськыз [Фаина], пал суйыныз чырты бордаз*

зыгырскиз (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 126). 'Прижалась [Фаина] к маме, одной рукой обняла за шею'. *Огшап маке малпаськиз [Оберьян], лэся, юртэз-ерез шоры учкиз, урам кузя синйылтйськиз на, толэзь пала берытскиз, собере, пуклэ дуре пал пыдыныз кариськыса, сое погыртйз, ас дорысьтыз питыртыса донгиз* (Н. Самсонов. Адзюн. 5). 'Некоторое время, видимо, о чем-то думал [Оберьян], посмотрел на свое подворье, глянул на улицу, повернулся к луне, затем, коснувшись одной ногой полена, уронил его, откатил от себя'. *Со дыбыртэм пыр мон пал пельным кылзйськыско улйын пукисьёслэсь кенешемзэс* (Г. Красильников. Тонэн кылыско. 210). 'Сквозь этот грохот я одним ухом слушаю разговор сидящих внизу'.

Впоследствии, вероятно, с расширением значения рассматриваемого слова (и с прочно установившейся бинарной системой числа – множественного и единственного, в силу исчезновения двойственного) лексема *пал* 'непарный, одинокий, один из пары' начинает употребляться и с непарными существительными, полностью обретая семантику числительного 'один': *Коть нош кинэн ке но пал кыл ке но поттылыны луысал, оло нош, куддыр тышкаськемед но юнме борддор борды ой шуккиськысал* (Н. Самсонов. Адзюн. 21). 'Хоть с кем-то можно было бы перекинуться хоть одним словом, быть может, иногда и ругань напрасно не ударялась бы об стены'. *Миколай пал кысыризэ но өз выреты Ондйлен юамезлы пумит* (Г. Медведев. Бадзым нунал. 40). 'Миколай не повел ни одной морщинкой против вопроса Онди'. *Нырысь квартира но өз сётэ, пал арзэ пересь оген кышномурт дорын улйз [Световидов]* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 71). 'Сначала и квартиру не давали, один год прожил [Световидов] у старой одинокой женщины'. *Анна Михайловна Сашаен ваче ужазы, пал кыл но өз вазьылэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 305). 'Анна Михайловна с Сашей работали вместе, но ни словом не перекинулись'. *Орина кенак со [Люба] пала пал вамыш лэсьтйз но со сямен пумиз кадь* (Г. Медведев Г. Бадзым нунал. 156). 'Тетя Орина сделала в ее [Любы] сторону один шаг и, как она, оторопела'. *Гожто ай шуиз но, пал чур но*

öz ысты покчи Королед (Н. Самсонов. Агбай. 360). 'Сказал, что напишу, но ни одной строчки не отправил младший Король'.

Здесь, соответственно, мы можем отметить, что наряду с числительным *одйг* 'один' в результате семантического перехода в современном удмуртском языке весьма свободно с этим же значением употребляется слово *пал* 'непарный, одинокий, один из пары', который утрачивает семантику части, половины целого.

Однако нельзя сказать, что рассматриваемое слово в современном языке не употребляется в значении 'половина', к примеру: *Нош мар кароно аресэн палын Галя нылыныз но синтэм кылем мемуеныз* (В. Садовников. Кошкизы но – өз берытске. 99). 'А что делать с полуторогодовой (букв. годом половиной) дочерью Галей и ослепшей мамой'.

Если рассмотреть этимологию слова *пал* 'непарный, одинокий, один из пары', то можно обнаружить весьма яркие параллели и в родственных финно-угорских языках: кз. *пöв* 'половина, долька' – общеперм. **pAl* [КЭСК 1970: 227], мар. *пеле* 'половина, один из парных предметов' | мокш. *p'nl'ě* 'тж' | саам. *bælle* 'тж' | хант. *pēBkk* 'сторона' | манс. *päl, pāl* 'тж' | венг. *fél* 'сторона, половина'. = урал. **pälä* [КЭСК 1970: 227; SSA2 1995: 348], **pele-* [MNTESZ 1967: 870].

В финском языке в качестве параллели исследователи отмечают слово *pieli* 'сторона, край, косяк' [SSA2 1995: 348; MNTESZ 1967: 870].

3.3.3. Категория числа имен числительных

Другой вопрос, который мы ставили в начале главы, – уместно ли говорить о категории числа как об одной из категорий имени числительного, иными словами, имеет ли числительное в удмуртском языке противопоставленные формы множественного и единственного чисел.

Как отмечают исследователи, «в основе грамматической специфики числительных лежит их особое отношение к грамматическому числу: выражая понятие числа своим лексическим значением, числительное обычно не соотносится с категорией грамматического числа; изменение числительного по числам избыточно» [ЛЭС 1990: 583].

Но нельзя сказать, что имена числительные не принимают форм множественного числа. Так в финском языке наблюдается полное согласование числительного и существительного: “Numeraali on kuitenkin monikossa, kun se kongruoi monikkosanan eli sellaisen substantiivin kanssa, joka on monikkomuotoinen mutta viittaa jaottomaan tarkoitteeseen, kuten *juhlat, kärryt, housut: kolmet hienot juhlat, kolmissa hienoissa juhlissa*”²³ [ISK 2005: 753].

Как показывают наблюдения и факты языка, в удмуртском языке возможно сосуществование имени числительного и категории числа в единстве (это отмечают и исследователи удмуртского языка [Ушаков 1995: 227]), так как достаточно часто имя числительное выступает в форме множественного числа. Множественное число числительного употребляется для выражения каких-либо значений и отношений. Среди таких случаев можно выделить несколько наиболее часто встречающихся.

1. Суффикс множественного числа числительного используется для выражения приблизительного значения. Данное примерное количество определено рамками числительного: *Ну, тодэлэ, кӧня арес мыным? – Ну-у... куамын витъёс... куамын куатьёс* (Г. Красильников. Арлэн кутсконэз. 135). ’Ну, угадайте, сколько мне лет? – Ну-у, примерно тридцать пять... тридцать шесть’. *Пеймыт луэм бере, жьыт дас одӱгъёсы, нош ик сюлэм шуг луыны ӧдъяз* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 195). ’После того как стемнело, вечером примерно около одиннадцати, снова на сердце начала появляться тревога’. *Пияшлы аслыз*

²³ Числительное во множественном числе, когда оно согласуется с таким существительным, которое стоит в форме множественного числа и указывает на неделимое, как *праздник, тележка, брюки: три замечательных праздника, на трех замечательных праздниках*.

соку *дас витъёс сяна ой вал* (П. Чернов. Дор. 19). 'Мальчику самому тогда было только около пятнадцати'.

Числительное во множественном числе может выражать приблизительность в финском языке, в некоторых тюркских языках (см. 2.2.3.).

2. Как количественные, так и порядковые числительные могут принимать форму множественного числа, приобретая при этом оттенок совокупности, группы предметов, явлений, людей, объединенных в определенное единство, целостность: *Солэн [конвейерлэн] кутсконаз машинае одйгъёсыз ужасъёс одйг детальёс но гердъёс пукто, цехлэн шораз – мукетъёссэ, цехлэн пумаз – куинетйоссэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 176). 'В его [конвейера] начале одни рабочие в машину ставят одни детали и узлы, в центре цеха – другие, в конце цеха – третьи'. *Мынам, ма, куинетйосыз возъдаськытон тодам но өвёл – Бани Камитовналэн куараез, вешамез сюлэмме лычсузытэ* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 52). 'Да у меня и в мыслях нет смутить третьеклассников (букв. третьих) – от голоса, ласк Бани Камитовны дух захватывает'. *Куд-огез янгыш каро космосэ тубамзэс, мукетъёсыз ядерной испытаниосыз, куинетйосыз озон «пасъёс» шедьтйллям* (Н. Самсонов. Агбай. 392). 'Некоторые обвиняют подъём в космос, другие ядерные испытания, третьи нашли озоновые «дыры»'. *Нош соослы пумит чук пала кыстйсько фронтысь вуэм сёсырмемъёс, заводысь станокъёс, отын ужасъёс, гуртъёсысь пудоос. Озыы тйни: одйгъёсыз – жьыт пала, мукетъёсыз – шунды жьужан пала* (Е. Самсонов. Уй пал симфония. 8). 'А им навстречу на восток тянутся раненые с фронта, станки с заводов, рабочие, скот из деревень. Вот так: одни – на запад, другие – на восток'.

Пример *одйгъёсыз ужасъёс* 'одни рабочие' демонстрирует нам возможность полного согласования (в числе и в падеже) между именем числительным, имеющим выделительно-указательный суффикс, и определяемым им существительным: *Ваньмыз азьло сямен ик кошке: одйгъёсыз воргоронъёс кузёясько, музонъёсыз кылзйсько* (Е. Афонин. Йырмурт. 113). 'Все идет как раньше: одни мужики хозяйничают, другие слушаются'. Такое явление достаточно редко, но встречается в удмуртском языке.

При отсутствии определяемого имени существительного наблюдается субстантивация числительного с выделительно-указательным суффиксом, весьма свободно выступающего в формах косвенных падежей и в форме множественного числа.

3. Порядковые числительные, выражающие десятки, могут использоваться во множественном числе и для выражения времени, охватывая примерно десятков лет: *Витъонэтиос шорын райкомысь Швыденкоез уллязы* (В. Ар-Серги. Тулкымъёс вылын – пыжед. 144). 'В середине пятидесятых Швыденко выгнали из райкома'.

4. Числительное может иметь маркер множественного числа в том случае, если употребляется для обозначения отметки: *Соиз умой: таяз аре пырисъёслэн аттестатысьтызы нбыль оценказэс лыдэ басьтозы, нош мынам отын «нбыльёсыз» кык гинэ, мукетьёсыз «витъёс»* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 187). 'То хорошо: у поступающих в этом году будут учитывать четыре оценки из аттестата, а у меня там «четверок» только две, остальные «пятерки»'. *Коля кызы но озы «нбыльёс» басьтылӱз – стипендия вань* (Ф. Пукроков. Кизили ныл. 142). 'Коля кое-как «четверки» получал – стипендия есть'; *Зэм, азьвыл «нбыльёслы»-«витъёслы» дышетскись пияш городын «кыкъёс» октыны кутскиз* (Кенеш, 2007. №11–12: 63). 'Правда, учившийся раньше на одни «четверки»-«пятерки» мальчик в городе начал получать «двойки»'.

Возможность выступать в форме множественного числа числительное реализует и в коми-пермяцком языке, где «при подлежащем во множественном числе они могут принимать показатель множественного числа прилагательного -*ось*, например: *Татӱн морттэс кыка(ось)*. 'Здесь людей двое'» [Кривошекова-Гантман 1956 (по: 2006: 34)].

Отсюда вполне обоснованно можно подытожить, что имя числительное удмуртского языка имеет достаточно ярко противопоставленные формы единственного и множественного числа, употребляющихся для выражения определенных семантических отношений, что явственно свидетельствует о

наличии такой грамматической категории как категория числа у имени числительного. Конечно, в ряде случаев числительное, имеющее суффикс множественного числа, субстантивируется, но в большинстве случаев нельзя не отметить тот факт, что рассматриваемая форма числительного, маркированная показателем множественности, не теряет признаков имени числительного, от него могут образовываться другие части речи, другие разряды имени числительного.

Заключение

Как самостоятельная часть речи имя числительное удмуртского языка занимает промежуточное положение между существительным и прилагательным, ибо одни грамматические характеристики сближают числительное с именем существительным (возможность приобретения всех падежных форм при выражении отвлеченного числа, употребление с послелогоми, присоединение притяжательных суффиксов, выполнение одинаковых синтаксических функций), другие признаки числительных оказываются общими с особенностями имен прилагательных (осуществление связи с определяемым существительным путём примыкания, использование выделительно-указательного суффикса и др.).

Необходимо отметить следующее: как самостоятельная часть речи числительное характеризуется специфичностью словарного состава и словообразования. Имена числительные представляют собой замкнутую, не пополняемую группу слов, они образуются только от собственных основ (иногда с помощью вспомогательных частей речи), но никогда не нарушается та системность, которую они составляют.

Именно по этой причине в состав числительных не включаются слова с неопределенно-количественным значением, как *трос*, *уно*, *данак*, *лчак* 'много', *ичи*, *өжыт* 'мало'. Данная лексико-грамматическая группа слов, исходя из морфологических и синтаксических функций, а также основываясь на том, что их лексическое значение несколько отличается от основной семантики имени числительного, выражающего точное количество, абстрактное число, на наш взгляд, может быть отнесена либо к прилагательным, обозначающим количественный признак, либо к наречиям. Зависит это от того, со словом какой части речи связана рассматриваемая словоформа – с существительным или глаголом (а также и с отглагольными формами).

Примечательно, что другие части речи не могут быть словообразовательной базой для имен числительных, хотя сами имена числительные при определенных условиях могут стать основой для образования других частей речи.

Основной словарный фонд числительных современного удмуртского языка состоит из 20 самостоятельных неделимых слов (*одйг* '1', *кык* '2', *куинь* '3', *нбыль* '4', *вить* '5', *куать* '6', *сизьым* '7', *тямыс* '8', *укмыс* '9', *дас* '10', *кызь* '20', *куамын* '30', *нбыльдон* '40', *витьтон* '50', *куатьтон* '60', *сизьымдон* '70', *тямыстон* '80', *укмыстон* '90', *сю* '100', *сюрс* '1000'), если же включить сюда международные названия *миллион*, *миллиард*, *биллион* и др., вошедшие через русский язык, то и в этом случае их состав окажется лишь на несколько единиц больше.

Рассматривая вопрос происхождения имен числительных, мы можем отметить, что *одйг* '1', *кык* '2', *куинь* '3', *нбыль* '4', *вить* '5', *куать* '6', *кызь* '20', *сю* '100' унаследованы удмуртским языком из финно-угорского языка-основы. Для выражения значения 'десять' в языке-основе использовалось слово **тгпг*, сохранившееся в современном удмуртском *куамын* '30', а лексема *дас* '10' была заимствована в общепермский период. Для выражения больших величин (миллионов, миллиардов и т. д.) предки удмуртов, судя по материалам письменных памятников, использовали различные комбинации с числительными *сю* '100' и *сюрс* '1000',

К обозначению количественной характеристики примыкает также нулевая множественность – выражение полного отсутствия. В удмуртском языке нулевое множество обозначается как с помощью собственно-удмуртских лексических средств (местоимений, числительного *одйг* 'один'), так и посредством заимствования из русского *ноль/ нуль*.

В современном удмуртском языке форма *одйг* 'один' может быть одинаково использована для выражения как числа предметов мысли в количестве одного, так и для указания на неопределенный предмет, явление, субъект действия. Исходя из этого, слово *одйг*, выступающее со значением

'один, некий, какой-то', на наш взгляд, можно в подобных случаях квалифицировать как неопределенное местоимение, таким образом, наблюдается переход: имя числительное – местоимение.

Для выражения единиц второго и следующего десятков в финно-угорских языках используются различные способы: аддитивный (регредиентный, ингридиентный, прогредиентный) и изредка субтрактивный. В удмуртском языке представлен регредиентный способ – по схеме “*дас* 'десять' + единица”, сочленяющий наименования единиц с наименованием десятка предыдущей степени: *кызь куать* 'двадцать шесть', *сизьымдон вить* 'семьдесят пять'. В памятниках письменности удмуртского языка и диалектах также представлено соединение десятков и единиц союзом *но* 'и': *кызь но куать* 'букв. двадцать и шесть'. Названия сотен и тысяч образуются мультипликативно: *кык сю* 'двести', *витьтон сюрс* 'пятьдесят тысяч'.

Классификация имен числительных делает необходимым учет особенностей их употребления в составе предложения и выявление их лексико-грамматических характеристик. На основании этого в удмуртском языке можно выделить количественные (собственно-количественные, приблизительные, дробные, собирательные) и порядковые числительные.

Выделяя разряд собственно-количественных числительных в отдельную группу, мы руководствуемся тем, что формы данной группы в семантическом отношении не несут в себе каких-либо дополнительных значений, кроме количественных. Это числительные, которые служат основой для образования других разрядов как количественных, так и порядковых числительных, а также от них с помощью различных средств формируются и слова, относящиеся к другим частям речи.

От имени числительного с помощью различных деривационных суффиксов образуются счетно-личные местоимения, наречия, числительное может оказаться в составе сложных слов (прилагательных, существительных, глаголов).

Среди количественных числительных особого внимания заслуживает группа числительных приблизительного счета, отличающаяся семантически (выражает значение неточного, приблизительного счета, ограниченного обозначенным количеством), морфологически (имеется достаточно широкий спектр синтетических и аналитических способов выражения данного значения) и синтаксически (можно отметить ряд особенностей употребления числительных данной группы с именами существительными).

Дробные числительные представляют собой один из разрядов количественных числительных, обозначающих не целое число и целые предметы, явления, а их части. В финно-угорском языке разряд дробных числительных, по-видимому, отсутствовал, ибо во всех современных языках представлены разнообразные способы их образования, хотя зачастую они оказываются типологически сходными по своей структуре.

Оказываясь в составе сложного прилагательного, числительное вызывало трудности при правописании. Данная проблема может быть разрешена следующим образом: числительные, находящиеся в равноправных отношениях к определяемому слову, писать через косую черту, и через дефис прибавлять существительное, имеющие соответствующие суффиксы: *куинь/ньыль-аресъем* 'трех-четырёхлетний', *огсизьым/тямыс-аресъем* 'примерно семи-восьмилетний', *даскык/дасньыль-этажсьем* 'двенадцати-четырнадцатьэтажный'.

На основании анализа сочетания числительного и существительного нами выявлено, что существительное, сочетаясь с числительным, в большей степени в современном удмуртском языке употребляется в единственном числе, хотя довольно широко распространена и модель числительное + существительное во множественном числе.

Классифицируя числительные удмуртского языка по их морфологической структуре, на наш взгляд, можно выделить три группы: 1) простые, состоящие из одного корня или имеющие какой-либо суффикс: *сизьым* 'семь', *куинь* 'три', *витьтон* 'пятьдесят', *куатетй* 'шестой'; 2) сложные, состоящие из двух и более основ: *тямыстон кык* 'восемьдесят два', *кык сю укмыстон куать* 'двести

девяносто шесть', *вить-куать* 'пять-шесть'; 3) составные, содержащие в своей структуре слова разных категорий: *куать но эсыны* 'шесть с половиной', *витьтон ёрос* 'около пятидесяти'.

Компоненты сложного числительного могут находиться в разных отношениях по отношению друг к другу. Среди сложносочиненных числительных в удмуртском языке выделяется несколько видов: 1) аддитивное соединение десятков и единиц, сотен и десятков и т. д.: *дас куинь* 'тринадцать', *витьтон куать* 'пятьдесят шесть'; 2) мультипликативное образование названий сотен, тысяч: *кык сю* 'двести', *куать сюрс* 'шесть тысяч'; 3) комбинация равноправных компонентов аппроксимативных конструкций: *тямыс-укмыс* 'пять-шесть', *сизьымдон-тямыстон* 'семьдесят-восемьдесят', *нбылё-вить* 'около пяти-шести'; 4) особые случаи сочетания существительного с числительным: *нунал-кык* 'день-два, несколько дней', *ар-кык* 'год-два, несколько лет'.

Условные сокращения

- авест.* – авестийский язык
азерб. – азербайджанский язык
арийск. – арийские языки
венг. – венгерский язык
вепс. – вепсский язык
вод. – водский язык
доперм. – допермский язык
др.-инд. – древнеиндийский язык
иж. – ижорский язык
индо-евр. – индо-европейская семья языков
ит. – итальянский язык
к. – коми язык
казах. – казахский язык
кам. – камасинский язык
кар. – карельский язык
каракалп. – каракалпакский язык
кбалк. – кабардино-балкарский язык
кз. – коми-зырянский язык
кирг. – киргизский язык
ки. – коми-пермяцкий язык
кукм. – кукморский диалект удмуртского языка
кя. – коми-язьвинский диалект
лат. – латинский язык
лив. – ливский язык
манс. – мансийский язык
мар. – марийский язык
моки. – мокша-мордовский язык
монг. – монгольский язык
морд. – мордовские языки
нар. – наречие
нем. – немецкий язык
нен. – ненецкий язык
нч. – нижнее-чепецкий диалект удмуртского языка
общеперм. – общепермский язык-основа
осет. – осетинский язык
праарийск. – праарийский язык
правенг. – правенгерский язык
праманс. – прамансийский язык
праоб.-уг. – праобско-угорский язык
прахант. – прахантыйский язык

прил. – прилагательное
раннеперм. – раннепермский язык
рус. – русский язык
саам. – саамский язык
селькуп. – селькупский язык
среднеперс. – среднеперсидский
сущ. – существительное
сч. – среднечепецкий диалект удмуртского языка
тат. – татарский язык
туркмен. – туркменский язык
удм. – удмуртский язык
узб. – узбекский язык
урал. – уральский язык-основа
ф.-у. – финно-угорский язык-основа
фин. – финский язык
хак. – хакасский язык
хант. – хантыйский язык
чув. – чувашский язык
эрз. – эрзя-мордовский язык
эст. – эстонский язык

Источники исследования

1. *АзбукаГ* – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дмтей чтенію на ихъ нартчїи. (По Глазовскому). – Казань, Въ типографїи Императорскаго Казанскаго Университета. 1847. – 174 с.
2. *АзбукаС* – Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дмтей чтенію на ихъ нартчїи. (По Сарапульскому). Казань, Въ типографїи Императорскаго Казанскаго Университета. 1847. 194 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – 441 с.
3. *Ар-Серги Вячеслав*. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повесть, веросьёс, кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 224 б.
4. *Архипов Т. А.* Адямилэн чеберез: Роман. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – 288 б.
5. *Архипов Т. А.* Лудзи шур дурын: Роман. Нырысетй люкетэз. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1958. – 176 б.
6. *Архипов Т. А.* Лудзи шур дурын: Роман. Кыкетй люкетэз. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1957. – 370 б.
7. *Афонин Е. Г.* Йырмурт: Тодэ ваёнъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1999. – 208 с.
8. Букварь для крещеныхъ вотяковъ. Гожтет тодыте. Изданіе православногo миссіонерскаго общества. – Казань. Типографія Коковиной. 1882. – 38 с.
9. *Валишин Р. Г.* Инвожо уйшоре но пиштэ: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 154 с.
10. *Валишин Р. Г.* Төл гурезь: Повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 276 с.
11. *Васильев Н. В.* Кин тон, атай? Веросьёс но повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 124 б.

12. *Гаврилов – Гавриловъ Б.* Произведенія народной словесности, обряды и повтрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

13. *Господа нашего...* – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матфея. Милям Господь Иисус Христослэн чын Евангеліез. Матфей гожтэм Евангеліе. – Казань, печатано въ типографіи Коковиной, 1877. – 82 с.

14. *ЕвангеліеГ 1847* – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелистовъ Мат}ея и Марка. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нартчія. – Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета. 1847. – 234+135 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3).

15. *ЕвангеліеС 1847* – Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Мат}ея. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нартчія. – Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета. 1847. – 234 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – 441 с.

16. *Емельянов Л. П.* Кудпала берга дунне питран: – Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1999. – 248 с.

17. *ЗК* – Золотые косы: Коми пермяцкие народные сказки на русском и коми-пермяцком языке. Сост. В. В. Климов. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1993. – 184 с.

18. *Инвожо.* – 2007. – № 5–6.

19. *Кедра Митрей.* Зурка Вужгурт: Повесть // Секыт зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кылбурьёс, поэма, тодэ ваён. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 137–281.

20. *Кедра Митрей.* Секыт зйбет: Роман // Секыт зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кылбурьёс, поэма, тодэ ваён. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 15–137.

21. Кенеш. – 2007. – № 11–12.
22. *КНП – Коми народные приметы / Сост. В. М. Кудряшова.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 192 с.
23. *Коми легенды и предания / Составитель Ю. Г. Рочев.* – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2006. – 240 с.
24. *Коновалов М.* Вурьсо бам: Роман // Гаян: Романъёс но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 231–374.
25. *Красильников Г. Д.* Вуж юрт: Дилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 412 с.
26. *Красильников Г. Д.* Арлэн кутсконэз: Роман // Тонэн кылысько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 6–192.
27. *Красильников Г. Д.* Пыртос: Верос // Тонэн кылысько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 379–386.
28. *Красильников Г. Д.* Тонэн кылысько: Повесть // Тонэн кылысько: Роман, повесть но веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – С. 192–346.
29. Лызонь. Азбука для вотскихъ дпттей. Составиль священникъ Николай Блиновъ. – Вятка. Въ типографіи губернскаго правленія. 1867. – 24 с.
30. *Лямин М. А.* Шудбур понна: Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. – 463б.
31. *Матвеев С. В.* Шузи: Роман, повесть, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 с.
32. *Мадьяров Г.* Аналтэм сяська: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 186 б.
33. *Медведев Г. С.* Бадӟым нунал: Роман. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1959. – 268 б.
34. *Нянькина Л. С.* Ваёбыж кар: Веросьёс, повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 176 с.
35. *Панфилова Е. В.* Мумы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 64 б.
36. *Перевощиков Г. К.* Гужем лымы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 264 с.

37. *Первоициков Г. К.* Сюлэмтэм дунне: Повестьёс. Дилогия // Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 711–773.
38. *Первоициков Г. К.* Тоды куака: Роман // Сюлэмтэм дунне: Романъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 431–710.
39. *Петров М. П.* Вуж Мултан: Роман. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 360 б.
40. *Петров М. П.* Зардон азын: Повесть. Люкам сочинениос. Нылетй томез. – Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1959. – 240 б.
41. *Пукроков Ф. П.* Кизили ныл: Роман, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 312 б.
42. *Романова Г. В.* Жужыт-жужыт гурезе...: Верос сузьет. Серемес веросьёс, выжыкыльёс, сценкаос. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 160 б.
43. *Садовников В. Е.* Кошкизы но – оз берытске: Повесть, очерк, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 144 с.
44. *Самсонов Е. В.* Зор бере: Веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1966. – 164с.
45. *Самсонов Е.* Уй пал симфония: Повестьёсын роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 274 б.
46. *Самсонов Н.* Агбай: Веросьёс, повестьёс, роман. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 416 с.
47. *Самсонов Н.* Адзон: Повесть, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 76 б.
48. *Самсонов С. А.* Гожтйсько тыныд – сопал дунее: Повесть, веросьёс, очерк, тодэ ваёнъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 384 с.
49. Священная история Ветхаго и Новаго завпта. На вотяцкомъ языкт. Изданіе православнаго миссионерскаго общества. – Казань. Печатано въ типографіи Коковиной. 1877. – 190 с.
50. *Смирнов В. Е.* Будо бадяръёс: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 200 с.
51. *Удмурт дунне.* Республиканская газета на удмуртском языке.
52. *Чернов П. К.* Дор: Повестьёс. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 256 с.

53. *Чернов П. К.* Тулысысен сйзылосъ: Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 384 с.
54. *Широбоков С. П.* Чукдор: Пьеса. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 52 с.

Библиографический список

1. *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмурт-ӹзуч словарь. Удмуртско-русский словарь/ НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М., 1983. – С. 563–591.
2. *Андреев И. А.* Чувашский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 43–65.
3. *Андреев И. А.* Чувашский язык // Языки мира: Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 480–491.
4. *Анцыферов С., Корольков А.* Ӗжыт дышетскем'ёслы лыд'яськыны дышетскон книга. – М.: Центриздат, 1931. – 88 с.
5. *Бабинцев А. С.* Морфология сярсы // Удмурт кыл ужпум'ёс сярсы материал'ёс. – Ижевск: Удмуртгиз, 1937. – С. 27–28.
6. *Балашиа Й.* Венгерский язык. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. – 276 с.
7. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков: Структура слова и механизм агглютинации. – М.: Наука, 1979. – 276 с.
8. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: словосочетание и предложение. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
9. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 229–239.
10. *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Часть II. – Томск, 1995. – 284 с.
11. *Бубрих Д. В.* Грамматика литературного коми языка. – Л.: Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А. А. Жданова, 1949. – 206 с.
12. *Бубрих Д. В.* Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск, 1953. – 272 с.
13. *Быконя В. В.* Историко-этимологическая интерпретация словообразовательных моделей сложных числительных “8” и “9” в селькупских диалектах // Финно-угроведение. – 1995а. – № 3–4. – С. 64–78.

14. *Быконя В. В.* Словообразовательные типы составных числительных в диалектах селькупского языка // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995б. – С. 295–298.
15. *Быконя В. В.* Структура наименований круглых десятков в диалектах селькупского языка // *Linguistica Uralica XXXII.* – 1996 3. – С. 201–215.
16. *Быконя В. В.* Становление собирательных числительных в диалектах селькупского языка // *Финно-угроведение.* – 1997. – № 2. – С. 53–63.
17. *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И.* Русский язык. – М.: Логос, 2001. – 528 с.
18. *Виноградов В. В.* Русский язык. – М.: Высшая школа, 1986. – 460 с.
19. *Гаврилова В. Г.* Способы выражения количества предметов в марийском литературном языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2003. – 20 с.
20. *Гаврилова В. Г.* Количественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 36–38.
21. *Гаврилова В. Г.* Об основном средстве выражения неопределённо малого количества в марийском языке // *Марийская филология: Ученые записки историко-филологического факультета. Выпуск 7 (Посвящен 75-летию профессора Ивана Степановича Галкина)* / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 22–25.
22. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть 1. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. – 204 с.
23. *Галкин И. С.* Об одной из форм имен числительных в марийском языке // *Советское финно-угроведение.* – 1965. – № 3. – С. 193–197.
24. *Ганиев Ф. А.* Современный татарский литературный язык: Суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005. – 360 с.

25. *Глезденев П. П.* Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка, 1921. – 55 с.
26. *ГМЯ* – Грамматика мордовских языков: Фонетика, графика, орфография, морфология / Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева; Под редакцией проф. Д. В. Цыганкина. – Саранск, 1980. – 432 с.
27. *Горбушин М. В.* Удмурт кыл: нач. школары учебник. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. – 80 с.
28. *Горохов П. Д.* Учебник удмуртского языка. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 232 с.
29. *Грюнберг А. Л.* Мунджанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа / Отв. ред. В. С. Расторгуева. – М.: Наука, 1987. – С. 155–236.
30. *ГСБЛЯ 1981* – Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 496 с.
31. *ГСУЯ 1962* – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
32. *Гуя Я.* Морфология хантыйского языка // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 303–332.
33. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 276 с.
34. *Дмитриева Ю.* Образование и происхождение количественных числительных в мансийском и венгерском языках // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 51–52.
35. *Дудников А. В.* Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1990. – 424 с.

36. *Емельянов А. И.* Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. восточный ин-т им. А. С. Енукидзе. – Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. – 160 с.
37. *Ефремов Д. А.* К вопросу о сложных прилагательных удмуртского языка и их правописании // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 73–85.
38. *Жилина Т. И.* Вымский диалект коми языка. – Сыктывкар: Пролог, 1998. – 440 с.
39. *Жолобов О. Ф.* Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 94–110.
40. *Жуйков С. П.* Учебник удмуртского языка (для нерусских школ). – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1933. – 117 с.
41. *Жуйков С. П.* Основы грамматики удмуртского языка. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – 47 с.
42. *Журавлева А. Н., Ившин В. Н., Федорова Л. П.* Анай кыл. 6-тй класс: Удмурт кылэз ляб тодйсь пинальёслы гожъяськон но лыдйськон книга. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 224 с.
43. *Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка: Фонетика и морфология. – Л.: Наука, 1981. – 362 с.
44. *Зимин В. С.* К вопросу о соотношении сложных слов и словосочетаний в коми языке // Историко-культурные связи пермских народов. (По данным фольклора и языка). Межвузовский сборник научных статей. – Ижевск, 1981. – С. 24–35.
45. *Игнаева Р. П.* Способы выражения категории количества именами числительными в марийском языке // Финно-угроведение. – 1996б. – № 2. – С. 79–84.
46. *Игнаева Р. П.* Классификация имен числительных в марийском языке (Проблема статуса и функции): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1997. – 16 с.

47. *Игнаева Р. П.* Классификация имен числительных в марийском языке (Проблема статуса и функции): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола 1997. Рец. И. В. Тараканов // *Linguistica Uralica*. XXXV – 1999 1. – С. 71–74.

48. *Игнаева Р. П.* Нулевая множественность в марийском языке // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: II часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 71–73.

49. *Каракулова М. К., Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учебное пособие. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. – 228 с.

50. *Карнова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.

51. *Кельмаков В. К.* О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. – Ижевск, 1984. – С. 18–23.

52. *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и фин-уг. языкозн. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

53. *Кельмаков В. К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 1 / Удмуртский государственный университет. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003а. – 276 с.

54. *Кельмаков В. К.* «Удмурт дунне»-лэн но Удмурт дуннелэн гожьяськонысьтызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс: Азыпечатлос / Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003б. – 98 б.

55. *Кельмаков В. К.* Г. Е. Верещагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 240 с.

56. *Кельмаков В. К.* Шонересь-а гожьяськонысьтымы шонертэтъёс?: Лекциослы но семинарьёслы материалъёс / Удмурт кун университет. Удмурт

кылосбур факультет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2008. – 93 б.

57. *Керт Г. М.* Саамский язык // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 203–247.

58. *ККСЕЯ* – Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко, С. А. Швачко, Е. И. Букреева и др. – Киев: Наукова думка, 1990. – 284 с.

59. *Коведяева Е. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Марийский язык). – М.: Наука, 1987. – 160 с.

60. *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 148–174.

61. *Кочеткова Л. И.* Этимология числительного «семь» в финно-угорских языках // Актуальные вопросы мордовской филологии. Вып. 2: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Водясовой Л. П.; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2003. – С. 30–33.

62. *Кривощекова-Гантман 1956 – Кривощекова-Гантман А. С.* К вопросу о категории имен числительных в коми-пермяцком языке // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривощекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 31–39.

63. *Кривощекова-Гантман 1967 – Кривощекова-Гантман А. С.* Порядок слов в коми-пермяцком языке // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривощекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 64–81.

64. *Кривошекова-Гантман 1985 – Кривошекова-Гантман А. С.* Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Выпуск 3. Кривошекова-Гантман, А. С. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 1: Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. – Пермь, 2006. – С. 111–144.

65. *Кротовъ 1785 – З. Кротов.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

66. *Кузакова Е. А.* Имя числительное в восточномансийском диалекте // *Linguistica Uralica* XXVI – 1990 2. – С. 109–112.

67. *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Том I. – М.: Издательство Московского университета, 1980. – 412 с.

68. *Куприянова З. Н., Хомич Л. В., Щербакова А. М.* Ненецкий язык: Учебное пособие для педагогических училищ. – Л., 1961. – 288 с.

69. *КЭСК – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

70. *Кя* – Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнёва. – М.: Издательство ДиК, 1998. – 608 с.

71. *Липатов С. И., Алямкин Н. С.* Числительное в мокшанском литературном языке и диалектах и проблема его орфографии // Актуальные вопросы мордовского языкознания. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988. – С. 86–94.

72. *ЛЭС* – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

73. *Лямин М. А.* Удмуртский язык для неудмуртов. – Ижевск: Удмурт-госиздат, 1937. – 157 с.
74. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. 1.: Введение. Фонетика. Морфология. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 306 с.
75. *Майтинская К. Е.* К вопросу о категории двойственного числа в уральских языках // Советское финно-угроведение. – 1968. – № 3. – С. 153–163.
76. *Майтинская К. Е.* О древнейших сложных количественных числительных // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. 150. – Helsinki, 1973. – S. 211–217.
77. *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М.: Наука, 1979. – 264 с.
78. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 256–280.
79. *Миллер Г. Ф.* Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ. – Въ Санктпетербургѣ. Издѣиивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1791 года. – 110 с.
80. *МК – Мокшень кяль.* Морфология: вузонь мокшень и финно-угрань отделениеянь тонафнихненди учебник / Серматф-тиф Н. С. Алямкинонь кядяла. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. – 236 с.
81. *Могилинъ 1786 – М. Могилин.* Краткой отяцкія грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. – (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.
82. *Морфология...* – Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. – Саранск: Мордгиз, 1939. – 154 с.
83. *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

84. *Никитевич В. М.* Грамматические категории в современном русском языке. – М.: Учпедгиз, 1963. – 248 с.
85. *Никольская Г. Н., Тараканов И. В.* Удмурт кыл. 6–7 классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 248 с.
86. *ÖKK – Öñia коми кыв. Морфология / Дасьтöма филологияса кандидат Г. Ф. Федюнёва кипод улын.* – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. – 544 с.
87. *Паллас П. С.* Сравнительные словари встхъ языковъ и наречій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азиатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Типографіи у Шнора 1789 года // Peter Simon Pallas. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Band 2. Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1789.* – Hamburg: Buske, 1978. – 494 с.
88. *Перевощиков П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка. Синтаксис, лексика, морфология // Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: ОГИЗ. Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1948. – С. 369–446.
89. *Перевощиков П. Н.* Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – С. 1271–1360.
90. *Поздеева А. А.* Удмурт кыл грамматика: Фонетика но морфология. 5–6 классъёслы. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. – 119 с.
91. *Поздеева А. А.* Удмурт кыл грамматика: Фонетика но морфология. 5–6 классъёслы. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. – 198 с.
92. *Правила* – Правила удмуртской орфографии и пунктуации. – Ижевск: Удмурт кн. изд-во, 1954. – 104 с.
93. *РГ* – Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

94. *Рогожина В. Ф.* Субстантивированные числительные и прилагательные в роли подлежащего в мокшанском языке // Финно-угристика 4: Межвузовский сборник научных трудов / МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск: Типография «Красный октябрь», 2000. – С. 150–155.
95. *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
96. *Ромбандеева Е. И., Вахрушева М. П.* Мансийский язык: Учебное пособие для пед. училищ. – Л.: Просвещение, 1984. – 223 с.
97. *РЯ – Русский язык.* Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская Энциклопедия, Дрофа, 1997. – 703 с.
98. *Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976. – 288 с.
99. *Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А.* Печорский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976. – 156 с.
100. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 390 с.
101. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология мордовских языков. – М.: Наука, 1967. – 264 с.
102. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986. – 306 с.
103. *СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.* Морфология / Э. Р. Тенишев, В. Д. Аракин, Г. Ф. Благова и др. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
104. *СКЯ 1955 – Современный коми язык.* – Сыктывкар, 1955. – 312 с.
105. *СЛРЯ – Современный литературный русский язык* / Под ред. Леканта П. А. – М.: Высшая школа, 1996. – 462 с.
106. *Смолькина Л. И.* История изучения имен числительных в мордовских языках // Проблемы марийской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов / ГОУ ВПО «МГПИ им.

Н. К. Крупской». Кафедра марийского языка и литературы. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 68–78.

107. *СМЯ 1961* – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.

108. *Соловар В., Спирякова Л.* Имя числительное в хантыйском языке // Финно-угроведение. – 2000. – № 2. – С. 66–72.

109. *Сочинения...* – Сочинения принадлежащія къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербургт при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15 + 113 + 17].

110. *СРЯ1* – Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис/ Новиков Л. А., Зубкова Л. Г. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.

111. *СРЯ2* – Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II: Морфология. Синтаксис/ Под ред. Дибровой Е. И. – М.: Академия, 2001. – 704 с.

112. *СТЛЯ* – Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология / Ред. коллегия: Х. Р. Курбатов, Л. Т. Махмутова, Л. П. Смолякова, Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1969. – 384 с.

113. *ТГ2* – Татарская грамматика. Т. 2. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 397 с.

114. *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. И. Лыткин. – М., 1965. – 324 с.

115. *Тепляшина Т. И.* Нижне-чепецкие говоры северо-удмуртского наречия // Записки УдНИИ. Выпуск 21. – Ижевск, 1970. – С. 159–196.

116. *Тепляшина Т. И., Лыткин В. И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – С. 97–228.

117. *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. – М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 204 с.
118. *Удмурт.* Руководство к изучению Вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1924. – 120 с.
119. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.
120. *УКДЮ* – Удмурт кылэз дышетоннын юрттэт / Отв. ред. М. В. Горбушин. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. – 84 б.
121. *Ушаков Г. А.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.
122. *Ушаков Г. А.* Числительной: стилистикаез но методикаез // Удмурт кыльга но литература уроекъс. – Ижевск, 1988. – С. 67–80.
123. *Ушаков Г. А.* Грамматические категории удмуртского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.–15. 8. 1995. Part III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia. – Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 1996. – S. 224–228.
124. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка/ Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Том III. – М.: Прогресс, 1971. – 828 с.
125. *Федотов М. Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1968. – 214 с.
126. *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / Под ред. И. С. Галкина. – Саранск: Издательство Саратовского университета. Саранский филиал, 1990. – 336 с.
127. *Федюнева Г. В.* Структурные типы коми наречий // Грамматика и лексикология коми языка. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 58. – Сыктывкар, 1995. – С. 99–121.

128. *Феоктистов А. П.* Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 248–344.
129. *Феоктистов А. П.* Мордовские языки // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 174–208.
130. *Хелимский Е. А.* Селькупский язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 356–372.
131. *Хонти Л.* Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев. – М.: Наука, 1993. – С. 301–320.
132. *Хонти Л.* Числительные в угорских языках // *Linguistica Uralica*. XXXIX 2003. – №3. – С. 175–182.
133. *Эк – Эрзянь кель: Морфемика, валонь теевема ды морфология: Вузонь эрзянь ды финнэн-угрань кужотнесэ студентнэненъ тонавтнемапель.* – Саранск, 2000. – 280 с.
134. *Эрнитс Э.* К происхождению числительного 'один' в разных семьях языков // Советское финно-угроведение. – 1973. – № 3. – С. 161–173.
135. *Юдакин А. П.* Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков. – М.: ГЛАС, 1997. – 391 с.
136. *ЯЗ – Языкознание. Большой энциклопедический словарь* // Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1998. – 685 с.
137. *Яковлев И. В.* Удмурт кылрад'ян: Элементарная грамматика вотского языка. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 88 с.
138. *Aminoff T. G.* Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. – Helsingissä, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1896. – 48 s.
139. *Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Suomalais-ugrilainen seura, Helsinki, 2000. – 376 s.
140. *Fischer J. E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil // Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. – Frankfurt am Main, 1995. – 252 s.

141. *Givón T.* On the development of the numeral 'one' as an indefinite marker // *Folia linguistica historica. Acta Societatis Linguisticae Europaea. Tomus II / 1.* – Mouton, 1981. – P. 35–53.
142. *Greenberg J. H.* Generalizations About Numeral Systems // *Universals of Human Language. Volume 3. Word Structure.* – Stanford University Press, Stanford, California. 1978. – P. 249–297.
143. *Honti L.* Uralilaisten kardinaalilukusanonjen rakenteista // *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja.* 81. – Helsinki, 1987. – S. 133–150.
144. *Honti L.* Permiläiskielten '8' ja '9' // *Virittäjä.* – Helsinki, 1988. – S. 171–176.
145. *Honti L.* Die Bezeichnungen der 10 und ihrer Vierfachen in den uralischen Sprachen // *Linguistica Uralica XXVI – 1990 2.* – P. 99–108.
146. *Honti L.* Die Grundzahlwörter der Uralischen Sprachen. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1993. – 356 p.
147. *Honti L.* 9 = 9! (Ein Beitrag zur Lösung des Rätsels der 'neun' im Nordsamojedischen) // *Linguistica Uralica XXXII – 1996 2.* – P. 124–127.
148. *Hurford J. R.* Language and Number. The Emergence of a Cognitive System. – Basil Blackwell Ltd. Oxford, 1987. – 324 p.
149. *Ikola O.* Pieni nykysuomen opas / Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. – Turku, 2000. – 228 s.
150. *ISK – Iso suomen kielioppi / Päätoimittaja Auli Hakulinen.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. – 1698 s.
151. *Kenesei I., Vago R. M., and Fenyvesi A.* Hungarian. – London and New York, Routledge, 1998. – 474 p.
152. *Koivisto H.* Ulkomaalaissuomen syntaksia // *Folia Fennistica & Linguistica.* – Tampere, 1994. – 224 s.
153. *Koivulehto J.* Varhaiset indoeurooppalaiskontaktit: aika ja paikka lainasanojen valossa // *Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan.* – Helsinki, 1999. – S. 207–236.

154. *Leino P.* Polysemia – kielen moniselitteisyys // *Kieli 7: Suomen kielen kognitiivista kielioppia 1.* – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. 1993. – 328 s.
155. *MNTESZ 1967* – A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. – Akadémiai kiadó, Budapest. 1967. – 1142 s.
156. *Munkccsi B.* A votjck nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.
157. *Orbán G.* A finnugor nyelvek számnevei. – Bratislava: Készült a Slovenská Grafia könyvnyomdájában, 1932. – 96 s.
158. *Pajusalu R.* Viron üks ja kõik // *Virittäjä.* – № 1. – 2004. – S. 2–23.
159. *Parpola A.* Indoeurooppalaisten kielten esihistoria ja suomi // *Ennen, muinoin. Miten menneisyyttämme tutkitaan.* Tietolipas 180. – Helsinki, 2002. – S. 138–158.
160. *Rédei 1988a* – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I: Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht Ugrische Schicht. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 1–594 p.
161. *Rédei 1988b* – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band II: Uralische und finnisch-ugrische Schicht. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 595–906 p.
162. *SSA1* – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. A ~ K. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 1992. – 486 s.
163. *SSA2* – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. L ~ P. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 1995. – 494 s.
164. *SSA3* – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. R ~ Ö. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. – Helsinki, 2000. – 504 s.
165. *Strahlenberg P. J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm. 1730.
166. *Wichmann Y.* Etymologisches aus den permischen sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen.* Band XIV. – 1914. – S. 81–120.

167. [*Wichmann Y.*] Wotjakischer wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987 (LSFU). – XXIII + 421 S.

168. *Wiedemann F. J.* Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach in der Evangelieübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. – Reval, 1847. – 272 S.

169. *Wiedemann F. J.* Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

170. *Wiedemann F. J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St.-Petersburg, 1884. – 255 S.

Приложение 1

Удмуртский словарь Д. Г. Мессершмидта // Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. С. 156–157.

- 1: *Oddick*
- 2: *Kÿik*
- 3: *Qvÿn*
- 4: *Nyil*
- 5: *Huit*
- 6: *Qââdt*
- 7: *Schishim*
- 8: *Tjæmess*
- 9: *Ogkmæs*
- 10: *Dass*
- 11: *Dass-Oddick*
- 19: *Dass-Ogkmes*
- 20: *Kÿishe*
- 21: *Kÿishe-oddick*
- 29: *Kÿishe-ogkmæss*
- 30: *Qvâmen*
- 31: *Qvâmen-oddick*
- 39: *Qvâmen-ogkmæss*
- 40: *Nÿildan*
- 41: *Nÿildan-oddick*
- 49: *Nÿildan-ogkmæss*
- 50: *Huit-dan*
- 60: *Qâât-dan*
- 70: *Schishim-dan*
- 80: *Tjæmæss-dan*
- 90: *Ogkmæss-dan*

100: *Schú*
101: *Schun'-oddick*
102: *Schuna-Kyik*
109: *Schún'-ogkmæss*
110: *Schuna-dass*
111: *Schuna-dass-oddick*
119: *Schuna-dass-ogkmäss*
120: *Schuna-Kyishe*
121: *Schúna-Kyishe-oddick*
190: *Schun'-ogkmæs-dan*
199: *Schun'-ogkmasdan-ogkmæs*
200: *Kyik-Schú*
300: *Qvyn-Schú*
400: *Nyil-Schú*
900: *Ogkmæs-Schú*
1000: *Schûûrss*
1100: *Dass-oddick-Schu*
1110: *Dass-oddick-Schuna-dass*
1111: - - - *dass-oddick*
1200: *Dass-Kyik-Schú*
1900: *Dass-ogkmæss-Schu*
2000: *Kyik-Schûûrss*
3000: *Qvyn-Schûûrss*
4000: *Nyil-Schûûrss*
9000: *Ogkmäss-Schuurss*
10000: *Das-Schuurss*
11000: *Das-Oddick- Schûrss*
90000: *Ogkmäsdan-Schûrss*
100000: *Schuna-Schûrss*
200000: *Kyik-Schuna-__*

900000: *Ogkmas-S-S-*
1000000: *Schúre-Schúrss*
2000000: *Kyik-Schúre-S-*
20000000: *Kyishe-S-S-*
30000000: *Qvamen-S-S-*
99000000: *Ogkmesdan-Ogkmæs-Schure-S-*
100000000: *Schúna-Schúre-Shuarss*

Приложение 2

Strahlenberg, Philipp Johann von. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

1: *Attik* 'один'

2: *Kyk* 'два'

3: *Kyn* 'три'

4: *Nell* 'четыре'

5: *Witt* 'пять'

6: *Katt* 'шесть'

7: *Zfefem* 'семь'

8: *Ssemet* 'восемь'

9: *Alnmans* 'девять'

10: *Däs* 'десять'

Приложение 3

Johann Eberhard Fischer. Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil // Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. Frankfurt am Main, 1995. S. 166–169.

1:

2: *kük* 'два'

3:

4: *nill* 'четыре'

5: *wît* 'пять'

6: *kwat* 'шесть'

7: *sisim* 'семь'

8: *kikjamas* 'восемь'

9:

10: *doss* 'десять'

100:

1000: *surss* 'тысяча'

Приложение 4

Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15 + 113 + 17]. С. 40–41.

1: <i>Одыкъ</i>	17: <i>Дасъсизимъ</i>
2: <i>Кыкъ</i>	18: <i>Дасъкіамысь</i>
3: <i>Квинь</i>	19: <i>Дасъукмысь</i>
4: <i>Ниль</i>	20: <i>Кызъ</i>
5: <i>Вить</i>	21: <i>Кызъодыкъ</i>
6: <i>Куать</i>	22: <i>Кызъкыкъ</i>
7: <i>Сизимъ</i>	30: <i>Куамынь</i>
8: <i>Кіамысь</i>	40: <i>Нильдонъ</i>
9: <i>Укмысь</i>	50: <i>Витьтонъ</i>
10: <i>Дасъ</i>	60: <i>Куатьтонъ</i>
11: <i>Дасъодыкъ</i>	70: <i>Сизимъдонъ</i>
12: <i>Дасъкыкъ</i>	80: <i>Кіамустонъ</i>
13: <i>Дасъквинь</i>	90: <i>Укмыстонъ</i>
14: <i>Дасъниль</i>	100: <i>Сю</i>
15: <i>Дасъвить</i>	200: <i>Кыкъ сю</i>
16: <i>Дасъкуать</i>	300: <i>Квинь сю</i>
	1000: <i>Сюрсь</i>

Приложение 5

Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие: Памятники удмуртской филологии I).

1: *одыгъ, одыкъ* 'одинъ'; *одыгети* 'первый'; *одыгень*. нартч. 'поодному' [153]

2: *кыкъ* 'два'; *кыкъназы* 'оба'; *кыкътень*. *кыкътень* 'двойный'; *кыкътетти* 'об другой разъ'; *кыктетіезь* 'второй, другій'; *кыкъ кыкъ* 'подва'; *кыкъ той* 'два дни'; *кыкъполь* нартч. 'дважды' [109]

3: *квинь* 'три'; *квиньмети* 'третій'; *квинь мой* 'три дни'; *квинмо* нартчіе 'натри части'; *квинь поль* нартч. 'трижды' [81]

4: *ниль* 'четыре'; *нилетти* 'четвертый'; *ниль ой* 'четыре дни'; *ниль поль* нартч. 'четырежды' [146]

5: *вить* 'пять'; *витетіезь* 'пятый'; *вить-поль* 'пятью' [26]

6: *кватъ, куатъ* 'шесть'; *кватень* 'пошести'; *кватетти* 'шестый'; *кватъ поль* 'шестью' [80]

7: *сизимъ* 'седьмъ'; *сизиметти* 'седьмый'; *сизимъ. поль* 'седьмью' [197]

8: *тямысь* 'восемь'; *тямысь поль* нартч. 'осмью'; *тямысэтіезь* 'восмый' [229]

9: *укмысь* 'девять'; *укмысьетіезь* 'девятый'; *укмысь поль* 'девятью'; [238]

10: *дасъ* 'десять'; *дасо* 'десятокъ'; *дасъ этіезь* 'десятый'; *дасъ поль* 'десятью' [45]

11: *дасъ одыкъ* 'одиннадцатъ'; *дасъ одыкетіезь* 'одиннатцатый' [45]

12: *дасъ кыкъ* 'двенатцатъ' [45]

13: *дасъ квинь* 'тринатцатъ' [45]

14: *дасъ ниль* 'четырнатцатъ' [45]

- 15: *дасъ вить* 'пятнатцать' [45]
- 16: *дасъ квать, дасъ куать* 'шестнатцать' [45]
- 17: *дасъ сизимъ* 'седмнатцать' [46]
- 18: *дасъ тямысь, дасъ-кїямысь* 'осмнатцать' [46]
- 19: *дасъ укмысь* 'девятнатцать' [46]
- 20: *кызь* 'дватцать'; *кызь поль* нартч. 'дватцатью'; *кызьэти* 'дватцатый'
[108]
- 21: *кызьодыкъ* 'дватцать одинъ' [108]
- 22: *кызь-кыкъ* 'дватцать два' [108]
- 30: *квामынъ, куамынъ* 'тритцать'; *квामынэти* 'тритцатый' [79]
- 40: *ниль дасъ, нилдонъ* 'сорокъ'; *ниль донэти* 'сороковый' [146]
- 50: *виттоне-тіезъ* 'пятьдесятый' [26]
- 60 *кваттонъ, кватьдасъ* 'шестдесять'; *кватдасети* 'шестдесятый';
кватдасъ поль 'шестдесять разъ' [80]
- 70: *сизимъдонъ* 'семдесять'; *сизимъдонетіезъ* 'семдесятый' [198]
- 80: *тямысуись, тямыстонъ* 'восемдесять'; *тямысь тонетіезъ*
'восемдесятый' [229]
- 90: *укмыстонъ* 'девянносто'; *укмыстонэтіезъ* 'девятьдесятый' [238]
- 100: *сю* 'сотня, сто, сотенный' [209]
- 200: *кыкъ сю, кыкъ ся* 'двѣсти' [110]
- 300: *квинъ сю* 'триста' [82]
- 400: *ниль сю* 'четыреста' [146]
- 500: *виттонъ* 'пять сотъ'²⁴ [26]
- 600: *квать сюполь* 'шестьсотъ разъ' [80]
- 700: *сизимъ сю* 'семь сот' [198]
- 800: *тямысь сю* 'восемь сотъ' [229]
- 900: *укмысь сю* 'девять сотъ' [238]
- 1000: *сюрсъ* 'тысяча'; *сюрсъ поль* 'тысячу разъ' [209]

²⁴ Вероятно, автором при переводе допущена неточность в разграничении понятий 'пятьдесят' и 'пятьсот', ибо форма *виттоне-тіезъ* 'пятидесятый' уже приведена безошибочно

Приложение 6

Могилин М. Краткой отяцкія грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кириллова; Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201. С. 61.

1: *одыкъ*

2: *кыкъ*

3: *квинь*

4: *ниль*

5: *вить*

6: *кватъ*

7: *сизимъ*

8: *тямысь*

9: *укмысь*

10: *дасъ*

11: *дасъ-одыкъ*

12: *дасъ-кыкъ*

20: *кызь*

21: *кызь-одыкъ*

30: *квामынъ*

40: *нильдонъ*

50: *виттонъ*

60: *кваттонъ*

70: *сизимъдонъ*

80: *тямысьтонъ*

90: *укмысьтонъ*

100: *сю*

1000: *дасъпуй, стрсъ*

10000: *дасъ-сюрсъ*

100000: *сурсъ-сю*

Приложение 7

Г. Ф. Миллер. Описание живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемись, чувашъ и вотяковъ. Въ Санктпетербургѣ. Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1791 года.

- 1: одикъ 'один'
- 2: кюкъ 'два'
- 3: квинъ 'три'
- 4: нилль 'четыре'
- 5: вить 'пять'
- 6: кватъ 'шесть'
- 7: сисимъ 'семь'
- 8: кикьямасъ 'восемь'
- 9: укмясь 'девять'
- 10: дасъ 'десять'
- 11: дасъ-одикъ 'одиннадцать'
- 12: дасъ-кюкъ 'двенадцать'
- 20: кюсъ 'двадцать'
- 21: кюсъ одикъ 'двадцать один'
- 30: квамюнь 'тридцать'
- 40: нилль-донъ 'сорок'
- 50: вить-донъ 'пятьдесят'
- 60: кватъ-донъ 'шестдесять'
- 70: сизимъ донъ 'семдесять'
- 80: кикьямасъ-донъ 'восемдесять'
- 90: укмяссъ-донъ 'девяносто'
- 100: ссу 'сто'
- 200: кюкъ-ссу 'двести'
- 300: квинъ-ссу 'триста'
- 1000: сурсъ 'тысяча'
- 2000: кюкъ-сурсъ 'две тысячи'
- 10000: дасъ-сурсъ 'десять тысяч'

Приложение 8

П. С. Паллас. Сравнительные словари встхъ языковъ и наречій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть вторая. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Типографіи у Шнора 1789 года // Peter Simon Pallas. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Band 2. Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1789. Hamburg: Buske, 1978. С. 476–477.

1: *Отыкъ*

2: *Кыкъ*

3: *Квинь*

4: *Ниль*

5: *Вить*

6: *Куать*

7: *Сизимъ*

8: *Кіямісь*

9: *Укмысь*

10: *Дась*

100: *Сью*

1000: *Сьюрсъ*

Приложение 9

Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелиста Мат}ея. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета. 1847. 234 с. // Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Сарапульское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 4).

1: *одыгъ* 'один' [17]; *первой* 'первый' [176]; *азьнырысь-эзь* 'первый' [165]

2: *кыкъ* 'два' [9]; *кыкътэти-эзь* 'второй' [176]

3: *квинь* 'три' [88]; *квиньмэти* 'в трех местах' [212]

4: *ниль* 'четыре' [119]; *нилэти* 'четвертый' [108]

5: *вить* 'пять' [107]

6: *кватъ* 'шесть' [126]

7: *сизимъ* 'семь' [118]

8:

9: *укмысь* 'девять' [136]; *укмысэти* 'девятый' [226]

10: *дасъ* 'десять' [20]

11: *дасъ одыгъ* 'одиннадцать' [150]

12: *дасъ кыкъ* 'двенадцать' [58]

20:

30: *квामынъ* 'тридцать' [92]

40: *нильдонъ* 'сорок' [15]

50:

60: *кватътонъ* 'шестьдесят' [92]

70:

80:

90: *укмыстонъ* 'девяносто' [136]

100: *сю* 'сто' [92]

1000: *сюрсь* 'тысяча' [121]

Приложение 10

Азбука составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дптѣй чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Сарапульскому). Казань, Въ типографїи Императорскаго Казанскаго Университета. 1847. 194 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречіе / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследіе 4).

1: *од-игъ*, *одыгъ* 'один' [22, 23]; *нырысь* 'первый' [17]; *нырысь первой* 'первый' [25]; *од-игтэмъ* 'до единого' [43]

2: *кыкъ* 'два' [50]; *кыктэт-и* 'второй' [139]; *кыктэт-іязъ* 'во второй' [17]; *кыкто* 'близнецы' [37]; *кыкназыикъ* 'они оба' [78]

3: *квинь* 'три' [30]; *квиньме-тіязъ* 'в третьей' [17]; *квиньмет-и* 'третий' [25]; *квиньмоинь* 'в течение трех дней' [132]

4: *ниль* 'четыре' [71]; *нилет-іязъ* 'в четвертой' [17]

5: *вить* 'пять' [120]; *вите-тіязъ* 'в пятой' [17]

6: *кватъ* 'шесть'; *кватет-іязъ* 'в шестой' [17]; *кватіой* 'в течение шести дней' [18]

7: *сизимъ* 'семь' [28]; *сизимэт-и* 'седьмой' [17]

8: *тямысь* 'восемь' [125]; *тямысой* 'в течение восьми дней' [84]

9: *укмысь* 'девять' [46]; *укмысэт-изэ* 'девятый' [150]

10: *дасъ* 'десять' [157]; *дасэт-изэ* 'десятый' [152]

11: *дасъ од-игзэ* 'одиннадцать (вин. п.)' [157]

12: *даскыкъ* 'двенадцать' [56]

20: *кызь* 'двадцать' [126]

30: *квамынъ* 'тридцать' [105]

40: *нильдонъ* 'сорок' [55]; *нильдоной* 'в течение сорока дней' [29]; *нильдонэт-и* 'сороковой' [85]

50: *витьтонэт-и* 'пятидесятый' [48]

60:

70: *сизимдонъ* 'семьдесят' [73]

80:

90: *укмыстонъ* 'девяносто' [73]

100: *сю* 'сто' [73]

300: *квиньсю* 'триста' [59]

600: *кватьсю* 'шестьсот' [50]

1000: *сюрсь* 'тысяча' [50]

Приложение 11

Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. евангелистовъ Мат}ея и Марка. На русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нартчія. Казань, печатано въ типографіи Императорскаго Казанскаго университета. 1847. 234+135 с. // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3).

1: *одыгъ* 'один' [24]; *азъ-нырысь* 'первый' [143]; *первой* 'первый' [176]; *увазьнырысь* 'первый' [18];

2: *кыкъ* 'два' [29]; *кыктэтиезъ* 'второй' [50]; *кыкънаизъ* 'оба' [58]; *кыкътоинъ* 'в течение двух дней' [204]; *кыкэнь кыкэнь* 'по два' [39]; *кыкъ-той* 'в течение двух дней' [109];

3: *квинь* 'три' [88]; *квиньмэти* 'третий' [124];

4: *ниль* 'четыре' [119]; *нилети* 'четвертый' [108];

5: *вить* 'пять' [107]

6: *кватъ* 'шесть' [64]; *кватъэти* 'шестой' [128];

7: *сизимъ* 'семь' [118]; *сизимэти* 'седьмой' [174]; *сизимназы* 'они семеро' [96];

8:

9: *укмысь* 'девять' [136]; *укмысьэти* 'девятый' [128];

10: *дасъ* 'десять' [4]; *дасъэти* 'десятый' [182]; *дасо* 'десяток' [82]

11: *дасъ одыгъ* 'одиннадцать' [151]

12: *дасъ кыкъ* 'двенадцать' [58]

20:

30: *квामынъ* 'тридцать' [92]

40: *нильдонъ* 'сорок' [15]

50: *витьтонъ* 'пятьдесят' [46]

60: *кваттонъ, кватътонъ* 'шестьдесят' [92]

70: *сизимдонъ* 'семьдесят' [139]

80:

90: *укмыстонъ* 'девяносто' [136]

100: *сіо* 'сто' 92; *сю* 'сто' [92]

1000: *сюрсь* 'тысяча' [108]

Приложение 12

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. S. 97–98.

- 1: *og, odyg; odygäti* //// *nyrys, waЩ'nyrys, waЩ'nerys, aЩnyrys*
waЩ'nyrys' – увазьнырысь – увазьнырызъ – увазнерысь – увазнарысь
- 2: *kyk; kyktäti*
- 3: *kyjn'; küjn'mäti*
- 4: *nil'; nil'äti*
- 5: *wit'; wit'äti*
- 6: *kwat'; kwat'äti*
- 7: *siЩim; siЩimäti*
- 8: *t'amys; t'amysäti*
- 9: *ukmys; ukmysäti*
- 10: *das; dasäti*
- 11: *das odyg; das odygäti*
- 12: *das kyk; das kyktäti*
- 20: *küjЩ; küjЩäti*
- 25: *küjЩ wit'*
- 30: *kwamyn*
- 40: *nil'don*
- 50: *wit'don*
- 60: *kwat'don*
- 70: *siЩimdon*
- 80: *t'amysdon*
- 90: *ukmysdon*
- 100: *s'u*
- 101: *s'u odyg*
- 102: *s'u kyk*
- 200: *kyk s'u (kyk puj)*

300: *küjn' s'u (küjn' puj)*

1000: *s'urs*

2000: *kyk s'urs*

5000: *wit' s'urs (wit'don puj)*

10000: *das s'urs*

20000: *küjIII s'urs*

Приложение 13

Лыдзонь. Азбука для вотскихъ дпттей. Составиль священникъ Николай Блиновъ. Вятка. Въ типографіи губернскаго правленія. 1867. С.

- 1: *одыкъ* 'один'
- 2: *кыкъ* 'два'
- 3: *квинь* 'три'
- 4: *ниль* 'четыре'
- 5: *вить* 'пять'
- 6: *кватъ* 'шесть'
- 7: *сизимъ* 'семь'
- 8: *тямысь* 'восемь'
- 9: *укмысь* 'девять'
- 10: *дасъ* 'десять'
- 11: *дасъ одыкъ* 'одиннадцать'
- 12: *дасъ кыкъ* 'двенадцать'
- 13: *дасъ квинь* 'тринадцать'
- 14: *дасъ ниль* 'четырнадцать'
- 15: *дасъ вить* 'пятнадцать'
- 16: *дасъ кватъ* 'шестнадцать'
- 17: *дасъ сизимъ* 'семнадцать'
- 18: *дасъ тямысь* 'восемнадцать'
- 19: *дасъ укмысь* 'девятнадцать'
- 20: *кызь* 'двадцать'
- 30: *квामынъ* 'тридцать'
- 40: *нильдонъ* 'сорок'
- 50: *витьтонъ* 'пятьдесят'
- 60: *кватъ тонъ* 'шестдесят'
- 70: *сизимъ тонъ* 'семдесят'
- 80: *тямысь тонъ* 'восемдесят'
- 90: *укмысь тонъ* 'девяносто'

100: *сю* 'сто'
200: *кыкъ сю* 'двести'
300: *квинь сю* 'триста'
400: *ниль сю* 'четыреста'
500: *вить сю* 'пятьсот'
600: *квать сю* 'шестьсот'
700: *сизимь сю* 'семьсот'
800: *тямысь сю* 'восемьсот'
900: *укмысь сю* 'девятьсот'
1000: *сюрсь* 'тысяча'

Приложение 14

Священная история Ветхаго и Новаго завѣта. На вотяцкомъ языкѣ.
Издание православнаго миссіонерскаго общества. Казань. Печатано въ
типографіи Коковиной. 1877.

1: *ог, одик, одиг* 'один' [3]; *первой* 'первый' [23]; *одигды, одикды* 'один из
вас' [26]

2: *кык* 'два' [8]; *кыкэти* 'второй' [3]; *кыкназы* 'оба' [5]; *кыкла-палаз* 'с
обеих сторон' [38]; *кыктой* 'в течение двух дней' [126]

3: *кюу* 'три' [9]; *кюумети* 'третий' [4]; *кюумойсын* 'за три дня' [23];
кюумой 'в течение трех дней' [54]

4: *нюк* 'четыре' [9]; *нюлети* 'четвертый' [4]

5: *вит* 'пять' [30]; *витети* 'пятый' [4]

6: *куат* 'шесть' [13]; *куатети* 'шестой' [5]; *куат-ойсын* 'за шесть дней'
[5]

7: *џижым* 'семь' [9]; *џижымэти* 'седьмой' [5]

8: *џамыс* 'восемь' [149]; *тямыс* 'восемь' [113]; *џамысэти* 'восьмой' [73];

9: *укмыс* 'девять' [84]

10: *дас* 'десять' [12]; *дасэти* 'десятый' [12]

11:

12: *дас кык* 'двенадцать' [42]

20: *кыж* 'двадцать' [16]

30: *куамын* 'тридцать' [24]

40: *нюкдон* 'сорок' [9]; *нюкдонэти* 'сороковой' [77]

50: *ви џтон* 'пятьдесят' [88]; *ви џтонэти* 'пятидесятый' [40]

60:

70: *џижымдон* 'семьдесят' [52]

80: *тямыстон* 'восемьдесят' [13]; *џамыстон* 'восемьдесят' [73]

90:

100: *џү* 'сто' [19]; *џу* 'сто' [89]

1000: *џурыс* 'тысяча' [38]

Приложение 15

Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Писаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время его командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. Казань: Типографія А. А. Коковиной, 1880. 189 с.

1: *одик* [7]; *ок* [8]; *одиг* [15]; *ог* [42] 'один'; *первой* [21] 'первый'

2: *кык* 'два' [6]; *кыктэтиез* 'второй' [61]

3: *кюҢ* 'три' [3]; *кюҢмэтиез* 'третий' [61]

4: *нюл* 'четыре' [22]; *нюлэтиез* 'четвертый' [62]

5: *виҫ* 'пять' [23]

6: *куаҫ* 'шесть' [41]

7: *сиҫым* 'семь' [61]

8:

9: *укмыс* 'девять' [15]

10:

11:

12: *дас кык* 'двенадцать' [25]

20:

30: *куамын* 'тридцать' [72]

40: *нюлдон* 'сорок' [54]

50:

60: *куаҫтон* 'шестьдесят' [72]

70: *сиҫымдон* [24]; *сиҫёмдон* [68] 'семьдесят'

80:

90:

100: *су* 'сто' [51]

1000: *сурьс* 'тысяча' [23]

Приложение 16

Букварь для крещеныхъ вотяковъ. Гожтет тодыте. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. Казань. Типографія Коковиной. 1882.

- 1: *одик* 'один'
- 2: *кык* 'два'
- 3: *кюу* 'три'
- 4: *нюк* 'четыре'
- 5: *вит* 'пять'
- 6: *куат* 'шесть'
- 7: *џижём* 'семь'
- 8: *џамыс* 'восемь'
- 9: *укмыс* 'девять'
- 10: *дас* 'десять'
- 11: *дас одик* 'одиннадцать'
- 12: *дас кык* 'двенадцать'
- 20: *кыж* 'двадцать'
- 30: *куамын* 'тридцать'
- 40: *нюкдон* 'сорок'
- 50: *ви џтон* 'пятьдесят'
- 60: *куа џтон* 'шестьдесят'
- 70: *џижёмдон* 'семьдесят'
- 80: *тямыстон* 'восемьдесят'
- 90: *укмыстон* 'девяносто'
- 100: *џу* 'сто'
- 1000: *џурыс* 'тысяча'

Приложение 17

Torsten G. Aminoff. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Helsingissä, Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1896. 48 s.

- 1: *og, odig J; ok, odik K; odigeti*
- 2: *kyk J; kōk K; kykteti J; kōkteti K;*
- 3: *küiñ, kuiñ; kuiñmeti*
- 4: *ñul' J; ñül' K; ñul'eti*
- 5: *vit'; vit'eti*
- 6: *kwat'; kwat'eti*
- 7: *śizym J; śizōm K; śizymeti J; śizōmeti K*
- 8: *t'amys J; t'amōs K; t'amyseti J; t'amōseti K*
- 9: *ukmys J; ukmōs K; ukmyseti J; ukmōseti K*
- 10: *das; daseti*
- 11: *dasodig; dasodigeti*
- 12: *daskyk J; daskōk K; daskykteti J; daskōkteti K*
- 20: *kyž J; kōž K; kyžeti J; kōžeti K*
- 21: *kyžodig J; kōžodik K; kyžodigeti J; kōžodigeti K*
- 30: *kwamyn J; kwamōn K; kwamyneti J; kwamōneti K*
- 40: *ñül'don; ñül'doneti*
- 50: *vit'ton; vit'toneti*
- 60: *kwat'ton; kwat'toneti*
- 70: *śizymdon Vj.; śizōmdon K; śizymdoneti Vj.; śizōmdoneti K*
- 80: *t'amyston Vj.; t'amōston K; t'amystoneti Vj.; t'amōstoneti K*
- 90: *ukmyston V.; ukmōston K; ukmystoneti V.; ukmōstoneti K*
- 100: *śu; śueti*
- 102: *śukyk Vj.; śukōk K; śukykteti Vj.; śukōkteti K*
- 200: *kykśu Vj.; kōkśu K; kykśueti Vj.; kōkśueti K*
- 1000: *śuryys Vj.; śurōs K; śuryseti Vj.; śurōseti K*

Munkccsi B. A votjck nyelv szótca. Budapest, 1896. XVI + 758 l.

1: *og, ok, odi3g* (Sar., Mal.), Jel. *odig*, Kaz. *odik* [66]

2: *ki3k*, Kaz. *ke3k* (*ki3kt-*, *ki3k-*) [147]

3: *kwiń*, Kaz. *küń* (*kwińm-*, *küńm-*) [236]

4: *ńi3L*, Jel. *ńiL*; Kaz. *ńüL* [528]

5: *viT* [669]

6: *kwaT* [232]

7: *śi3i3m*, Jel., Mal. *śi3im*; Kaz. *śi3e3m*, *śi3em* [456]

8: *Tamı3s*, Kaz. *Tame3s* [409]

9: *ukmi3s*, Kaz. *ukme3s* [83]

10: *das* [388]

20: *ki3ż*, Kaz. *ke3ż* [156]

30: *kwamı3n*, Kaz. *kwame3n* [234]

40: *ńi3Ldon*, *ńiLdon*, *ńüLdon* [528]

50: *viTton* [669]

60: *kwaTton* [232]

70: *śi3i3mdon*, *śi3imdon*, *śi3im-das* [456]

80: *Tamı3ston*, *Tame3ston* [409]

90: *ukmi3ston*, Kaz. *ukme3ston* [83]

100: *śu*, Kaz. *śü* [468]

1000: *śurs* [475]

Приложение 19

[*Wichmann Y.*] Wotjakischer wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

- 1: *og* G J MU U; *odig* G M J MU U; *odiG*, *od4g* G; *odik* MU U; *oig* B [181]
- 2: *k4k* G B U; *k2k* M J MU; *k4kt-* U; *k2kt-* M J; *k2k-* J [109]
- 3: *kuuxiñ* G B M J MU U; *kuN* J; *kuⁱN* U [142]
- 4: *ñuuL* G MU U; *ñuuòL* G; *ñ2L* M J MU; *ñiL* U [179]
- 5: *viT* G B M J MU U [317]
- 6: *k&aT* G B M MU U [142]
- 7: *śiž4m* G B U; *śiž2m* M J MU [236]
- 8: *Tàm4s*, *T@am4s* G; *Tòàm2s* M MU; *Tòam2s* J; *Tòam4s* U (< **k2kjà*·-*m2s*) [271]
- 9: *uk-m4s* G U; *2k-m2s* M; *uk-m2s* J MU; *uk'-m2s*, *ug'-m2s*, *uG-m2s* MU [181]
- 10: *das* G B SI M J MU U [30]
- 20: *k4ž* G; *k2ž* M J MU; *kuž* U [118]
- 30: *k&àm4n* [142]
- 40: *ñuuL-don* G B MU; *ñuuòL-don* G; *ñ2L-don* M J MU; *ñiL-don* U [179]
- 50: *viTton* B M J MU U; *viTTon* MU [317]
- 60: *k&aTton* G MU; *k&aTton* M U [142]
- 70: *śiž4m-don* G U; *śiž2m-don* M J MU [236]
- 80: *T@am4s-ton* G; *Tòàm2s-ton* M; *Tòamis-ton* MU; *Tòam4s-ton* U [271]
- 90: *uk-m4s-ton* G U; *2k-m2s-ton* M; *uk-m2s-ton*, *uG-m2s-ton* MU [181]
- 100: *śu* G M J; *śuu* B M J MU U [238]
- 1000: *śurs* G M J U; *śurs* G B M MU; *śur2s* MU [241]